

**Специфика этнических
миграционных процессов
на территории
Центральной Сибири в
XX-XXI веках: опыт и
перспективы**

Сборник материалов международной
научной конференции

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

Авторы: Копцева Наталья Петровна, Замараева Юлия Сергеевна,
Пименова Наталья Николаевна, Кирко Владимир Игоревич,
Резникова Ксения Вячеславовна

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

- Копцева Наталья Петровна**
К65 Специфика этнических миграционных процессов на территории
Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы :
Сборник материалов международной научной конференции
/ Наталья Петровна Копцева [и д. р.]. – [б. м.] : [б. и.], 2017. –
230 с. – [б. н.]

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №17-11-24501.

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund to the research project №17-11-24501.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Федеральное государственное автономное образовательное учреждение «Сибирский федеральный университет»

**1 секция «Современные
миграционные процессы
на территории
Центральной Сибири:
научные подходы
к изучению»**

THE STUDY OF LABOR MIGRATION PROCESSES IN THE EASTERN REGIONS OF RUSSIA

Koptseva Natalia P., Zamaraeva Ylia S.

Siberian Federal University

ABSTRACT

The article presents the results of a sociological and cultural study of ethnic migration in Siberia (Krasnoyarsk Territory). The aim of the present research is obtaining sociological characteristic of current problems of intercultural relations of a migrant and host environment. The object of the research is cultural values and needs, arising in the process of relations of a migrant and host environment, and its subject is analysis of cultural attitudes of students and migrants, living on the territory of the region, to arriving migrants. There are 137 nationalities living on the territory of Krasnoyarsk Krai. In order for the information of the socio-cultural research to be objective and results to be valid, we selected 500 people for participation in the research. The sample was chosen in the following way: 250 persons were selected among the students of institutions of higher (Siberian Federal University) and secondary professional education (Krasnoyarsk Polytechnic College), and 250 migrants, representatives of ethnic groups, living on the territory of the city of Krasnoyarsk. The main stimuli for co-residence of migrants and host environment (local population) (on the material of analysis of questions about temporary and permanent residence) are: eagerness to co-participate in socio-economic and cultural development of the region in case of permanent residence and rejection of temporary residence for

the sake of improving demographic situation of the host country. However, the strategy of separation, allowing to preserve unique distinctiveness in the environment of a different culture becomes the main condition for migrants' residence, and for the receiving (host) side, similarity of cultural characteristics of migrants and their own culture becomes important.

Keywords labor migration, ethnic migration, Russia, the Siberian region

Introduction

During the last twenty years, migration has become the subject for scientific and interdisciplinary studies in the spheres of sociology, demography, politics, economics, history, and anthropology, which through their dialogue define it as a global phenomenon, causing complete change of social processes and socio-cultural relations (Abduloev, Epstein, & Gang, 2014; Pilkington, 1998; Bauer, Haisken-DeNew, & Schmidt, 2005). However, different research has not been synthesized yet, and the theory of migration is in the process of finding its position among other social disciplines, in the process of developing its category apparatus, analyzing in the meantime modern migration processes by means of cultural research (Zamaraeva, 2010; Fedina, 2011). Cultural philosophy focuses mainly on conceptual definition of migration, which allows to unite the existing scientific ideas into common understanding and arrange research priorities in accordance with modern demands of a globalizing world (Ali, & Hartmann, 2015; Yijälä, & Jasinskaja-Lahti, 2010; Stepanov, 2000). Definition of migration as territorial movement of people and a factor influencing social processes (above all economic, demographic, and political) is no longer capable of explaining trends of transformations of social relations and specifics of changes in the socio-cultural aspect of the modern world (Zamaraeva, 2011). Study of migration as a special space of intercultural interaction, taking place in interaction of a migrant

and host environment, is necessary not only for studying modern processes of migration, but it is also very important for analysis of basic principles of co-existence of contacting cultural groups in multicultural society of XXI century, and understanding similarities and differences of the selected cultural strategy, its orientation towards preservation of cultural distinctiveness and original features of ethno-cultural groups (strategy of localization), or aiming at contact and participation of all groups in large pluralistic society, its aptness to form positive ideology of multicultural society (strategy of integration) (Singh, & Singh, 2013; Korobkov, 2007; Veerman, 2015). This is based on the thesis, used in classic sociological research, according to which communities are viewed as localized and connected with local culture, and, in order to become part of host community, migrants have to accommodate or assimilate to local culture (Bronzino, 2015; Karlova, Koptseva, Kirko, Reznikova, Zamaraeva, Sertakova, Kistova, Semenova, Shishatsky, Nevzorov, Ilbeykina, & Pimenova, N.N, 2013). However, the results of scientific research at the end of XX century and beginning of XXI century changed the perception of migration as a complex social process, which transforms socio-cultural relations and creates new cultural values and attitudes in the clash of contacting cultural groups that have not existed before (Bauer, Haisken-DeNew, & Schmidt, 2005). We believe that studying the phenomenon of migration from the point of view of philosophy of culture and modern methodology of cultural research will allow to define fundamental trends of this process, basic principles of socio-cultural transformations of migration processes of XX–XXI and thereby, to solve the problem of conceptual and methodological analysis of social phenomenon of modernity by means of the present culture-philosophical research (De Tinguy, 2003).

Several scientific approaches, developed in the period of XX–XXI centuries, served as scientific bases for the study of migration as cultural phenomenon in the context of intercultural interaction (Kirko, & Koptseva, 2014; Yudina, 2005; Seredkina,

2014). Firstly, during the recent decades there occurred a change of vector of studying the phenomenon of migration from the point of view of ethno-cultural, socio-cultural, cultural –anthropological and ethnographic approaches that have defined the research problems and directed scientists' attention to studying the phenomenon of migration as a cultural problem (Luzan, & Koptseva, 2012). This is related to migration dynamics, which has become more apparent and lead to the general feeling of change of socio-cultural quality (Ilbeykina, 2014; Nikitina, & Pimenova, 2014). In reality, a lot of cultural groups have encountered an urgent dilemma: either preservation of their unique entity and continuation of local development of their native culture in history, or dissolution in multicultural social communities for the sake of creating new entities, changed by this synthesis (Kistova, Pimenova, Zamaraeva, Reznikova, 2014). In scientific literature there have gradually appeared two opinions about the fact, that migration results either in localization (preservation) or assimilation (dissolution) of various cultural groups inside multicultural society (Domingo, & Ortega-Rivera, 2015; Libakova, Sitnikova, Sertakova, Kolesnik, & Ilbeykina, 2014). The need for searching basic mechanisms, functions and trends, characteristic of modern process of migration, by means of which it transforms social relations, determined the need for the current research, conceptualization of cultural research of modern migration relations (Heleniak, 1997). Secondly, the present-day requirements for conducting cultural research are that they should be oriented not only at increase of modern scientific knowledge, but first and foremost at solving current problems of social relations, appearing in socio-cultural dimensions (Kistova, 2014). In accordance with this, the research is aimed at studying specifics of migration in the context of modern culture, and also at analysis of how this process is defined in the theory and practice of culture, what potential possibilities it has for forming a positive model of multicultural society (Joppke, 2005).

In addition to this, methodologically, the phenomenon

of migration is revealed by means of interdisciplinary research of different humanitarian and social sciences aiming at discovering universal mechanisms of development of migration process and their manifestation in current socio-cultural processes (above all, in integration-adaptation) (Brubaker, 1996; Grishaeva, 2012). In accordance with this thesis, methodological strategy of research of migration in the context of modern philosophy of culture requires a special synthesis of methods of humanitarian sciences for obtaining a highly significant result in the sphere of intercultural relations of migrants and host society in the culture of XXI century (Reznikova, 2014).

Materials and methods

Socio-cultural research emerges on the border of sociology and cultural studies (Nemirovskaya, & Kozlov, 2013; Libakova, & Sertakova, 2014). Earlier we elucidated the importance and relevance of such research, which allows to discover modern meaning of cultural phenomenon of migration (Andrienko, & Guriev, 2004; Mansoor, & Quillin, 2006). Socio-cultural research is based on the model of sociological research in the form of questionnaires and with the topic of discovering principles of behavior of social groups (migrants and local population) and ways of regulation of this behavior (Nemirovskiy, 2014).

Sociological poll survey consists of the following consecutive stages:

- Making questions of the questionnaire (with several variants of answer/ multiple choice);
- Developing the system of picking the sample;
- Conducting «pilot» questionnaire, aimed at assessing adequacy of respondents' perception of the wording of the questions (as a rule, a group consisting of maximum 10–15 is selected);
- Conducting sociological questionnaire;
- Collecting empirical data, processing (interpreting) obtained information;

– Making a scientific conclusion.

At first, it is necessary to set the goal of the research, its object and subject, and after that proceed to stage-by-stage description of the main stages of its conducting. The aim of the present research is obtaining sociological characteristic of current problems of intercultural relations of a migrant and host environment. The object of the research is cultural values and needs, arising in the process of relations of a migrant and host environment, and its subject is analysis of cultural attitudes of students and migrants, living on the territory of the region, to arriving migrants.

Stage 1. Making questions for a questionnaire. The main purpose of a poll survey (subjective quantitative method) is analysis of opinions about problems of intercultural relations on the part of host culture and migrants themselves, using a questionnaire, developed beforehand. The polling is conducted in written form, which excludes the direct contact of the interviewer and the respondent. The purpose of choosing the form of questionnaire is the necessity to poll a big number of respondents for a relatively short period of time, and the possibility for the respondents to directly observe (read, contemplate) the questions and variants of response in the written questionnaire.

The questionnaire consists of introductory remarks, short instruction to the questions and three items, asking for information about the respondent (age, gender, education level, social position and nationality). Further there are eleven questions, which are logically coherent and are made according to the purpose and the object of the research. As it will be necessary for the research to find out two sides of attitude to migration (from the point of view of migrants and from the point of view of a student group), two variants of the questionnaire were developed with slight differences in wording, which took into account the features of both groups. Due to the fact that the respondents-migrants are at present the citizens of the city and the region, they possess information about the main social processes (economic, political, cultural and others)

in the region.

The questions of the questionnaire are organized as follows: the first two are aimed at discovering social problems (what exactly they are and in what processes), which can arise in connection with drawing in migrants (for temporary or permanent residence) for overcoming deficit of population and labour. The third and fourth questions are aimed at assessing the affect of migration inflow on national security of the country and concrete threats, capable of upsetting its stability. The fifth and sixth questions are to give a clear idea about the possible way of acculturation of migrants into Russian environment (isolation, integration, assimilation) and the agents, capable of considerable influence on migration situation in Krasnoyarsk Krai. In the seventh question respondents are to choose the representative model of migration policy of various states, which could be useful for development of the region. In the eighth and ninth questions respondents are to forecast national groups, which are «expected» to come to the territory of the region and to assess their disposition on the labour market. The tenth question asks about the need for creation of special conditions for arriving citizens (migrants) and also about the categories of migrants, for whom it is necessary to create special conditions. The last, eleventh question, is connected with the potential of Siberian Federal University (comprising four institutions of higher education of Krasnoyarsk) to become the place for «acculturation» of migration flows. Thus, all research questions together allow to analyze value attitudes and social needs, encoded in socio-economic, political, religious, educational and professional preferences of migrants and host environment. The majority of questions are «closed». Only the lines (variants) «other» in questions, where a respondent might not be satisfied with the existing list of variants, are «open».

In the final item respondents are invited to give an extensive answer, allowing them to give detailed information about some aspects of themselves and their preferences.

Stage 2. Developing the system of picking the sample. In order for

the information of the socio-cultural research to be objective and results to be valid, we selected 500 people for participation in the research. The sample was chosen in the following way: 250 persons were selected among the students of institutions of higher (Siberian Federal University) and secondary professional education (Krasnoyarsk Polytechnic College), and 250 migrants, representatives of ethnic groups, living on the territory of the city of Krasnoyarsk. Such proportion will provide the opportunity for equal participation of opinions in describing the specifics of relations of migrants and host environment at the present time.

Nowadays students are a new intellectual generation, future cultural elite that will determine development of interethnic relations and migration policy on the territory of the region; students of Krasnoyarsk educational institutions are carriers of conceptual modern ideas of intercultural relations, because during the academic year they are constantly in the process of everyday communication with their peers from cultures, different from their own. There are 137 nationalities living on the territory of Krasnoyarsk Krai. In every educational institution of Krasnoyarsk Krai there are representatives of various ethnic groups (as a rule, they have good level of spoken Russian and identify themselves among others according to their ethnic/national features), who wish to transform their qualities in educational process, to enter the multicultural international space and build most harmonious intercultural relation in the future. During the period of studying at educational institution, as a result of contact with other ethnic cultures, every young person forms a new system of ideas about the world and creates a different understanding of his/her ethnic self-consciousness. Therefore, students are the most active part of population that is not only capable of accepting new things (knowledge, relations), but also of understanding present-day content of intercultural relations.

The second group, consisting of migrants, who have arrived to the region and are now living on the territory of the city and krai, consisted of representatives of Azerbaijan diaspora (national-

cultural society «Azeri», Krasnoyarsk), Jewish diaspora (Jewish organization «Gilel', Krasnoyarsk), and Polish community (social organization «Poloniya», Zheleznogorsk). The selection of this groups was based on the following criteria: groups should have a long history of living on the territory of Krasnoyarsk Krai (Poles and Azerbaijani from XIX century, Jews from XVIII century); they should be relatively big; they should also be a national –cultural autonomy and have their own national – cultural societal organizations (Polish and Azerbaijani diasporas have got four organizations, Jewish diaspora has got one organization); they should be a member of social-cultural committee (created under the Administration of Krasnoyarsk Krai) for solution of concrete socio-cultural tasks; they should advocate interests and needs of migrants of both the city (centre) and the region (periphery). The additional criteria for selection was correlation between migrants' opinions and conditions of their living on the territory of host environment: groups, living in the «open» space of intercultural relations of the centre of the Krai (Azerbaijani and Jewish population of Krasnoyarsk) and in the «closed» centre of administrative – territorial formation (ZATO) (the Polish community of ZATO of Zheleznogorsk of Krasnoyarsk Krai).

In general, this sample is representative for conducting the socio-cultural research, because the selected social groups make up the category of migrants, who are not related to each other on ethnic basis (language, culture, history of formation of the ethnic group), who are autonomous, who aim at preservation of national features and take an active part in development of intercultural relations on the territory of the city and the krai. Sociological and cultural research is divided into three parts, each of which discloses important aspects of both sides of relations of migration process in socio-cultural space of Krasnoyarsk Krai.

Stage 3. Conducting «pilot» questionnaire, aimed at assessing adequacy of respondents' perception of wording of the questions. The pilot questionnaire, conducted with the students of the Faculty of Arts and Cultural Studies of Siberian Federal University

(15 persons from departments of Cultural Studies, Advertising and Arts) established correctness of wordings of questions, adequacy of understanding of the suggested variants of responses and correspondence of the questions to the purpose and tasks of the research.

Stage 4. Conducting sociological poll. The sociological and cultural research was carried out in the period from 08.02 to 15.05 2013, when the representatives (spokesmen) of national communities allowed time for mass polling. 500 questionnaires were collected, 104 of which were filled in by representative of Jewish organization, 92 – by representatives of Polish organization and 54 – by representatives of Azerbaijani organization, 150 questionnaires were filled in by students of Siberian Federal University, 100 questionnaires were filled in by students of Krasnoyarsk Polytechnic College. At the beginning of the questionnaire the respondents gave some information about themselves, which allowed to define the features of the migrant group according to their age, the ratio of men and women, level of education and social position. As the student group is just in the process of receiving secondary professional or higher education, the positions that were interesting for the research were «gender correlation», «social position» and «ethnicity».

Age-wise the group of migrants consisted of 78 persons of the age of 23–30 years old (31.2%), 104 persons of the age of 30–45 (41.6%); 68 persons older than 45 (27.2%); the student group consisted of 250 persons of the age between 15 and 25 years (teenager and young adults). According to gender ratio, the majority of migrant respondents were women (176/70.4% of women, 74/29.6% of men), which can be accounted for by greater public activity and greater disposition to preservation of traditions of their community; in the student group the ratio was almost equal (130/52% of men and 120/48% of women). According to the level of education, in the group of migrants 72 persons out of 250 have got higher education (28.8%), 121 persons have got secondary professional education (48.4%), 8 persons are studying

in institutions of higher professional education (3.2%), the rest 49 (19.6%) have secondary school education.

According to social position the migrants-respondents defined themselves as «civil servant» – 59 persons (23.6%), «worker» – 46 (18.4%), «employee of a private organization» – 41 (16.4%), «housewife» – 24 (9.6%), «unemployed» – 17 (6.8%), «worker of socio-cultural sphere» – 16 (6.4%), «retired» – 15 (6%), 32 people could not to define their social status. In Krasnoyarsk student group 230 people defined themselves as «student» (92%), 20 people could not define their social status.

In terms of ethnicity the following ethnic groups were represented among students: Russians – 148 (59.2%), Jews – 13 (5.2%), Armenians – 11 (4.4%), Khakas – 10 (4%), Ukrainians – 9 (3.6%), Azerbaijani – 8 (3.2%), Evenks – 7 (2.8%), Georgians – 6 (2.4%), Kirghizi – 6 (2.4%), Polish – 5 (2%), Tuvians – 4 (1.6%), Yakuts – 2 (0.8%), Chinese – 2 (0.8%), 19 respondents did not state their nationality.

Therefore, the majority of respondents from migrant group are of working age, have got education allowing them to occupy a certain position in social society, clearly identify themselves according to their ethnicity. As for the student group, its ethnic composition is diverse, and consequently, it corresponds to the name of «multicultural» society.

Stage 5. Collecting empiric data, processing (interpreting) the obtained information. Collecting empiric data was based on the following method of their processing: in compliance with the logic of formulation of the questions (items) of the questionnaire, most and least frequent responses were calculated for each question (according to the form of response), graphic percentage ratio was made and the results were interpreted. First, the questionnaires of the migrant group were processed, after that – the questionnaires of the student group. It was done in order to obtain «pure» social information about cultural attitudes and principles related to migration. At the last stage of the socio-cultural research the obtained results will be compared to each other in order

to discover basic (general, universal) characteristics of migration as a cultural phenomenon, whose specificity lies in relations of two interacting sides (migrants and host side).

CONCLUSIONS

The results of processing questionnaires of the migrant group

The most frequently chosen response to the question «Do you think that migrants should be drawn in for temporary jobs in order to overcome deficit of population and labour?» was «no, they should not. It is necessary to find an internal solution to demographic problems – 40% (100 people), the second most popular response was «they should, it is necessary for socio-cultural development of the region» – 39% (98), only 10% (25) answered «They should. This will create new impulses for cultural development of Krasnoyarsk Krai», only 2% (5) answered «No, they should not. The Krai does not need additional workforce», 8% (20) found difficulty in replying, 1% (2) was not interested in this problem. That is, temporary residence of migrants, connected with their labour activity, is considered necessary as an economic resource of the region, however, demographic increase due to families, which stayed as a result of short residence of one of parents on the territory of host environment, causes strong protest. Low percentage of the chosen responses, connected with cultural development of the region, demonstrates the fact that Krasnoyarsk Krai has for a long time been multicultural space, constantly synthesizing and reproducing new relations and values of interethnic relations, rather than lack of interest to new impulses.

To the question «Do you think that in order to overcome deficit of population and labour migrants should be drawn in for permanent residence?» the most popular response was «They should, because it is the only possibility for successful socio-economic development of Krasnoyarsk Krai» – 57% (142 people). The answer «They should, it will result in their „dissolution“ among indigenous

population, will make them our neighbours» was not a popular choice among migrants- respondents, apparently because of their reluctance to lose their ethnic distinctiveness and uniqueness in host culture – 14% (35). The response connected with possibility of civilization clashes (conflicts) was not a popular choice either – 9% (22 people). The responses «They should not because the indigenous population lacks space for residence» and «I think they should, there is enough land for everybody» had equal number of choices (4% and 6% correspondingly), which shows quite opposite attitudes to permanent residence of migrants on the territory of the host country. The possible explanations here are undecidedness between allowing constant residence and preventing territorial «seizures».

To the question «Do you think drawing in migrants can threaten national security?», almost equally high percentage of choices was made in favour of the responses «No, it will not if the government consider migration policy thoroughly» – 38% (95 people) and «No, it will not if migrants are similar to host environment in their cultural characteristics (for example, religion) – 28% (70 people). It means that migrants would like to see the Department of Federal Migration Service as creator of mechanisms of protecting rights and rules of adaptation of migrants in the space of host environment. One of the criteria for Migration Service to allow entrance to the territory should be ethnic and/or confessional similarity to host culture. This conclusion is supported by rare choice of the response «No, it cannot. In Russia there are security bodies strong enough to cope with his problem» – 10% (25 people). As for the negative (crime, aspiring to political independence and economic benefit) consequences of migrants' residence on the territory, only few respondents consider them dangerous.

The question «In your opinion, if drawing in migrants threatens national security, what kinds of threats do you regard as the most serious?» was answered by «increase of interethnic tension» – by 51% (128 people). The choice of this threat as the most serious reveals the basic condition of coexistence of various national

groups in their relationships. Only national conflicts can threaten national security and lead to irreversible consequences. Economic, criminal, professional and labour and cultural threats are not that serious as to cause national tension.

The most frequent response to the question «*What kind of state policy is necessary in respect to migrants?*» was «it should assist migrants in „becoming native“ in Russia, dissolving in Russian society, studying the Russian language, Russian culture» – 58% (145 people), the second most frequent response was «Migrants should preserve their identity» – 27% (68 people) and the third response chosen was «Migrants should live in the most possible isolation, engaging only in activity which is allowed to them, without interfering in life of indigenous population» – 15% (37 people). Therefore, the most desirable strategy in the process of modern acculturation is assimilation of migrants in host society, with members of minority groups aiming at permanent contact and interaction with other cultures. This supports the response to the previous question when the respondents expressed their concerns about threat of international tension, caused by inflow of migrants. That is why the second strategy is integration of national groups, leading to preservation of cultural diversity and creation of multicultural society. It seems that migrants are ready to sacrifice and change the major part of their national cultural uniqueness for the sake of non-conflict social existence. Perhaps, when migrants and host environment are completely confident about national security, the wish to create multicultural society will become dominant.

In response to the question «*What social, political and cultural groups are capable of significant influence on migration situation in Krasnoyarsk Krai?*» «The Government» – 19% (47 people) and «Mass Media» – 18% (45) were chosen as the key agents (actors). This preferential choice indicates the necessity of synthesis of political and information powers for creating integrated and open (in terms of information) process of migration policy. The second place is occupied by the triad: «Governor» – 12% (30),

«National societies, diasporas» 10% (25) and «Siberian Federal University» – 9% (23), whose alliance is expected to build up an adequate migration policy at the local level (taking into account preferences of ethnic groups) and acculturate arriving migrants to the space of host environment. The next choice is a large group of agents, which could be divided into two subgroups: «religious» («Russian Orthodox Church» – 5%, «Islamic religious organizations» – 2.5%) and «secular» («Specialists-experts in international relations» – 4%, «Scientific and educational societies» – 3%, «Social advertising» – 3%, «Local government authorities» – 2.5%). The response «Nobody can influence – it is a spontaneous process» had 4%. Such distribution of answers, on the one hand, indicates a significant influence of these religious and political institutions on the life of multicultural society, supporting everyday preferences of residents and forming the rules of their co-existence. On the other hand, a sufficiently high rate of negation of all agents of influence, indicating the impossibility of management of process of migration relations, most likely tells about unawareness of the respondents about the processes, related to migration. The least popular group includes agents which affect migration situation locally and are least capable of significant influence on relation between migrants and host environment. The agents, which were not recognized by respondents as influential were «pop stars» and «public order squads».

The question «The experience of which countries in the sphere of migration policy would be useful on the territory of Krasnoyarsk Krai?» had almost equal rate of undecidedness of the response (I find difficulty in replying-22%) and preference of migration policy of the USA (21% – 52 people), next is Germany (12%), Canada (9%), Australia (7%), China (6%), the Soviet Union in the period from 1917 to 1990) (6%), France (4%), Poland (3%), Kazakhstan (2%). The response «all countries failed in their migration policy» has a relatively low rate (8%). That means that the USA became the ideal model of migration policy, having the most successful strategy, the country that was formed basing on the concept of “

a melting pot» (here the strategy of assimilation, which was chosen by the respondents before, completely coincides with the chosen policy). The second most popular policy was the policy of the developed countries, which have an elaborate political mechanism related to migration, which has been successfully implemented in these countries. The choice in favour of historic form of migration policy of Russia, which was functioning for the sake of preserving the union of socialist republics, demonstrates the desire of the respondents to «restore» the former union and unity of national diversity.

According to the respondents' answers to the question «*Migrants from what states can be expected on the territory of Krasnoyarsk Krai?*», migrants from Central Asia (30%), Chinese People's Republic (27%) and Transcaucasia (23%) are expected on the territory of the region, with the highest rate for Tajikistan and Azerbaijan. This kind of response shows and details the desirable (ideal) image of migration relations: future migrants are representatives of eastern culture (whose ethnic features are similar to the respondents), who are supposed to be governed by adopted rational (western) migration policy and assimilate (become «nativized», dissolve) into the host society.

The question «*In what sector of labour market will migrants be most necessary?*» gave distribution of future disposition of vacancies for migrants from the above mentioned countries: low qualified labour – 41%, low and medium qualified labour – 21.5%; medium qualified labour – 21%; in all segments of the market – 14.5%; 2% found difficulty in replying and ignored the question. That is, future migrants are necessary as workforce, capable of quick and quality performance of big amounts of work, thus giving possibility to develop the economy of the region.

The question «*Is it necessary to create special conditions for migrants – to allocate land, provide travelling allowances, build dwellings, pay allowances for providing for family, children?*» manifests three almost equal positions in relation to special conditions: «Special conditions should be created for highly

qualified specialists, but not for low qualified ones» – 29%; «Special conditions should be created for highly qualified specialists for break-through economic projects on the territory of Krasnoyarsk Krai» – 24%; «Special conditions should be created for bringing back our fellow-countrymen» – 13%. Therefore, following the logic of the responses, inflow of workforce should exist, but privileged position should be created only for highly-skilled specialists, who wish to assimilate into the environment of host culture and develop the economy of the region. As for coming back of their fellow countrymen, migrants express general approval, characteristic of all countries of the world with similar cases.

The question «*Can Siberian Federal University become a place where migration inflows will be «acculturated?»*». According to the majority of the respondents, Siberian Federal University can become a place where migration inflows will be acculturated on condition of: developing special educational programmes for concrete socio-cultural groups (25%), employing specialists in interethnic relations (18%). Therefore, SFU is regarded as territory where educational adaptation takes place and interethnic dialogue is constructed (build), taking into consideration diversity (rather than unification) of existing groups of migrants and local residents.

The results of processing questionnaires of the student group.

In the student group the most popular response to the question «*Do you think that migrants should be drawn in for temporary jobs in order to overcome deficit of population and labour?»* was «*They should, it is necessary for social-economic development of the region*» – 53%. The students also considered it necessary to develop culture by means of attracting migrant waves from other cultures – 20% (50). While the first response coincides with the response, given by migrants, the second opinion demonstrates the desire for new, unknown etc, which is characteristic of young enthusiasts in the process of accumulating, understanding and forming their own world outlook. The rest small-numbered

responses demonstrated reluctance to allow additional workforce (perhaps it is connected with their own enthusiasm) or lack of interest/knowledge about this question.

The question «Do you think that in order to overcome deficit of population and labour migrants should be drawn in for permanent residence?» showed an open attitude towards arriving migrants, but on additional condition that there should be possibility to establishing a barrier in case of constant inflow of migration waves. The positive criteria for allowing permanent residence for migrants are: possibility to develop social economy of the region (23%) and develop new land masses (20%), and also similarity of ethnic and/or religious features (13%), and readiness to assimilate into host culture (12%). The barriers were defined as possibility of civilization clashes (conflicts) (8%) and non-interference in solution of local problems (5%). 12% found difficulty in replying.

The question «Do you think drawing in migrants can threaten national security?» produced three kinds of answers: the Migration Service is considered responsible for organization and fulfillment of migration policy (45%). The second choice is the responses related to capability to cope with the problem of security on condition that migrants are similar to host culture (15%). The third group included social (criminal) and economic threats (20% all together), but they are not large scale problems in the modern world and are solved individually in each particular case. The fact that student displayed no reaction to the possibility of political independence of migrants on the territory of host environment indicates their firm belief in the efficiency of the mechanism of protection exercised security bodies.

The question asking to specify the most serious threats revealed the most important ones: «increase of international tension» (46% – 161 people) and «increase of crime» (30% – 61 people), where illegal (criminal actions are assessed by young people as a real threat of interethnic conflicts. The second groups according to the degree of threat, representing less serious threat

are: «dependence of economy on foreign workforce» (10%) and «threat to national culture of peoples of Russia» (8%). In connection with the priority choices for the previous questions, the criteria, preventing inflow of migrants to the territory become clear. The least dangerous threats for the national security are «ousting local residents from prestigious jobs» and «outflow of money from Russia» (3% each). The threat to territorial security was not mentioned by the students.

More than half of the responses to the question «What kind of state policy is necessary in respect to migrants?» were that state policy should build up the strategy of assimilation for migrants – 60% (150 people). Two times less students believe that migrants should preserve their identity – 27.5% (68 people), which corresponds to the strategy of integration and future development of multicultural society. Only 7.5% of the respondents are not ready to accept migrants (isolation).

The responses to the question *«What social, political and cultural groups are capable of significant influence on migration situation in Krasnoyarsk Krai?»* were divided onto five positions: the key agent, according to the student, should be the government – 40%; then follows the social triad (governor – 15%, national societies and diasporas – 13%, libraries – 12%), in which the significant role is ascribed to traditional cultural institutions, capable of organizing space of international dialogue and become sites for meetings of the leaders of state and national powers. The third according to its degree of influence became the group of educational – information direction (scientific and educational societies – 7%, Siberian Federal University – 6%, mass media – 5%), in which there are beacons for mass media, directing it towards educational process, functioning for the sake of establishing new cultural quality. The fourth group was made up of agents of «local government authorities» – 2% and «cinematograph» – 2%, possessing dictatorial functions and jointly forming the image (the task of cinema) and content (the task of local self-government) of migrants themselves and the attitude of host environment

towards them. The last position was occupied by the group «social advertising», «Internet communities» and «militia» (1% each), in which social advertising and information network should minimize criminal actions on the territory of the host country. In general, priorities of students concerning the agents of influence can be organized into a special social hierarchy, at the foundation of which there is the state government (a general level), it is followed by educational process, forming interethnic quality (educational level), the last level are social agents of regional level, conducting the practice of social informing about the relation of a migrant and host environment (socio-practical level). As for religious denominations influence on migration situation, it is an open question for the students (none of the positions was chosen).

The question «The experience of which countries in the sphere of migration policy would be useful on the territory of Krasnoyarsk Krai?» formed the followings ideas: the USA – 43%, France – 17.5%, Germany – 5.5%, China – 5%, Kazakhstan and Russia (in the period from 1917 till 1990) – 2.5% each, Canada and Australia – 0.5% each, 23% found difficulty in replying. Based on the chosen responses, we can make a conclusion that the respondents have got little knowledge about migration experience of developed countries and used the information, which is broadcast in mass media, forming such opinions in mass consciousness.

The question «Migrants from what states can be expected on the territory of Krasnoyarsk Krai?» revealed expectation of expansion of migrants from Middle Asia (41%) and Transcaucasia (20%), which corresponds to the real situation of migrant inflow in Krasnoyarsk Krai and public opinion of the host environment (migrants come because of lack of work (in their countries) and opportunity to provide for their families). The next question *«In what sector of labour market will migrants be most necessary?»* clarified the disposition of migrants predominantly on the market of low qualified labour (75%), medium qualified labour (17%), in all segment of labour market (6%), 2% found difficulty in responding. In general, modern students have got quite clear awareness

of migrant situation and are capable of forecasting and explaining the cause of migration waves to the territory of the host country.

The question «Is it necessary to create special conditions for migrants – to allocate land, provide travelling allowances, build dwellings, pay allowances for providing for family, children?» confirms the positive position of students that all migrants, who are ready to work for the benefit of the region should be supported and created special conditions for – 50%. Relatively low is the ratio of support to fellow-countrymen, who are ready to return to the country – 20%. Negative attitudes are revealed through the choice of the statements «no, migrants should not be supported because indigenous population lacks such support» (15%) and «no, migrants should not be supported if they are migrants from China» (15%). Therefore, students as host environment are ready to accept and adopt migrants who are willing to work, qualification of migrants is not important. In respect to migrants from China, students believe that difficulty in interethnic relations will be caused by the fact that the two languages belong to different language families and in connection with negative information broadcast by mass media at regional level.

To the question «Can Siberian Federal University become a place where migration inflows will be «acculturated?» the following responses were chosen: «it undoubtedly can», «it can if it employs specialists belonging to migrants' ethnic groups and religion» and «it can if it develops special educational programmes for concrete social-cultural groups» – 25% each. Thus, students who are direct participants of building up interethnic relations give concrete recommendations for creating such educational space with doubly-directed communication of establishing interethnic relations. On the one hand, it is educational programmes, directed at different cultural groups, allowing to understand particular features of different societies and to build the model of multicultural society in future. On the other hand, it is specialists – carriers of existing ethnic and religious notions, who are ready to broaden the world view and world outlook of the young generation. The priority

of education as the key sphere, forming modern culture, increases the possibility for students to adequately employ education function of culture in relation to migrants in the future.

Stage 6. Making scientific conclusions. The results of sociologic questionnaire allowed to reveal dominant and secondary values, appearing in relations of migrants and host environment, and based on that, to make the following conclusions.

Firstly, the most valuable priority in relation of migrants to host culture is absence of international tension, which can be ensured by a number of concrete cultural conditions:

- aiming at integration model of adaptation, based on acceptance and cooperation, and preserving certain cultural entity while joining the dominant society;

- preservation of social migration connections with related groups as a guarantee of self preservation of this ethnic group in host environment;

- following the rules of state migration policy, made by the Government of the country, which should use the experience of socially and economically developed countries to regulate migration situation on the territory (for example, the conception of «melting pot» in historical experience of the USA as a representation of the strategy of assimilation of migrants);

- correspondence to the requirement of host environment on condition of constant and open informing mass media about migration policy;

- desire of permanent residence on the territory of host country for full participation in social and economic development of the region.

Valuable secondary priorities, which occupied second and third position in migrants' assessments are the following:

- migrants' choice of assimilation strategy in host environment for the sake of minimizing international tension, while at the same they wish to preserve a certain degree of their cultural identity;

- willingness to fill in low and medium qualified work niches on condition of tolerant attitude on the part of the host country and

possibility of raising qualification and acquiring more comfortable conditions of life;

– possibility of obtaining full understanding of host culture in order to successfully adapt to the space of multicultural society.

Secondly, dominant values of host environment in respect to migrants, shaped in the statement of student multicultural community are:

– readiness to attract migrants only for social economic development of their own territory of residence;

– minimization of interethnic tension on condition of greater similarity of cultural features of migrants and host culture;

– priority of assimilation strategy in migration policy, because host environment is always a dictate in respect to any form of enthusiasm of migration waves;

– priority of including «cultural component» at each level of social interaction, because it is responsible for preservation and transformation of basic and everyday values concerning people, and is capable of creating comfortable conditions for dialogue between the sides (the student group has got a clear idea about the levels of distribution of the main functions of culture from legislative to domestic every day solutions to problems of relations between a migrant and host environment);

– readiness to allow any amount of migration waves, but in case of expansion of non-related cultural groups, serious education programmes should be created, capable of «acculturation» and adaptation of migrants who are willing to change their own qualities and enter multicultural society.

Secondary values for the host culture are two priority statements: due to inflow of migrant groups the culture of the host country definitely enriches itself (undergoes qualitative changes), and, if migration policy takes into account similarity of cultural characteristics and strict control of illegal (criminal) actions is exercised, the possibility of interethnic conflict is minimal.

Conclusions

The conducted sociologic and cultural research allowed to reveal the quality of relations between migrants and host environment (on the material of analysis of questionnaire of present-day residents of Krasnoyarsk), which allows to define a number of features:

– The main stimuli for co-residence of migrants and host environment (local population) (on the material of analysis of questions about temporary and permanent residence) are: eagerness to co-participate in socio-economic and cultural development of the region in case of permanent residence and rejection of temporary residence for the sake of improving demographic situation of the host country. However, the strategy of separation, allowing to preserve unique distinctiveness in the environment of a different culture becomes the main condition for migrants' residence, and for the receiving (host) side, similarity of cultural characteristics of migrants and their own culture becomes important.

– The level of maintaining national security (on the material of analysis of questions about possibility of threats resulting from drawing in migrants and specifying the types of threats) was assessed by the respondents as stably high on the part of migration politics. However, its integrity can be disrupted by international tension, which is marked by the both sides as «dominating» over the other possible threats (territorial, economic, professional - labour, criminal etc). This problem can be minimized only by drawing in migrants with similar cultural characteristics. Therefore, the task of maintaining the borders of national security is solved in the space of culture; the degree of similarity of cultures becomes the most important criteria for drawing in migrants.

– The choice of the state strategy of adaptation (on the material of analysis of questions about state policy and key agents, having considerable influence on migration situation) is for the most part made by the both sides in favour of assimilation, which should be made and maintained by the efforts of political, information and cultural-educational organizations. On the other

hand, the both sides intentionally indicate their desire of assimilation, because this choice leads to non-conflict co-existence. On the other hand, migrants aspire to separation on condition of informationally open political attitude towards them. In general, we can deduce the desire of the both sides for dialogue between representatives of interethnic relations, whose results will be implemented in educational-cultural space of receiving (host) side, openly broadcast by mass media and constantly controlled by local government authorities.

– The representative adaptation model for forming migration politics is the strategy of integration, realized in the practice of developed countries (chiefly in the USA, also in Germany and France), where mechanisms of cultural adaptation of various ethnic groups have been established. This choice means that multicultural space can appear only in case of achieving high social-economic level, which provides a stable situation for introduction of efficient migration cultural policy and effective integration model of relations.

– The level of readiness to accept future migrants on the territory has indirectly indicated two considerably different aspects. Migrants are ready to maintain social migration connections for the sake of (self) preservation of unique ethnic/national distinctiveness (identity), however they are aware that special conditions in host environment will be created only for specialists of high professional level. The host group is ready to receive migration flows and create special conditions of living if: migrants are ready to become co-participants of social-economic development of the region; arriving migrants are culturally similar to host culture and engage in all spheres of labour activities; migrants who are not similar according to cultural feature fill low qualified and medium qualified labour niches.

– The key sphere which is capable of building up intercultural relations, according to the respondents, is education, which includes specially designed programmes and multicultural faculty, adapting migrants to cultural space of host society by means

of modern knowledge, and, at the same time, broadening the world outlook (chiefly for tolerant attitude) of interacting parties.

– In general, cultural phenomenon of migration appears in social existence of migrants and host environment under the conditions of intercultural relations and is manifested in the number of specific changes, which, in their turn, determine everyday co-existence of the two interacting parties. The basis for favourable relations is similarity of cultural characteristics of both sides, allowing quick adaptation and joint solution of social-economic problems. In case of absence of such similarity, serious political and cultural-educational programmes are necessary, aimed at «acculturating» migration flows and minimizing international tension. At present acculturation processes are rather stable, they are manifested in tolerant attitude towards each other, eagerness to develop potential of host environment, building up dialogue in intercultural relations. The respondents' answers demonstrate their desire of transition from strategy of assimilation to the strategy of integration, which will allow to achieve the level of multicultural society, political and ethnic independence in the process of co-participation in order to create non-conflict co-existence. It can also be noted that the society in which migration dynamics takes place, are ready for the strategy of integration, but it seems to lack external factors (for example, broadcasting ideology of integration) for the desired strategy to become dominant.

References

Abdulloev, I., Epstein, G. S., & Gang, I. N. (2014). Ethnic Goods and Immigrant Assimilation. *Centro Studi Luca d'Agliano Development Studies Working Paper*, (364).

Ali, S., & Hartmann, D. (2015). *Migration, Incorporation, and Change in an Interconnected World*. Routledge.

Andrienko, Y., & Guriev, S. (2004). Determinants of interregional mobility in Russia. *Economics of transition*, 12 (1), 1–27.

Bauer, T. K., Haisken-DeNew, J. P., & Schmidt, C. M. (2005). International labour migration, economic growth and labour markets: The current state of affairs. *The New Demographic Regime: Population Challenges and Policy Responses, United Nations Publication, Geneva*, 111–135.

Bronzino, L. (2015). Specifics of Migration from Russia to Europe in the Course of Crisis: The Flight of the Creative Class. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (151), 200.

Brubaker, R. (1996). Nationalism refrained: Nationhood and the national question in the new Europe. *Cambridge, UK*.

De Tinguy, A. (2003). Ethnic Migration of the 1990s from the successor states of the Former Soviet Union: «Repatriation» or Privileged Immigration. *Diaspora and ethnic migrants: Germany, Israel and post-Soviet Space in comparative perspective. London: Frank Cass*, 112–29.

Domingo, A., & Ortega-Rivera, E. (2015). Acquisition of Nationality as Migration Policy. In *Demographic Analysis of Latin American Immigrants in Spain* (pp. 29–54). Springer International Publishing.

Fedina, E. V. (2011). The Phenomenon of «the Other» as a Socioforming Factor of Krasnoyarsk Region (Based on the Association Experiment Method by A.I. Nazarov). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 11 (4), 1543–1552.

Grigorieva, E. G., Miller, K. I., & Semenova, A. R. (2012). Tendencies in Change of the Population Size and Structure of Krasnoyarsk Agglomeration. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 10 (5), 1475–1482.

Grishaeva, E. B. (2012). Multiculturalism as a Central Concept of Multiethnic and Polycultural Society Studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 7 (5), 916–922.

Heleniak, T. (1997). Internal migration in Russia during the economic transition. *Post-Soviet Geography and Economics*, 38 (2), 81–104.

Ilbeykina, M. I. (2014). Some aspects of the theory of social values. *Sociodynamics*, 12, 78–89. doi: 10.7256 /

2409–7144.2014.12.13901. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13901.html

Joppke, C. (2005). *Selecting by origin: ethnic migration in the liberal state*. Harvard University Press.

Karlova, O. A., Koptseva, N. P., Kirko, V. I., Reznikova, K. V., Zamaraeva, J. S., Sertakova, E. A., Kistova, A. V., Semenova, A. A., Shishatsky, N. G., Nevzorov, V. N., Ilbeykina, M. I., & Pimenova, N.N. (2013). *Novoe budushee Sibiri [New Future of Siberia]*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University.

Kirko, V. I., & Koptseva, N. P. (2014). Ethnic characteristics and its analysis in contemporary cultural studies. *Modern problems of science and education*, 3, 792.

Kistova, A. V. (2014). Formation of communicative (interpretive) ethnographic method in modern social cognition. *NB: Problems of politics and society*, 11, 62–72. doi: 10.7256 / 2306–0158.2014.11.1352. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13527.html

Kistova, A.V., Pimenova, N. N., Zamaraeva, Ju. S., Reznikova, K. V. (2014). Research possibilities for studying the indicators of quality of life of indigenous peoples of the North (based on the study of indigenous peoples of the North of Russia). *Life Sci J*;11 (6s), 593–600.

Korobkov, A. V. (2007). Migration trends in Central Eurasia: Politics versus economics. *Communist and Post-Communist Studies*, 40 (2), 169–189.

Libakova, N. M., & Sertakova, E. A. (2014). The methodology applied for Ethnological Studies of the northern territories of Russia: the advantages of expert interviews. *NB: Problems of politics and society*, 3, 67–86. doi: 10.7256 / 2306–0158.2014.3.11268. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_11268.html

Libakova, N. M., Sitnikova, A. A., Sertakova, E.A., Kolesnik, M, A., & Ilbeykina, M. I. (2014). Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia). *Life Sci J*;11 (12), 133–140.

Luzan, V. S., & Koptseva, N. P. (2012). Gosudarstvennaya kulturnaya politika v Sibirskom federalnom okruge: kontseptsii, problem, issledovaniya [State culture policy in the Siberian Federal District: concepts, problems and solutions]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University.

Mansoor, A. M., & Quillin, B. (Eds.). (2006). *Migration and remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union*. World Bank Publications.

Nemirovskaya, A. V., & Kozlov, V. A. (2013). Social Support for Contemporary Modernization in the Regions of Siberia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8 (6), 1107–1128.

Nemirovskiy, V. G. (2014). Dynamics of Social Well-Being of the Population of the Region in View of Emotional and Energy Indicators. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 10 (7), 1765–1774.

Nikitina, M. A., & Pimenova, N. N. (2014). Lifestyle Russia at the beginning of the XXI century on the material of the animation studio «Mill». *Culture and Education*, 2 [electronic resource]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1362>

Pilkington, H. (1998). *Migration, displacement, and identity in post-Soviet Russia*. Psychology Press.

Reznikova, K. V. (2014). On the problem of clarifying the concepts of «ethnos» and «ethnicity». *Sociodynamics*, 12, 90–102. doi: 10.7256 / 2409–7144.2014.12.13913. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13913.html

Seredkina, N. N. (2014). Ethnic picture of the world in the context of contemporary social studies. *NB: Problems of politics and society*, 10, 26–59. doi: 10.7256 / 2306–0158.2014.10.1344. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13441.html

Singh, G., & Singh, H. (2013). Human Trafficking: a Conceptual Framework. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4 (6), 485–500.

Stepanov, V. (2000). Ethnic tensions and separatism in Russia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 26 (2), 305–332.

Veerman, G. J. M. (2015). The relationship between ethnic diversity and classroom disruption in the context of migration policies. *Educational Studies*, 41 (1–2), 209–225.

Yijälä, A., & Jasinskaja-Lahti, I. (2010). Pre-migration acculturation attitudes among potential ethnic migrants from Russia to Finland. *International Journal of Intercultural Relations*, 34 (4), 326–339.

Yudina, T. N. (2005). Labour migration into Russia: The response of state and society. *Current Sociology*, 53 (4), 583–606.

Zamaraeva, J. S. (2011). Relation of the Migrant and the Receiving Environment as a Phenomenon of the Krasnoyarsk Territory Modern Culture (Association Experiment Results Based on the Methodology «Serial Thematic Associations»). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 6 (4), 805–815.

Zamaraeva, J. S. (2010). Historiografic Overview of Approaches and Concepts Regarding the Issue of the Migration in International and Russian Research of the 20th Century. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 3 (3), 437–444.

SHAMANISM – THE TRADITIONAL RELIGION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE SIBERIAN ARCTIC

**Pimenova Natalia N.
Siberian Federal University**

ABSTRACT

Shamanism is the traditional religion of the indigenous peoples who live in the Siberian Arctic. Currently shamanism significantly changes its shape. Traditional religions of indigenous peoples Siberian Arctic modernized under the influence of global transformations, industrialization, mass culture. In 2010–2014 been field study in the settlements of indigenous peoples of the Siberian Arctic: Evenks Dolgans, Selkups, Nenets, Yakuts. Chulyms. The scientists of the Siberian Federal University and Krasnoyarsk Pedagogical University have interviewed representatives of indigenous peoples Siberian Arctic. With the help application of these methods managed to allocate new forms of shamanism, which at present there in an environment Evenks, Nenets, Dolgans, Selkups, Yakuts, Chulyms (the Central Siberia). New forms of shamanism are 1) the modernization of the «classical» shamanism of indigenous peoples of the Siberian Arctic; 2) «urban» shamanism; 3) neoshamanizm; 4) eksperimentialny shamanism. Modern Shamanism in the representation of indigenous peoples Siberian Arctic is a very important instrument fixing their ethnic identity and self-identity. That is why the demand of shamanism has increased dramatically with the collapse of the Soviet Union, when each of the peoples of Russia

began to actively search for means of self-determination as a special respect to all other ethnic groups living in the post-Soviet space.

INTRODUCTION

The history of the study of religion indigenous peoples Siberian Arctic has more than a century. These studies have several areas: statistical studies, socio-economic, cultural and ethnographic research. The study of ethnogenesis of indigenous ethnic groups Siberian Arctic also solves the problem of the interaction of socio-cultural practices of different ethnic groups and the common origin of their cultural heritage. In the history of the study of indigenous peoples Siberian Arctic stages can be distinguished: studies to the XIX century; study of end XIX – XX century; modern period Indigenous Studies (1990 – 2000s) [1; 2; 3; 4].

Prolonged relevance and consistency of research interest in the environment of indigenous ethnic groups explained primarily, by the fact that socio-cultural practices of these territories are found in their extreme contrast to the way of life of other nations, and to the present day in some measure preserve this specific aspect. As a result of the research activity is now possible to observe the addition of two polar points of view in relation to the cultural heritage of indigenous peoples, manifested as the basic contradiction of modern science on this issue, and the dispute of cultural realities [5; 6; 7; 8]. This contradiction can be formulated as recognition of the need to preserve the cultural heritage of indigenous peoples and at the same time the unacceptability of inhibition processes of modernization of the changing ethnic group.

The most consistently developing and sustainable is a look at the cultural heritage of indigenous ethnic groups in the Siberian Arctic as a unique and tragically lost. This approach asserts the need to preserve and protection of cultural heritage of indigenous peoples, especially in a situation of small number. Thanks to this

approach were formed vast ethnographic collections of leading Russian and regional museum center. Ways of preserving cultural heritage, recognized in the context of this position are different the locking mechanisms and restoration of the traditions of indigenous peoples: actively used by method of museumification of cultural heritage in its various aspects (museum collections and exhibitions), the method of preservation of intangible cultural heritage (folklore, language), and technology of restoration of heritage (preparation of dictionaries, writing, implementation of training) [9; 10; 11].

Alternative viewpoint argues that conservation measures should not provoke «museumification of people» and interfere with indigenous ethnic groups to follow the path they need change. Modern Russian society is inherent to romanticize the culture, so that indigenous peoples are no longer to be identified in their modern everyday life and mythology of the past becomes a model of the desired social organization. On the one hand, the romanticizing of the past of these peoples understood as a cultural nostalgia, on the other hand, indicates of nationalistic sentiments as «outside» and «inside». Processes of romanticization of culture undeservedly deprived of attention researchers because they are the current trends and view are closely related to problems of nationalism, cultural distance, identity and lead to misunderstanding of contemporary social trends, stating the need to preserve traditional culture media, ignoring the view of the representatives of indigenous peoples as man in his changing everyday. Such conceptual stance characterizes of post-Soviet Russia in ethnology. Canadian anthropologist J.D. Anderson noted the enormous gap between prevalent image of the indigenous peoples represented in the classical studies and real their representatives have long to opt for a orientation in the future, not the past, and included in the contemporary socio-cultural processes [12].

Nevertheless, even in conditions of progressive changes worldwide phenomenon largely indicate high adaptive capacity

of ethnic traditions. This study has a purpose to solve the contradictions prevalent in academic discussion of views on the cultural heritage of the indigenous peoples of the Siberian Arctic using the search capabilities of preserving the cultural heritage of the indigenous population in modern conditions. Orientation of this search – avoid the tendency «conservation» lifestyle of indigenous peoples to the existing socio-cultural level and create conditions for the implementation of aspects of cultural heritage of their actual the function of maintaining ethnic identity [13; 14; 15].

Materials and Method

In 2010–2014, researchers and graduate students of Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk State Medical University, and Krasnoyarsk State Agricultural University carried out field research in the settlements predominantly populated by indigenous peoples of the Siberian Arctic: Evenks Dolgans, Selkups, Nenets, Yakuts [17; 18; 19; 20]. Field studies conducted in the following towns: settlement Surinda (Evenkia), village Essey (Evenkia), village Karaul (Taimyr), village Nosok (Taimyr), village Pasechnoe (Tyuhtet) settlement Hordogoy (Yakutia), village Hatanga (Taimyr), village Farkovo (Turukhansk). The village Surinda (Evenkia) is a place of residence Evenks are engaged in nomadic reindeer herding. The village Nosok and the village Karaul there are places where they live Nenets. Nenets engaged in nomadic reindeer herding and fishing. Essey settlement is a place where the Yakuts live in isolation. They are engaged in hunting, fishing, gathering berries and useful plants. The village Hatanga (Taimyr) – this is the place where they live Dolgans. They hunt wild reindeer, fishing. The village Hordogoy (Yakutia) – this is the place where they live Yakuts. They occupy a traditional Yakut horse breeding breed, hunting, fishing, gathering medicinal plants. The village Pasechnoe is a place where indigenous ethnic group «Chulyms» live. They are engaged in fishing. Basically, their employment is associated with modern and not traditional

professions. Selkups live in the village Farkovo. In Farkovo field studies were conducted in 2010.

During field studies used these methods: in-depth interviews, photo and video shooting, questionnaires, participant observation, focus groups, interviews with experts. The scientists kept diaries of observations, where every day recorded the results of their research, did the primary analysis. To obtain the results were studied field research of other scientists; the results were compared and corrected. Also used by statistical information. Been analyzed the research of shamanism in the last 100 years.

The results of field studies were discussed at an expert workshop in the Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Pedagogical University in 2010–2014. An expert seminar was attended by representatives of indigenous peoples of the Siberian Arctic:

1) Semen Palchin, Nenets, Commissioner for Human Rights of Indigenous Peoples of Krasnoyarsk Krai;

2) Catherina Sinkevich, Evenk, chief specialist of the Ministry of Northern Affairs and Support of Indigenous Peoples of Krasnoyarsk Krai;

3) Valery Wengo, Nenets, member of the Legislative Assembly of Krasnoyarsk Krai;

4) Olga Khomushku, Tuvan, Rector of Tuvan State University;

5) Timur Samatov, Dolgans, businessman;

6) Ljubov Gayulskaya, Evenk, a member of the village administration Surinda

They have made a very important point for the understanding of shamanism as a cultural heritage of indigenous peoples of the Siberian Arctic [21; 22; 23; 24].

RESULTS AND DISCUSSION

Religion is the quintessence of the ethnic group. On signs, symbols and rituals of religion based processes of ethnic self-identification. The core of every ethnic and cultural group makes up

etalons of economic and religious life that are typical of this ethnic group. Shamanism is an ancient religion of the indigenous peoples of the Siberian Arctic. Despite the active Christianization of the population of Siberia and the North since the 17th century (in the case of certain territories – from the 19th century), ethnographers in the late 19th – early 20th century fixed the widespread dissemination and use of religious practices of shamanism in northern and Siberian indigenous peoples. Currently there shamanism in different nations of the world, researchers are paying particular attention to issues of social essence of shamanism – shaman personality function in society, and the generally accepted definition of shamanism in indigenous studies do not exist [25; 26; 27].

1) Shamanism is the religion of the indigenous peoples of Siberia and the North; shamanism has the earliest form of religion. In this case, shamanism is seen as the result of a common religious experience in the Arctic, Siberian and Asian peoples, and not as a creation of shamans as the holder of a special ecstatic experience. In this case, shamanism as a religion of the people often combines elements of non-shamanic, shamanic origin and elements borrowed from other religions.

2) The shamanic complex – a special, harmonious and complex system of philosophy, which regulates ways of life of the people. The basis of this system supposed to definite view of the world, which includes: the structure of the world (The Upper and The Lower worlds of spirits, average human world), the relationship of its elements (the existence of a world axis – the World Tree), the mediator in the human world – the shaman (who is able to have contact with the worlds of spirits, the ability to use for the benefit of the community), which serves as a link between the members of their social group (family, settlement), and supernatural powers. Special ritual practice of shamanism in this complex acts «kamlanie» – action by shaman conducive to immersion in an altered state of consciousness and his journey to the spirit worlds. Songs and music ritual has certain laws and the function

of ceremonial musical universal language of communication with the supernatural world. The rites of shamanism among the indigenous peoples of Siberia and the North in the first half of the 20th century were identical to the most important rites of the Eneolithic. Possible to see the relationship of modern rituals of shamanism in Siberia and the Far North with the worldview of the ancient population of Siberia, especially the content of which is the knowledge of complex rites and rituals of initiation to extraterrestrial space – The Upper and The Lower worlds.

3) Shamanism is the ordinary worldview, the special status which was created as a result of the dominant colonial approach with regard to the indigenous peoples of the North. This view is inherent to researchers of culture and history of the North post-Soviet period, which has allowed rethinking features of the relationship between the dominant and the small indigenous peoples of Russia. Shamanism as a scientific concept created at the initial stage of the Russian colonial project when the symbolic boundary, separating the European part of Russia from the conquered Siberia just started installed. Shamanism in this context does not exist as a distinct religious institution, but it was designed the process of becoming of the Russian Empire in the texts of scientists. The concept of shamanism played a significant role in the establishment of the colonial order because observed phenomena of life shamans in the process of discussion of the established and confirmed the social inequality of the peoples living in the West and in the East of the Russian Empire. The result of this was the creation of an artificial opposition of «East – West». This view is based on the study of colonial discourses in relation to indigenous peoples of Siberia and the North.

4) Shamanism is a mechanism of social regulation. This view of shamanism fixes as the main aspects of social function of the shaman. Shamanism as a system is understood as a universal self-adjusting mechanism of collective mental regulation, effective way to protect and manifestations of the biological functions of the genus.

5) Shamanism as a mental abnormality – this view is an accepted in the 19th – early 20th century. In ethnographic studies shamanism is regarded as a special form of polar hysteria, which is endemic, or method of subordination of on the part of shamans.

6) Shamanism as ecstatic techniques of consciousness expansion (communication with other worlds, returning to a state of chaos as preparation of a new act of creation). This aspect of the study of the phenomenon of «shamanism» is especially popular today. These aspects of shamanism are very interested for specialists in the study of altered states of consciousness, what is called an ecstatic state of the shaman during the ritual, and specialists practicing similar technology. For example, shamanism understands founders and followers of Transpersonal Psychology, and the creators of the «combined» method of personal shamanism, that involve shamanic ritual practices in the context of other philosophical and psychological systems. In this case study examines how shamanic techniques to facilitate the elimination of unwanted internal states and external circumstances, ritual practices of shamanism adaptation to the conditions of modern life, the analysis what elements shamanic traditions, and how can help a person in his modern life. In Transpersonal Psychology true shaman is a person able to subdue the altered states of consciousness to continue to use them for the benefit of society; basis of shamanic practices – controlled act of mental dissociation», which realized through both the external ritual reenactment of the internal events; with the shamanic experience and presentation are evaluated as having the archetypal and therefore objective. Practically oriented provisions of Transpersonal Psychology pose a newly developed ways of overcoming of fears and emotional crises by awakening man in an «internal of the shaman» – «the dreambody» [28].

7) One of the most relevant topics of ethnography today – the current state of shamanism and ways to adaptation in the modern world. In the past 10 years, researchers of shamanism – ethnographers, anthropologists, sociologists, – actively discussing

on the relevance of shamanism for the indigenous peoples of Siberia and the Far North. This revival of shamanism or a «historical reconstruction»?

Start the recovery of shamanism – the period of the 1990s, the period of active ethnic identity and identity for indigenous peoples of the Siberian Arctic. Shamanism has three determinants: 1) mythological determinant – view of the world and the relationship of its parts; 2) the determinant of the medium – the presence of a mediator that connects different parts of the world; 3) the determinant of ritual – an implementer of this connection. Structure of society in the worldview of shamanism – a pyramid, where the first level is a broad mass (the uninitiated, the profane), the second level – is limited in the number of society of shamanism (intermingled), and the upper level – the minimum number of community by shamans (dedicated). Shamanism as a religious practice has always existed in these three plans: 1) in the activities of shamans professionals elected; 2) in family ritual and medical practice in the family or clan, together with elementary religious and magical practices; 3) in the worldview of society, have established themselves as complex of ideas and beliefs on the basis of the sacred knowledge of shamans and transformation of knowledge among the uninitiated.

During the Soviet period shamanism significantly was transformed as a result of the atheistic policy of the state (the destruction and isolation of professional shamans upbringing work among the masses, prohibitions on traditional medical practices, policies to ban the traditional part of the national culture, which is associated with the religious and magical knowledge). Therefore, in the Soviet period, in varying degrees, to modify all three spheres of existence shamanic practices, each of them is now recovering on its own. By the end of the 20th century professional sphere of shamanism practically ceased to exist because of small number (lack) dedicated to the shamans. Domestic shamanism remains in rural areas and to a large extent preserved in the cities. Shamanism gradually ceased being a common outlook: several

generations of people who grew up in boarding schools, in isolation from the clan traditions, ceased to be the bearers of these traditions. In this shamanic representation preserved in the forms of superstition.

During the period of the ban on shamanism among the indigenous population of Siberia and the North begins to spread phenomenon called researchers «Shamans without drums» – gradually formed and separated group of people who were not able to enter in shamanic practices, including due to the lack of teachers, but in their characteristics were designed to therefore have a «shamanic gift.» In the future, this group of people influenced the change shamanic tradition «from within». They have influenced the modern shamanism, especially with increasing demand for shamanic knowledge and address to the «shaman without a drum» as teachers and consultants from the modern shamans. As a result, a process accompanied by the life of indigenous peoples in the Soviet era, shamanism significantly was transformed, and the number of practitioners dedicated to the shamans comes to a critical point of extinction.

The main features of the religion of indigenous peoples of the Siberian Arctic:

1) The combination of ritual objects – for example, in the ethnic museum on Lake Lama remained bed – image assistant of the shaman and embodiment of the spirit made from icons.

2) The combination of a doubling or ritual practices – conducting repeated rituals; especially with regard to the rites of purification / sanctification and remembrance (shamanic rituals are performed along with the church, Christian).

At the same time, because of remoteness Territory of Distribution of shamanism from the center of the state and discontinuous, distance from each other settlements in the Far North shamanic practices in some regions are preserved in the original version.

CONCLUSIONS

Currently, the Siberian Arctic regions among indigenous peoples there are the following kinds of shamanism.

1) Shamanism as a result of the evolution of the initial regional traditions. In some regions of the Siberian Arctic, where previously practiced hereditary shamans, the tradition was weakening, but not completely interrupted. There remained traditional practices, as well as among the older and middle generations preserve the tradition of shamanism household. In regions where the tradition was largely interrupted, shamanism has evolved under the influence of individual interpretations using the «shaman without a drum.» Is also such regions of the Siberian Arctic, where shamanism survived in a latent form – was its recovery. Are here prepared successors of shamans have practiced in secret, and after removal of the ban on shamanic practices they have shown high activity.

2) Neoshamanizm was formed in a situation of significant interruption in tradition and its deformation and the presence of a wide array of educational opportunities to various medical, hypnotic, magical techniques. Many candidates for the shamans were trained in various training courses that allowed them master the traditional shamanism unusual techniques or learn shamanic techniques in a non-traditional version (teachers could serve «without shaman drums»). Characterized with forming of professional society's shamans, shaman initiation into people of other nationalities, travel to shamanic practices and seminars.

3) Urban Shamanism – practice of shamanism in urban environments. Representatives of this trend are divided into shamans and neoshamans. Urban Shamanism distributed not only in Siberia and the Far North, but also in the central regions of Russia.

4) Eksperientsialny (from «knowing from experience») Shamanism – a variant of shamanic practices, aimed at the widest possible audience, it does not require election and possession

of «shamanic gift», and suggests the possibility of the development of any interested technician dive into an altered state of consciousness and management (which is characteristic of shamans). In Russia there is generally in the business form. In the original version of this kind of shamanism was formed as a technique to help solve psychological problems and was sent to control internal world and external circumstances.

Thus, the initial resistance during the Soviet period shamanistic practices and the subsequent surge in the relevance of shamanism in the post-Soviet period has led to various transformations of this tradition. Shamanism in the representation of the indigenous peoples of the Siberian Arctic is a sphere of fixing their ethnic identity almost in the first place. That is why the demand of shamanism has increased dramatically with the collapse of the Soviet Union, when each of the peoples of Russia began to actively seek the means of ethnic identity.

REFERENCES

- Balzer, M. M. (Ed.). (1997). *Shamanic worlds: rituals and lore of Siberia and Central Asia*. ME Sharpe.
- Forsyth, J. (1994). *A history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony 1581–1990*. Cambridge University Press.
- Slezkine, Y. (1994). *Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North*. Cornell University Press.
- Znamenski, A. A. (1999). *Shamanism and Christianity: native encounters with Russian Orthodox missions in Siberia and Alaska, 1820–1917* (Vol. 70). Praeger Pub Text.
- Frank, R. M. (2015). Skylore of the Indigenous Peoples of Northern Eurasia. *Handbook of Archaeoastronomy and Ethnoastronomy*, 1679–1686.
- Hutton, R. (2007). *Shamans: Siberian spirituality and the Western imagination*. Bloomsbury Publishing.
- Oakes, J. E., & Riewe, R. (1998). *Spirit of Siberia: Traditional native life, clothing and footwear*.

- Vitebsky, P. (2005). *The reindeer people: living with animals and spirits in Siberia*. Houghton Mifflin Harcourt.
- Czaplicka, M. (2011). *Aboriginal Siberia: A Study in Social Anthropology. With a Preface by RR Marett*. Adegis Graphics LLC.
- Hultkrantz, Å. (2014). The drum in Shamanism: some reflections. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, 14, 9–27.
- Vdovin, I. S. (1976). The Study of Shamanism among the Peoples of Siberia and the North. *Realm of the Extra-Human: Agents and Audiences*, 261–273.
- Anderson, D. G. (2006). Dwellings, storage and summer site structure among Siberian Orochen Evenkis: Hunter-gatherer vernacular architecture under post-Socialist conditions. *Norwegian Archaeological Review*, vol. 39, 1, 1–26.
- Krader, L. (1956). A nativistic movement in Western Siberia. *American Anthropologist*, 58 (2), 282–292.
- Kehoe, A. B. (2000). *Shamans and religion: An anthropological exploration in critical thinking*. Waveland Press Inc.
- Balzer, M. (1993). Two urban shamans: unmasking leadership in fin-de-Soviet Siberia. *Perilous states: conversations on culture, politics, and nation*, 131–164.
- Danilova V.Y. (2009). Processes of Restoration of Religious-National Identity and Globalization in the Modern World. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2 (2), 151–162.
- Kistova, A. V., Pimenova, N. N., Zamaraeva, Ju. S., Reznikova, K. V. (2014). Research possibilities for studying the indicators of quality of life of indigenous peoples of the North (based on the study of indigenous peoples of the North of Russia). *Life Sci J*; 11 (6s), 593–600.
- Libakova, N. M., Sitnikova, A. A., Sertakova, E. A., Kolesnik, M. A., Ilbeykina M. I. (2014). Interaction of the Yakut ethnicity and biological systems in the territory of the Sakha Republic (Hordogoy settlement, Suntarsky District) and Krasnoyarsk Krai (Essey settlement, Evenks District). *Life Sci J*, 11 (6s), 585–592.
- Libakova, N. M., Sitnikova, A. A., Sertakova, E. A., Kolesnik,

M. A., Ilbeykina M. I. (2014). Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia). *Life Sci J*, 11 (12), 133–140.

– Reznikova, K. V., Zamaraeva, J. S., Kistova, A. V., Pimenova, N. N. (2014). The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts). *Life Sci J*, 11 (12), 126–132.

– Khomushku, O. M. (2010). Shamanism as a Worldview Basis of Ethnocultural Traditions of the Peoples of the Sayan-Altai in Present-Day Society. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science*, 1 (3), 94–100.

– Khomushku, O. M. (2013). Contemporary Problems of Ethnoconfessional Syncretism in Tuva. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 12 (6), 1905–1912.

– Palchin, S. Ya. (2013). The Current Social and Economic Data on the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North as of 2012. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 6 (6), 913–924.

– Palchin, S. Ya. (2014). Problems of Economic Rights of the Indigenous Small-Numbered Peoples in the Krasnoyarsk Territory. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 9 (7), 1521–1540.

– Reznikova, K. V. (2014). On the problem of clarifying the concepts of «ethnos» and «ethnicity». *Sociodynamics*, 12, 90–102. DOI: 10.7256 / 2409–7144.2014.12.13913. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13913.html

– Sitnikova, A.A. (2014). The modern practice of foresight studies future socio-anthropological systems, including ethnic and cultural groups of the northern regions of the Russian Federation. *NB: The problems of politics and society*, 9, 44–62. DOI: 10.7256 / 2306–0158.2014.9.13405. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13405.html

– Pimenova, N. N. (2014). The cultural heritage of the indigenous peoples of Krasnoyarsk Krai and modern cultural practices. *NB: Arts and Culture*, 2, 28–66. DOI: 10.7256 /

2306–1618.2014.2.11269. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_11269.html

– Kolesnik, M. A. (2014). Sociological studies of the imagination in the 30th – 80th by the twentieth century. *NB: The problems of politics and society.*, 11, 45–61. DOI: 10.7256 / 2306–0158.2014.11.1351. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_13517.html

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

**Savinov L.V.
Novosibirsk**

MIGRATION AS A FACTOR OF REGIONAL ETHNIC POLICY IN SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

**Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration Siberian Institute of Management**

ABSTRACT

The article deals with the conceptual issues of migration regional policy in the Siberian Federal District. The main challenges of the study are uncovered in the context of federal policy; regional specificity of national policy is indicated. The myths related to migration processes and the reality associated with the economy of modern Russia and its urgent needs for migrant workers are considered.

Тема миграции и аетропотоков в современном мире приобретает особую значимость в силу того, что они ведут к встрече, а чаще к столкновению культур, языков, традиций и образа жизни. Для России проблема актуальна и в силу слабой разработанности теоретических и практико-прикладных аспектов управ-

ления общественными отношениями, формируемыми этими процессами.

Хороших ответов на вызовы глобальных миграционных процессов, к сожалению, не найдено и в рамках зарубежной научной мысли. Сформулированная в начале 70-х годов прошлого века концепция мультикультурализма сегодня все чаще критикуется. Вслед за лидерами крупнейших европейских демократий — Д. Кемероном, Н. Саркози, А. Меркель и др., большинство экспертов и ученых все чаще подвергают сомнению базовые основы мультикультурализма как государственной политики в сфере межэтнических отношений, а также гражданской (политической по своей природе) и культурной интеграции в условиях новых реалий. Критика мультикультурализма прозвучала и в одной из программных статей В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹.

Именно поэтому ведущими этнополитологами предлагаются альтернативные модели решения так называемого «национального вопроса». Из последних новел обращает внимание модель интеркультурализма, поддерживаемая и разрабатываемая для российских условий Э. А. Паиным. Согласно данной позиции, «интеркультурализм предполагает наличие общих интересов у граждан разных национальностей и религий, объединяемых общей же гражданской ответственностью за свою страну»². Примерно так, по словам российского этнополитолога, трактуется интеркультурализм в коллективной монографии брюссельского

¹ См.: Путин В. Национальный вопрос // Независимая газета.- 2012. — 23 января.

² См.: Паин Э. А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму / Э. А. Паин // Вестник Института Кеннана в России. — 2011. — №20. (в печати). Заметим, что данная статья подготовлена в рамках исследовательского проекта №11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» «Учитель — Ученики» 2011–2012 годов.

Центра политических исследований (CEPS)¹.

В связи с этим представляется актуальной научная дискуссия о содержании интеркультурализма и разведения его с идеологией и социальной практикой интернационализма советского периода. Интеркультурализм — это новое вино в старые меха или старое вино в новые меха? Или же это действительно новое слово в теории и практике этнополитики и решении проблем, связанных с миграционными процессами?

По большому счету любая модель этнополитики, будь то монокультурализм, мультикультурализм или же интеркультурализм — это всегда совокупное решение о двух вещах: совпадении политических (гражданских) и культурных (этнических) границ в рамках многосоставного общества и содержании политического проекта гражданской нации. В рамках такого понимания советский интернационализм — это интеркультурализм, освященный и поддерживаемый определенным политическим содержанием — коммунистической идеологией. Цель этого проекта определялась поддержкой и развитием культурного многообразия в рамках единой новой гражданской (политической) общности — советского народа.

Отметим, что цель любой этнополитики — это достижение и удержание определенных культурных и политических идентичностей. И потому этнополитика всегда инструментальна и конструируется политическими акторами, прежде всего государством и другими этническими антрепренерами.

Глобальные миграционные процессы значительно усиливают проблемы не только идентичностей самой разной природы и уровней, но и культурной (этнической и религиозной) и политической (гражданской) лояльности. Указанные проблемы значительно усиливаются на фоне и в контексте встречи и/или столкновения принимающего сообщества и мигрантов, представляю-

¹ См.: Interculturalism. Europe and its Muslims in Search of Sound Societal Models / Ed. by Michael Emerson. Brussels: Center for European Policy Studies, 2011.

щих разные социокультурные миры. Происходит контакт мировоззренческих позиций и поведенческих практик, определяемых результатами социализации в обществах исхода и ресоциализации в обществах временного или постоянного прихода.

Потенциальная опасность фактора миграции подтверждается и результатами исследовательского проекта «Национальность и безопасность России в оценках экспертов», проведенного в 2010 г. Институтом социологии РАН совместно с исследовательской группой ЦИРКОН¹. Указанное исследование показало, что среди социальных угроз национальной безопасности России напряженность в межэтнических отношениях и рост числа мигрантов являются тесно связанными угрозами.

Содержательный анализ современных дискуссий о миграции и ее влиянии на политические, социально-экономические, культурные и иные процессы позволяет выделить как минимум три смысловых поля рассматриваемой проблемы: миграция как социальное явление, миграция как социальный процесс и миграция как социальная проблема. Такое понимание миграции как сложно структурированного феномена требует междисциплинарного и системного подхода к его изучению.

Итак, исследование миграции невозможно без системного выявления его сущностных и содержательных характеристик. В связи с этим в нашей работе при анализе миграции и этнополитики как взаимосвязанных явлений использованы главным образом идеи постнационального гражданства, кросскультурного обмена и мультикультурализма, разработанные в трудах Ю. Хабермаса, У. Кимлики, Д. Розенау и др.² Контекстный анализ особенностей взаимовлияния миграции и этнополитики в России основан на результатах научных достижений А. Вишневого, С.

¹См.: Национальность и безопасность России в оценках экспертов. Аналитический отчет по результатам экспертного опроса // Режим доступа: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Gorshkov_analit.otchet.pdf. 25.01.2012.

²См., например: Kymlicka W., Norman W. (eds.) *Citizenship in diverse societies*. Oxford, 2000.

Градиrossoго, М. Денисенко, В. Дятлова, Ю. Ефимова, Ж. Зайончковской, В. Мукомеля, В. Переведенцева и т. д.¹

В Российской Федерации в условиях ее сложной регионализации и специфики территорий, связанных с особенностями их исторического и культурного развития, роль государства как основного политического актора по управлению миграционными процессами и как основного субъекта этнополитики значительно возрастает. Органы государственной власти в этих условиях должны предложить адекватные политико-административные и нормативно-правовые ответы на миграционные вызовы. Вместе с тем значительно возрастает и роль местного самоуправления как уровня власти максимально приближенного к конкретному человеку и локальным сообществам. Проблема миграции также должна быть в сфере пристального внимания институтов гражданского общества: политических партий и общественных движений, СМИ, церковью и т. п.

Решение указанных проблем является важнейшей задачей органов государственной власти и местного самоуправления в рамках формулирования и реализации государственной и муниципальной этнополитики. При этом эти проблемы продуцируют значимые риски и угрозы во взаимоотношениях между различными этнокультурными группами, прежде всего коренными сибиряками и новыми диаспоральными группами. Эти же

¹ См.: Вишневоский А. Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006; Вишневоский А. Г. Избранные демографические труды: 2 т. М., 2005; Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад. Под ред. С. Н. Градиrossoго. М., 2005; Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000; Ефимов Ю. Г. Политическая миграциология: миграционные процессы в контексте политологических проблем. М., 2005; Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В. Миграция и демографический кризис в России. М., 2011; Мукомель В. И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М., 2005; Переведенцев В. И. Миграция населения и демографическое будущее России: (научно-аналитический доклад). М., 2003.

проблемы усиливают напряжение по властной вертикали, создавая проблемы по линии «центр – регионы», то есть проблемы реального федерализма.

В связи с этим управление миграционными процессами видится в решении двух взаимосвязанных задач:

а) интеграции мигрантов в современное российское общество – включению в социокультурное, экономическое, политическое пространство;

б) принятию мигрантов российским обществом, различными социальными группами и россиянами в отдельности как культурно «иных» и «других», но не «чужих».

Сибирь как региональное сообщество в этом случае выступает примером суперрегиона, который исторически формировался под сильным влиянием миграционных процессов¹. Однако, как отмечают авторы исследовательского проекта «Миграция и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX–начало XXI века», при всей схожести миграционной ситуации в Российской империи и Советском Союзе с современной Россией есть качественные принципиальные отличия. В истории шло присоединение Сибири к России как освоение «пустого» пространства. Сейчас же трансграничные миграции являются механизмом постепенного «исключения» Сибири из российского пространства. При этом авторы проекта справедливо видят Сибирь не столько территорией, а сколько

¹Проблематика миграции и этнополитики в Сибирском федеральном округе (СФО) является одним из направлений нашего исследовательского проекта, который был начат в 2001 году и продолжается по сегодняшний день. В ходе исследования были проведены социологические замеры с использованием количественных и качественных методов в семи субъектах СФО: Алтайском и Красноярском крае, Новосибирской и Иркутской областях, в республиках Алтай, Бурятия, Тыва и Хакассия, а также Усть-Ордынском Бурятском автономном округе. Опросы по репрезентативной квотной выборке (статистическая погрешность +/- 3,7%), экспертные интервью и фокус-группы проводились в 2001, 2004, 2008 и 2011 годах.

№	Социальная сфера (подсистема)	1990-е годы	2000-е годы	2010-е годы*
1	Экономика	1	1-2	2-3
2	Политика	3-4	2-3	1-2
3	Культура	2	3-4	3-4
4	Родство	4	3	3

специфическим типом организации общества, как особый уклад культуры и традиции, исторически формирующийся и развивающийся «за Уралом»¹.

В этих условиях Сибирь в рамках системного анализа можно рассматривать как черный ящик в высокой доле неопределенности, на входе в который сибирское общество имеет масштабный входящий миграционный поток, а на выходе – многочисленные проблемы социокультурного, экономического и политического характера.

Анализ исследовательских достижений российских ученых позволяет выделить четыре основных направления интеграции мигрантов в современное российское общество: экономические, политическое, социокультурное и в рамках социальной подсистемы родства (по Т. Парсонсу).

Возможности и уровень интеграции в этих сферах мы попытались выявить в ходе углубленных интервью с мигрантами и экспертами, проведенные в 2008 и 2011 гг. Ранжированные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

УРОВЕНЬ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО, рейтинг

* в основном, прогнозные значения.

Как мы видим за прошедшие годы ситуация сильно изменилась и требует дополнительного анализа и осмысления. Если

¹ См.: Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – 640 с.

в 90-е годы прошлого века мотивации и устремления к интеграции были в основном в сфере экономики и культуры. Мигранты 90-х наряду с желанием найти работу и доходы еще помнили единое языковое и культурное пространство и пытались его сохранить. При этом мигранты того периода практически не ставили цели создания семьи (в том числе и смешанного брака) либо вывести семью в Россию.

В 2000-е годы приоритеты уже меняются, и мы видим смещение интеграционных настроений. Экономическая мотивация все еще преобладает, однако и стремление к укоренению с выводом семьи и получением гражданства становятся в этот период значимыми для мигрантов. В те же годы заметно падение интереса к культурной включенности в принимающее сообщество. На рубеже 2000–2010 гг. в Россию едут в основном те, кто основательно забыл общее культурное прошлое, либо его никогда не знал. И именно в 2000-е годы наблюдается значительный рост активности диаспор в формировании национально-культурных автономий и национальных организаций.

Начало 2010-х годов отмечено резким интересом мигрантов к политической включенности, главным образом получение гражданства и участием в электоральных процессах. Еще во второй половине 2000-х гг. мы наблюдали усиление требований руководителей эмигрантских сообществ сибирских городов к их включению в различного рода совещательные и консультативные структуры при органах государственной власти и местного самоуправления. Выборы в Государственную Думу 2011 года показали, что этнический фактор стал одним из приоритетных в предвыборной борьбе. Этим и попытались воспользоваться элиты этнических диаспор, иногда выдвигая уже политические требования участия в местном самоуправлении.

Результаты наших социологических опросов и экспертных оценок также свидетельствуют о том, что в СФО (скорее всего и в рамках Российской Федерации) значительно изменились мотивации и претензии иммигрантов. Трудовая (экономическая) мотивация постепенно замещается социальной мотивацией

в широком смысле и как следствие требованиями политического и культурного содержания. И если в 90-е годы прошлого века миграция в значительной степени была трудовой и временной, то в нулевые годы XX века она все больше приобретает тенденции к приобретению гражданства РФ. И сегодня эта тенденция все более укрепляется.

С позиций экономической науки и классической политэкономии данный феномен, по нашему мнению, наиболее корректно объясним в рамках теории «дуальной» экономики, а также «дуальных» и «сегментированных» рынков труда¹.

В концепции дуальной экономики ядро характеризуется «высокой интенсивностью капитала, вертикальной интеграцией производства, технологическими инновациями, национальным или международным масштабом, диверсификацией, высокими прибылями, монополистической властью на товарных рынках, организацией внутреннего трудового рынка и т. д. Эти характеристики гораздо меньше выражены на периферии»². Причем ядро включает в основном «хорошие» рабочие места, а периферия — все остальные. При этом «понятие «дуализм» относится к трем взаимосвязанным, но не тождественным позициям:

1) дуальной экономике, т. е. разделению экономики на ядро и периферийные отрасли на основе рыночной власти;

2) дуальному рынку труда, т. е. классификации рынков труда (для найма и продвижения) как обеспечивающих или не обеспечивающих рабочих защищенностью труда и лестницами внутреннего продвижения;

3) дуальной рабочей силе, т. е. разделению рабочей силы на более или менее привилегированные, не конкурирующие между собой категории работников (к примеру, этнические).

¹ См. подробнее: Винер Б. Е., Тавровский А. В. Мигранты на рынках труда в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2009. Т. XII. — №4. — С.97–121.

² Sakamoto A. Labor market structure, human capital, and earnings inequality in metropolitan areas // Social Forces. 1988. Vol. 67. No 1. P.89.

Люди, принадлежащие к «первичным» (привилегированным) категориям рабочей силы, обычно получают работу в ядре экономики. Рынки труда в экономическом ядре имеют тенденцию быть внутренними («первичными»). Так, например, взрослых белых мужчин мы находим на внутренних рынках труда в экономическом ядре, где высокая зарплата, комфортные условия и хорошая защищенность труда¹.

В случае с современной Россией мы имеем экономическое ядро и периферию в двух представлениях: внутреннем и внешнем. Внутри России имеется центр – столица, и периферия – его окраины, главным образом Сибирь и Дальний Восток. Во внешнем представлении сама Российская Федерация выступает ядром по отношению к большинству бывших советских республик, ныне суверенных государств.

Помимо ядра и периферии в литературе можно также встретить выделение в особые сегменты экономики анклавных рынков, в том числе этнических. Такие рынки труда сегодня широко обсуждаются в социологии межэтнических отношений. Эти рынки описываются как дополнение к монополистическим фирмам (первичный рынок труда) и мелким фирмам (вторичный рынок труда). Но, в отличие от вторичного рынка, где инвестиции в человеческий капитал не окупаются, в анклавной экономике инвестиции работников-мигрантов в человеческий капитал окупаются подобно тому, как это происходит на первичном рынке. В ядре экономики монополистические фирмы вертикально и горизонтально интегрированы. На периферии действует много малых, «атомизированных» бизнесов. Анклавная экономика состоит из кластера малых бизнесов, которые горизонтально и вертикально интегрированы между собой².

¹ См.: Simpson I.H. The sociology of work: where have the workers gone? // *Social Forces*. 1989. Vol. 67. No 3. P. 567.

² Боле подробно о мигрантах в сфере малого и среднего бизнеса России см.: Дайджест исследования «Миграция как фактор развития малого и среднего бизнеса и экономики России» // Режим доступа: <http://opora.ru/analysis/research/5325>.

В связи со значительными трудовыми миграциями в крупных городах Сибири мы можем выделить целые отрасли экономики, в которых доля мигрантов становится доминирующей: строительство, торговля, ЖКХ, транспорт, сфера обслуживания.

Другой важной стороной инкорпорации мигрантов является проблема их интеграции в новые политические реалии (государство, гражданство, политическое участие и др.) и политическую культуру принимающего общества. И здесь необходимо отметить работы уральского политолога А. Чеснокова¹.

Как справедливо указывает автор, одним из главных инструментов интеграции иммигрантов в принимающее общество является практика предоставления политических прав в форме участия в выборах, как правило, на местном уровне. Вместе с тем электоральными правами политические права иммигрантов не ограничиваются. Другим важнейшим инструментом интеграции является привлечение иммигрантов к общественной жизни. И обычно такое привлечение происходит в двух формах.

Первая форма — это создание специальных консультативных структур при исполнительных и законодательных органах власти (на местном или региональном уровнях), в которые входят представители институционализированных сообществ иммигрантов — выходцев из одного государства или представители определенных этнических групп, постоянно проживающих на территории соответствующих территориальных образований. Как правило, такие сообщества объединяют как иммигрантов-неграждан, так и иммигрантов, уже ставших гражданами принявшего их государства. Консультативные структуры при официальных органах власти обладают совещательными функциями и имеют пра-

21.01.2012.

¹ См.: Чесноков А. С. Политика регулирования миграционных процессов во второй половине XX — начале XXI веков. Монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 2009. 166 с.; Чесноков А. С. Теоретико-методологические подходы к анализу влияния миграции на политические процессы // Социум и власть. 2009. №1. С. 50—54.

во принимать участие в обсуждении решений органов власти в той их части, которая непосредственно касается иммигрантских общин.

Второй формой привлечения иммигрантов к общественной жизни является поощрение их участия (в допустимых действующими законами рамках) в деятельности уже существующих в стране приема различных общественных и политических организаций (политических партий, профессиональных союзов, средств массовой информации и коммуникации, благотворительных, правозащитных, религиозных и иных). Будучи институтами гражданского общества, такие организации, с одной стороны, способствуют комплексной интеграции иммигрантов в социально-политическую структуру принимающей страны, а с другой стороны — позволяют иммигрантам более эффективно защищать и лоббировать свои интересы за счет институционализации групп иммигрантов и использования разрешенных в данной стране каналов и инструментов диалога с органами власти.

Именно через общественные организации, как небезосновательно полагает А. Чесновков, государства, принимающие иммигрантов, могут успешно осуществлять различные интеграционные проекты: от распространения общей информации о различных аспектах социальной, культурной и экономической жизни в принимающей стране, организации содействия в трудоустройстве и получении образования до осведомления иностранцев об имеющихся у них правах и обязанностях и, в особенности, пропаганды избирательной и гражданской активности среди неграждан и натурализованных граждан¹.

В Послании Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию в ноябре 2008 года понятия «российская нация» и «единство многонационального народа» получили серьезную политическую поддержку². Однако ни российская нация, ни ее

¹ См.: Чесновков А. С. Участие иммигрантов-неграждан в политических процессах в принимающих странах // Социум и власть. — 2009. — №4. — С. 49–54.

единство невозможно без адекватной историческому времени и социальному пространству государственной этнополитики.

В противовес этому в одной из программных статей кандидата в Президенты В. Путина «Россия: национальный вопрос» нет ни одного упоминания российской нации или россиян как сограждан¹. На наш взгляд, это свидетельствует как минимум об отсутствии у политической элиты современной России консолидированной и единой позиции по важнейшему вопросу политики: сущности и содержанию государственной этнополитики. Фактически речь идет о путях и механизмах решения так называемого национального вопроса, в том числе и по отношению к миграции как основного фактора усложнения этносоциальных процессов.

Как отмечается в исследовании, автором которого является Хеленьяк (2002), в сфере миграции в России стоят четыре основные проблемы: (а) «утечка мозгов», (б) приток мигрантов из стран СНГ, (в) депопуляция Сибири и (г) превращение России в «миграционный магнит» для иммигрантов из стран с низким уровнем дохода, особенно из Китая и стран Южной Азии². Масштабы последней проблемы пока невелики по сравнению с другими, но она будет приобретать для России всё большее значение по мере того, как в стране будет продолжаться экономический рост, а сотни миллионов жителей континентального Китая станут располагать достаточными для миграции доходами.

Последние опросы свидетельствуют об усилении антииммигрантских настроений³. В количественном выражении степень

² См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml

¹ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Режим доступа: <http://putin2012.ru/#article-2>. 26.01.2012.

² См.: Heleniak, T. (2002) «Migration Dilemmas Haunt Post-Soviet Russia», Migration Policy Institute. Hill, F., Gaddy, C. (2003) The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold, Brookings Institution Press, Washington, D.C.

нетерпимости у россиян не выше, чем у американцев, европейцев и австралийцев. Результаты опросов общественного мнения, которые проводились в семи «иммиграционных» и «неиммиграционных» странах (США, Австралии, Канаде, Великобритании, Франции, Германии и Японии), показывают, что большинство жителей этих стран относятся к иммигрантам со страхом, неприязнью или в лучшем случае – с безразличием (Саймон, 2004). Анализ данных Европейского социального обследования 2003 г. отношений к меньшинствам и мигрантам в разных странах ЕС показал, что в обществах не существует единства по этому вопросу: более молодые граждане, имеющие лучшее образование и более высокий уровень дохода, в меньшей степени выступают против культурного и религиозного разнообразия (EUMC, 2005). Кроме того, важное влияние оказывает уровень душевного ВВП: в странах с более высоким уровнем дохода в меньшей степени выражен этнический изоляционизм.

Программы упорядочения миграции (известные также как «амнистии для иммигрантов») применяются в большинстве принимающих стран – с 1967 г. в Америке (Канада) и с 1973 г. в Европе (Франция). В рамках этих программ предоставляется постоянный или временный легальный статус значительной части имеющих на текущий момент нелегальных мигрантов. Такие программы являются важным инструментом иммиграционной политики в странах Южной Европы, где они проводятся почти непрерывно: в Италии посредством 7 программ были легализованы 850 000 работников, в Испании к 2001 г. прошло 6 программ, в рамках которых выдано 615 000 разрешений; в программе 2005 г. имелось 700 000 заявителей. В Португалии 4-мя программами легализовано 180 000 иммигрантов, в Греции в 2-х программах имелось 570 000 заявителей (Папандополу,

³ См.: Андриенко Ю., Гуриев С. Анализ миграции в России // Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. Аналитические разработки и отчеты. – 2006. – №23 (Апрель). – С.27.

2005). В США на основании Закона об иммиграционной реформе и контроле над иммиграцией от 1986 г. (крупнейшей иммиграционной амнистии) было выдано 2,7 млн. видов на жительство. Нынешняя администрация США также рассматривает возможность проведения новой иммиграционной амнистии, масштабы которой могут оказаться ещё более значительными, охватив 10 млн. нелегальных иммигрантов (Борхас, 2004).

Миграционная политика в России следовала опыту развитых стран, где присутствуют те же проблемы старения населения и необходимости привлекать иммигрантов для пополнения рабочей силы. В этих странах политика нередко носит чрезмерно репрессивный характер, так как в её основе — отношения среднего работника, который не обладает высокой квалификацией, и потому опасается конкуренции на рынке труда. Отрицательное отношение к мигрантам формируется также и из-за страха того, что культурная самоидентификация будет «размыта». В России оба этих момента имеют относительно меньшее значение. Во-первых, здесь подходы и стратегии выстраиваются в интересах высококвалифицированных элит. Во-вторых, подавляющее большинство иммигрантов — этнические русские или русскоязычные жители бывших советских республик. Есть и другие отличия России от стран ОЭСР. В частности, в России потенциал правоприменительных структур гораздо ниже. Поэтому административные барьеры на пути миграции превращаются в источник ренты и взяток для должностных лиц, что приводит к появлению многочисленной нелегальной иммиграции. Согласно нынешним оценкам, в процентном выражении доля нелегальных мигрантов в рабочей силе не меньше той, что наблюдается в США или ЕС. Кроме того, правоохранительные органы в общем менее эффективны, и потому социальные издержки от наличия большого числа нелегальных иммигрантов в России гораздо выше, чем в странах ОЭСР. Такая ситуация предполагает, что российским руководителям вскоре придётся проводить иммиграционную амнистию, подобно тому, что вынуждены делать их западные коллеги¹.

На фоне отрицательного естественного прироста населения

мигранты являются важной составляющей трудового потенциала Сибири и России в целом. Сибирь, занимающая пограничное положение с государствами Средней Азии, по степени активности иностранной трудовой миграции занимает одно из первых мест в стране. К настоящему времени сформировалась практика проникновения и расселения мигрантов, а также практика экономической интеграции субъектов миграции. В связи с чем в Сибири возникли совершенно новые проблемы, в том числе проблемы этнокультурной безопасности. Возникает вопрос, как организовать сосуществование разных этнических групп на одной территории, чтобы культурный обмен обогащал разные этносы, а не порождал болезненные социальные явления, и чтобы регион, принимающий мигрантов, максимально использовал иностранную рабочую силу для наращивания своего экономического и демографического потенциала¹.

Судьба концепции миграционной политики складывается непросто. Как заявил Константин Ромодановский, начала она создаваться в 2005 году усилиями 47 структур, после чего долго обсуждалась на разных уровнях. Однако в 2009 году работу пришлось начать с чистого листа². Концепция дважды рассматривалась на заседаниях правительственной комиссии по миграционной политике, и эксперты признают, что нынешний проект наиболее удачный: он достаточно полно охватывает цели, задачи и механизмы иммиграции, снижает риски по интеграции мигрантов в российское общество. И лишь в июне 2012 г. Концепция миграционной политики РФ была утверждена Президентом РФ В. Путиным.

Население России уменьшается, стареет, и с каждым годом

¹ См.: Андриенко Ю., Гуриев С. Анализ миграции в России // Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. Аналитические разработки и отчеты. — 2006. — №23 (Апрель). — С. 38.

¹ См.: Иностранцы мигранты в Сибири // Наука в Сибири. — 2006. — N 49 (2584) 21 декабря. — С. 6.

² См.: Миграция раздора // Режим доступа: <http://top.oprf.ru/main/3813.html>

все сложнее изыскать ресурсы для инновационного развития. Кроме этого, идёт внутренняя миграция: люди покидают насыщенные места и едут в столицы за счастьем и большими заработками. В результате Сибирь и Дальний Восток пустеют (за первые 5 месяцев 2011 года Дальний Восток потерял 6000 человек), и усиление этих регионов становится одной из задач миграционной политики. При обсуждении концепции прозвучали предложения стимулировать миграцию в Сибирь из мест с избыточными трудовыми ресурсами, а к таковым относятся не только Москва и Питер, но и ряд кавказских регионов.

Привлечение мигрантов из-за рубежа – еще один способ увеличения трудовых ресурсов страны. Причём не столько привлечение – и так понятно, что в стране работает большое количество гастарбайтеров, – сколько цивилизованная и описанная в законе процедура, которая поможет активным гражданам из других государств с полным правом жить и работать в России, иметь определённые права и обязанности.

Большое внимание уделяется образовательной миграции, и это вполне обосновано: человек, который окончил в России университет, априори хорошо подготовлен к работе в РФ, ориентируется в законах и традициях, не будет замкнут в родовых и этнических группах.

Важно, чтобы «наши» мигранты хорошо знали русский язык, ориентировались в вопросах истории государства и культуры народа. В связи с этим на слушаниях поднимался вопрос о введении балльной системы оценки потенциальных мигрантов. Такие системы уже действуют в Канаде, Австралии и некоторых других странах и помогают путём входных тестов оценить возможность интеграции человека в общество. С одной стороны, такая система имеет определённые перспективы, она лишена коррупционной составляющей и вполне может оказаться работоспособной. С другой стороны, мы знаем, какие сложности окружают широко обсуждаемый ЕГЭ, и понятно, что экзамен для мигрантов вряд ли будет проходить намного проще.

Необходимо подчеркнуть, что хотя страна и нуждается

в мигрантах, особого облегчения процедур натурализации в России пока не предвидится, и получить российское гражданство мигрантам будет не намного проще, чем сейчас. В отношении семей мигрантов также не ожидается особых послаблений. Поэтому нынешняя концепция – это скорее попытка упорядочить существующие отношения, поставить их на законную основу и привлечь в Россию лучших представителей соседних государств, носителей культурной и интеллектуальной собственности, а не устроить массовый приток мигрантов.

В том, что мировой экономический кризис в России еще не миновал, не сомневается уже никто. Одним из показателей тому является активизация потоков иностранных мигрантов на территорию России, в том числе и в регионы Сибирского федерального округа.

В 2011 году границу РФ в пределах территории СФО пересекли 1,7 млн. иностранцев, причем въехали на территорию России более 0,95 млн. человек, что на 18% больше уровня 2010 года, а выехали – 0,77 млн. человек. Треть иностранцев использует территорию округа как транзитную и направляется далее в регионы центральной России, остальные связывают с Сибирью свои дальнейшие планы на заработки, учебу, путешествия.

В текущем году на территории округа находились 566 тыс. иностранных граждан, что на 14% больше, чем в 2010 году. Традиционно основную часть иностранцев составляют граждане стран СНГ – более 70% прибывших. Дальнее зарубежье, в основном, представлено гражданами КНР. Для работы и проживания иностранцы предпочитают Иркутскую, Новосибирскую области, Красноярский край.

Сегодня на основании разрешения на временное проживание и вида на жительство в регионах Сибири проживает более 58 тыс. иностранных граждан, среди которых преобладают выходцы из стран ближнего зарубежья (Узбекистана, Таджикистана), 16,6 тыс. иностранцев в прошлом году стали гражданами России.

Большинство иностранцев едет в Сибирь в поисках работы. В течение 2011 года на территории Сибирского федерального округа трудились 82 тыс. иностранных граждан из 60 стран. Основу потоков иностранной трудовой миграции составляют представители рабочих специальностей: большая часть иностранных граждан получили разрешение на работу по профессиям подсобный рабочий и грузчик, иностранные работники, как правило, претендуют на те вакансии, которые не пользуются популярностью у местного населения, независимо от образования, и готовы выполнять неквалифицированную работу, требующую, в первую очередь, физического труда. Более 40% трудовых мигрантов задействованы в сфере строительства, 13% – в сельском и лесном хозяйстве, 12% – заняты в обрабатывающих производствах.

Наиболее типичный для Сибири образ трудящегося иностранца – представитель Узбекистана (Таджикистана или Киргизии), в возрасте от 18 до 49 лет, работающий в сфере строительства.

Не смотря на то, что в среде иностранных трудовых мигрантов преобладают неквалифицированные рабочие специальности, прослеживается тенденция увеличения числа квалифицированных специалистов: в 2011 году на территории округа осуществляло трудовую деятельность 1 528 квалифицированных иностранных специалистов.

В течение семи месяцев 2011 года 72 тыс. трудовых мигрантов работали на основании патента у физических лиц (постройка дачных домиков, коттеджей, ремонт квартир, уборка, в качестве няни и т.д.).

Для обеспечения приоритетного трудоустройства российских граждан, миграционной службой России существенно ужесточены требования к организациям, привлекающим для работы иностранцев. Сведено к минимуму количество работодателей, привлекающих иностранцев для работы в лесной отрасли, сельском хозяйстве, транспорте и торговле, пользующихся популярностью у российских граждан. Из перечня предприятий, привлекающих

инострannую рабочую силу, исключены организации, оказывающие посреднические услуги, а также фирмы – «однодневки», не осуществляющие никакой деятельности. Следствием чего стало существенное снижение миграционной нагрузки на российский рынок труда: по состоянию на конец июля 2011 года по данным органов службы занятости на территории округа зарегистрировано 638 902 вакансии и 309 386 безработных. Специальности, на которые привлекаются иностранные работники, не востребованы местным населением.

Возросшая интенсивность миграционных потоков обусловила пристальное внимание органов ФМС России к соблюдению миграционного законодательства РФ как иностранцами, так и гражданами России. В течение 2011 года миграционной службой Сибири выявлено более 268 тыс. правонарушений в сфере миграции, к административной ответственности привлечено более 41 тыс. иностранцев, нарушивших установленный порядок пребывания и трудоустройства. Пресечено 118 каналов незаконной миграции. Бюджет пополнился на 297 тыс. руб., поступивших в виде штрафов за допущенные нарушения.

В отношении нарушителей миграционного законодательства предпринимаются жесткие меры: 7 тыс. иностранцев закрыт въезд на территорию России, выдворено за пределы РФ 3 тыс. иностранных граждан.

В целом, территория Сибири стала комфортным «временным домом» для законопослушных иностранцев. Характерное для многонационального населения регионов Сибири добрососедское отношение к представителям иных государств, а также эффективная работа подразделений миграционной службы по выявлению нарушителей российского законодательства обеспечивают отсутствие межнациональных конфликтов и прочих факторов, дестабилизирующих социальную обстановку в регионах Сибири¹.

¹ См.: Миграционная ситуация в Сибирском федеральном округе // Режим досту-

По результатам наших исследований мы приходим к следующим выводам:

– Миграция в Сибирском федеральном округе приобретает в представлениях самых широких слоев населения характер социальной проблемы и угрозы для безопасности личности, общества и государства. Это связано не с объективным увеличением числа мигрантов, а субъективными представлениями об их численности, основанной на визуализации мигрантов в публичных сферах: торговля, питание, транспорт, ЖКХ, сфера обслуживания, и т. д.

– По своему внутреннему содержанию и движущим силам миграция из экономической сферы перемещается в сферу социальную и политическую. Трудовая миграция все чаще замещается и/или инициируется социальными факторами: более высоким уровнем и качеством жизни, возможностью получения качественного медицинского обслуживания и образования.

– Высокий уровень обеспечения личной безопасности – значимый фактор для иммигрантов при определении Сибири как региона и территории миграционных предпочтений. Отмечается более низкий по сравнению в Центральной и Южной Россией уровень враждебности принимающей стороны.

– Иммигранты из Ближнего зарубежья формируют в крупных городах СФО значимые по своей консолидации и возможностям диаспоры, которые стремятся к этнокультурной автономии с использованием политических требований и угроз. Эти диаспоры во многом структурированы по сетевому принципу и управляются неформальными социальными лидерами, многие из которых являются религиозными и/или криминальными авторитетами.

– Официальные национально-культурные автономии и этнонациональные организации иммигрантов из Ближнего зарубежья отличает слабая вовлеченность в них «новых» мигрантов. В боль-

шей степени они имеют презентационный характер. Многие лидеры используют статусы руководителей этих структур в качестве инструмента для достижения своих личных либо узкогрупповых (клановых, семейных и др.) политических, экономических и иных целей.

6. Угроза значительного антропопотока из Дальнего зарубежья, прежде всего из Китая – «субъективная реальность» для населения Сибири (по теореме Томаса) и миф как «реальность объективная». Число мигрантов из Китая уменьшается с возрастанием экономики Поднебесной. Сибирь уже не приоритетный иммиграционный регион и территория для китайцев. У себя на родине, в более комфортных социокультурных условиях потенциальные мигранты сегодня способны получать ожидаемые выгоды.

7. Иммигранты из Дальнего зарубежья крайне пассивны в формировании национально-культурных автономий и этнонациональных организаций. При этом они слабо интегрированы в российское цивилизационное, гражданское и политическое пространство.

РУССКИЕ В СЦЕНАРИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Svetlana V. Lourié

Sociological Institute of Russian Academy of Sciences

ABSTRACT

The research paper concerns the issue of formation of the internalized general cultural scenario in sociocultural environment on the basis of concentration of general principles of activity in human mentality formed on the basis of individual event cultural scenarios they take part in since their childhood. Cultural constants – unconscious complexes that reflect different aspects of human activity in the world form the basis of the internalized general cultural scenario. The author considers these issues from the perspective of cognitive anthropology and cultural psychology. Adaptive aspects are studied as well.

Российское государство знало несколько проектов межнациональных отношений. В Российской империи они различались от региона к региону и представляли собой весьма пеструю мозаику. Имперские чиновники стремились действовать из практической пользы государства из удобства оперативного управления. Поэтому Российской империи был свойственен этакий «индивидуальный подход» к разным народам и регионам. И за этой индивидуальностью далеко не всегда стояла какая-либо идеологическая программа. Нехристианские народы

Поволжья и северной России стремились ассимилировать и обратить в Православие: единство народов цементировалось восьмиконечным православным крестом. Народы Туркестана надеялись прилепить к себе на основе гражданственности (как говаривал Туркестанский генерал-губернатор немец фон Кауфман, «честный мусульманин для государства ценнее плута христианина»). С другой стороны, немец фон Кауфман завещал похоронить себя в Туркестане, заверяя, что «и здесь русская земля, и здесь не стыдно лежать русскому человеку». Землю эту считали до того русской, что как-то уверили себя, что она отделена непроходимой пропастью от всего мусульманского мира. Пока не поднялось в регионе в самом конце XIX века крупное общемусульманское восстание. В Закавказье народам с древней государственностью отказывали даже в самоуправлении, пока не возбудили такую конфликтность, что русские не могли уже и минимально колонизировать территорию. Поскольку то считали, что грузины и армяне не должны быть слишком инициативны, а то и, что они представляют собой «региональную народность», как писал один чиновник, «этнографическую силу» очень жизнеспособную, что «отнодь не стыдно для нее самой», но стыдно для русских, которые не могут с ней управиться. С другой стороны жило твердое убеждение, что «христианские народы, кровью которых, а не только кровью русских, куплен для России Кавказ, имеют права равные с русскими».

При всем при том, была одна действительная «духовная скрепа» — это сам образ «русского православного человека». И он вроде бы никого не хотел особенно ассимилировать. Иностраный путешественник приводит высказывание живущих вблизи татар русских крестьян — кстати, и очень дружно живущих, — что «как нельзя заставить татар поменять цвет глаз, так нельзя поменять их характер». Сплошь и рядом отмечали, что русские сами ассимилируются инородцами. Официальные программы ассимиляции окраин одна за другой проваливались. Тем не менее, процессы ассимиляции русскими народов империи шли. Без идеологемы, а непосредственно, самым образом рус-

ского православного. Так алеуты Аляски до середины XX века на вопрос о национальности отвечали «рашн ортодокс».

После октябрьского переворота прежняя система ценностей, вся прежняя политическая практика была разрушена. Но на место «русского православного» встал «советский человек», на место ассимиляции – «дружба народов». «Дружба народов» замышлялась как политический проект. Он предполагал осуществление идеала интернационализма. Закладывалось балансирование буквально на «лезвии ножа». И действительно, раз ожидается интернационализм, то должны быть и нации. Но эти нации должны были вступить в такие идеальные отношения, где каждая нация подчиняет себя высшим идеалам коммунизма. Это значит, с одной стороны, что нации, где их еще не было, необходимо было образовать. Многие, даже малочисленные народы СССР получали, по меньшей мере, по университету, по библиотеке, по национальному театру, а иным и письменность даровали. С другой стороны, там, где нация слишком возвышала голову, ее представители подлежали обвинению в «мелкобуржуазном национализме» и репрессировались. А русские еще подлежали и всяческому сдерживанию, чтобы никак не заразились «великодержавным шовинизмом».

И вот этот проект «спустили в массы». Массы восприняли его совершенно своеобразно! Для них главным стало в буквальном смысле слова дружить. Возникла сложнейшая система взаимоотношений. Национальности, как и предполагалось проектом, сохранялись и очень отчетливо ощущались. При этом межнациональная коммуникация сама была одной из важнейших причин, для чего они сохранялись. Немного утрируя, можно сказать, что каждая нация существовала для удовольствия других и сама получала удовольствие от существования других. Национальные особенности проявлялись в праздничной приподнятой тональности. Даже конфликтующие нации выражали свою конфликтность в празднично-игровой форме, например, в КВН или конкурсе «А ну-ка, девушки!» Но это был лишь внешний слой отношений. В своей глубине **они были построены на сложной игре**

компромиссов и системе политеса. Причем от этой игры компромиссов, политеса получали еще очевидное удовольствие. Главное было – быть «тактичным». Тактичность была в сфере межнациональных отношений высшей добродетелью. И политес, присущий «дружбе народов», был очень теплым. Люди будто бы спасались в нем от холода тоталитарного режима. Национальные отношения полагалось выражать в «дружелюбии» и «интересности» – возможность рассказать другим что-то немножко экзотичное.

В рамках проведенного мной в 1999–2000 гг. исследования по теме межнациональных отношений в СССР было опрошено методом глубокого интервью по 15 человек дагестанцев, татар, армян, литовцев, грузин, украинцев, финнов, немцев. Все они почти без исключения рассказывали именно эту версию того, как реализовывался сценарий «дружбы народов»¹. О дружбе народов респонденты говорили как-то необыкновенно образно, вспоминая множество историй из своей жизни.

«Советский человек» вписывался в сценарий «дружба народов». И люди его характеризовали так: «порядочный человек», «хороший человек», «тактичный человек», «непритязательный человек» («он был доволен тарелкой супа!»). Но при этом он был «гордый человек»! Человек, который стремился встать «вперед планеты» всей, верящий, что его трудами «и на Марсе будут яблони цвести». Ради этих марсианских яблонь и существовала эта игра компромиссов, тактичность, политес.

Сценарий «дружба народов» был хорош всем, кроме одного. Самим русским, казалось, в нем места не было. Точнее, наоборот, все остальные считали, что место русским есть и самое почетное. На русских смотрели, как на харизматических лидеров. «Какой-нибудь узбек вряд ли мог вспомнить по пальцам руки замеча-

¹ Исследование было проведено в 1999–2000 году при финансовой поддержке фонда Маккартуров на базе Социологического института РАН. Подробно см. [Лурье, 2011].

тельных казахов, но сколько он мог назвать замечательных русских!». Русский в глазах других стоял в центре сценария. Но сам русский стал к советскому сценарию как бы индифферентен, потому что он ничего в него не привносил уже от души. Если можно было сказать, что русский православный в Российской империи нес Православие, известную ему Истину, делающую всю жизнь исполненной глубокого смысла, подчиненной Христу, то русский советский человек верил-то в советскую истину уже меньше, чем разноплеменные его собратья, и ничего им не нес от души Душа его как бы осиротела. Не это ли отсутствие ощущения обладания Истиной, которое с годами нарастало, делало в глазах русского советские сценарии бессмысленными?

В этом отношении даже российские имперские многоликие сценарии межнациональных отношений, сплошь и рядом приводившие к кризисам, порой очень слабо идеологизированные, были гораздо ближе русскому, поскольку харизматичность была предзадана его исключительностью, которая шла из него самого, из его нутра, как богоносца, как обладателя Истиной, не в качестве идеологии, а в своей повседневной жизни.

Сценарий «дружба народов» не был русскому совершенно антипатичен, он его привлекал. Образ «советского человека» тоже. Но он кожей стал ощущать внутреннюю пустоту такого красивого и сложного сценария.

«Советский человек» был прежде всего «государственным человеком». Это, конечно, привлекало русского – государственность всегда много для него значила. Но чем дальше шло время, тем более он ощущал, что это государство ради только самого таково вот советского государства, без Бога и без Истины.

А потому в **новом русском проекте межнациональных отношений**, кроме многого всего прочего, должно безусловно быть место государственности как структурообразующему фактору именно межнациональных отношении. В ней должны быть и российские имперские компоненты, и советская «дружба народов», как ее понимали простые люди, но цементирующим звеном должен быть образ русского православного.

Несколько слов об имперских компонентах межнационального проекта Российского государства. Они ни в коем случае не должны пониматься так, будто их функция исключительно в подавлении и угнетении. Конечно, они подразумевают и управление народами. Управление в Российском государстве сегодня, как и в Российской империи, прежде всего, основывается в региональной политике. С уважением к другим традиционным религиям и неприязнью к модернистским сектам. И при проповеди православной церковности как смыслополагающей составляющей не только российской государственности, но и самой жизни русского народа. Но не как лозунга, не как идеологии, не с внешней парадной стороны, а как факта жизни, живой приходской практики, которая предлагается гражданам государства, чтобы осмысленной стала сама жизнь в российском государстве. Осмысленна, и это главное, на самом низовом, бытовом, личностном уровне.

Тогда процессы конструктивно полезной и необходимой ассимиляции в Российском государстве пойдут более естественным образом. Прежде всего это не будет ассимиляцией к русскому этническому, этнографическому. Разнообразие, пестрота, яркость всегда предпочтительней. Российское государство должно предлагать ассимилироваться к той Истине, которую русские несут, к православной церковности. Есть православные грузины, православные греки, православные сербы: все они разные, непохожие друг на друга народы, но их объединяет общий духовный опыт, который присутствует в жизни каждого православного. Есть преподобный Паисий Святогорец, есть преподобный Гавриил Ургебадзе, есть святитель Николай Сербский – я упоминаю только современных святых – и с каждым из них духовно общается и русский православный. Это само по себе не всегда делает отношения между народами легкими. Но это залог настоящей близости и понимания в Православии. Это то единственное, что и следует делать в политике ассимиляции: возжечь, заново обрести внутренний свет духовности в каждом россияnine. И то единственное, пожалуй, что придаст смысл государственности

русскому человеку и воссоздаст сильное российское государство столь необходимое для этого смысла.

И вот тогда снова станет актуален проект «дружба народов», все его перечисленные мною черты — **тактичность, компромиссы и политес**. Нам не нужно фантазировать на тему практического преломления российского межнационального проекта — у нас уже есть бесценный опыт. Его можно восстановить, и при определенных обстоятельствах он, возможно, и сам восстановится естественным образом. Русские должны занять в новом сценарии «дружба народов» свое место, то самое место, которое им отводилось всеми участниками этого межнационального сценария прежде: место харизматического народа-лидера. Харизматичность эта может быть обоснована и возрождена сегодня православной религиозностью русских, их глубинной верой и церковностью. Не стремлением навязывать Православие. Не миссионерским задором, а миссией как личностным делом, защитой православного и покровительствуемого православными. Сильное государство необходимо русским для защиты российского от агрессивной лжи современного мира — вот истинная причина противостояния Западу. Образ русского в таком государстве всегда был и может быть привлекательным и вдохновляющим для большинства нерусских в стране.

Все это не одни благие пожелания. И вот почему. Современная наука о человеке и обществе уже имеет довольно интересные достижения в исследованиях, которые предлагают весьма небезосновательные рекомендации.

Я уже упоминала о сценарии дружбы народов и это не случайно. Далее дружба народов пояснялась моделью взаимодействия, где превозносится тактичность, где есть особые способы демонстрации своей этничности, где есть «ритуальные» способы регулирования своей конфликтности, где действия друг относительно друга диктуются особым сложным политесом, который приводит к удивительному ощущению отсутствия напряженности и конфликтности в межнациональных отношениях, где много игрового. Между тем, это вовсе не игра, а жизнь.

Пятнадцать лет назад я выдвинула гипотезу, что если взять отдельный народ, отдельную культуру, то она обладает имплицитным «обобщенным культурным сценарием», регулирующим все модели взаимоотношения людей. Этот сценарий регулирует и то, как носители его воспринимают мир, и как в нем действуют разные люди. Немножко поясню.

Нам, носителям той или иной культуры не дано воспринимать вполне адекватно объективную реальность. Мы воспринимаем ее только через призму нашей культуры. Есть такая концепция, по которой мир – это такой мощный, безграничный **«поток материала»**. Он для нас индифферентен, мы его можем вообще не воспринимать. По мере того, как элементы этого потока приобретают для нас определенное значение, из него выделяются **«значимые системы»**. Каждая культура задает свой фильтр, отбирающий для ее носителей «значимые системы». Мир, в котором мы живем, воспринимается нами только в том, что имеет для нас значение. Поэтому мир наш «интенционален», что значит избирательно сконструирован в нашем сознании в рамках нашей культуры.

Как же «поток материала» преобразуется в «значимые системы»? Поначалу из детского опыта, когда взрослые включают детей в многообразные сценарии взаимодействия, подталкивают и направляют. Так мы сами с младенчества становимся частью этих сценариев. Поскольку мы усваиваем «значимые системы», принадлежащие одной определенной культуре, мы усваиваем бессознательно и то общее, что в них, во всех ее сценариях есть, это общее конденсируется в нашей психике, скорее в бессознательном, чем в сознании, и в нас запечатляются «обобщенные модели» взаимодействия. Понятно, что они обусловлены культурой. Вот эти представления и влияют на то, как человек видит мир. [Лурье 2010]

Итак, формируются такие **культурообусловленные комплексы восприятия**, которые и определяют, что человек во внешней реальности замечает, а что нет, а из того, что он замечает, что начинает занимать определенное место в его сознании. И каса-

ются эти комплексы самых различных аспектов, относящихся к деятельности. Образно все это классифицируется так: «источник добра», «источник зла», «условия деятельности», «сил, покровительствующая деятельности», «поле деятельности» и т. д. В конечном счете формируется образ «способа деятельности», при котором, говоря проще, добро побеждает зло. Это именно что бессознательные образы, которые соотносятся друг с другом специфическим для каждой культуры манером и могут наполняться своим особым содержанием в результате переноса каждого из этих бессознательных комплексов на объекты реального мира. Содержание это может меняться в зависимости от обстоятельств, но формальные характеристики «образов» для культуры константны. Я их так и называю: **«культурные константы»** [Лурье 2016]. В своей совокупности культурные константы, определяющие и восприятие мира, и деятельность человека, то есть составляют имплицитный обобщенный культурный сценарий. Имплицитный потому, что он, как правило, не осознается. Обобщенный сценарий потому, что он содержит в себе все возможные мыслимые в данной культуре модели взаимодействия. И в самых разных ситуациях люди начинают воспроизводить ту или иную модель взаимодействия, которая заложена в этом обобщенном сценарии.

Но люди разные, у них разные предпочтения, разные ценности. И обобщенный культурный сценарий, культурные константы по разному переносятся на разные объекты. В обществе действуют разные люди, разные группы людей с разными ценностями, с разным преломлением культурных констант на объекты реальности, но все они имеют в своем бессознательном один и тот же обобщенный культурный сценарий. И этот сценарий определяет собой их взаимоотношения. Причем на видимом уровне между ними может быть даже, казалось бы явный, конфликт, но благодаря тому, что действиями их всех движет обобщенный культурный сценарий, получается что они все же взаимодействуют подспудно, независимо от своего желания, а их конфликт может иметь для культуры в целом и благоприятное значение, то есть

быть функционально полезным.

В рамках такого **функционального конфликта** в процессе взаимодействия групп людей разыгрывается та или иная **культурная тема**. В соответствии с обобщенным культурным сценарием эта тема по-разному преломляется психологией различных людей, по-разному интерпретируется, но служит материалом, на котором и проигрывается этот единый для всех обобщенный культурный сценарий. Причем эта тема должна быть достаточно глубокой, чтобы было что проигрывать. Если тема мельчает, ее содержание теряет значение, «испаряется», то и сам сценарий будто бы рассыпается, а в обществе начинаются деструктивные процессы.

Вот тут мы вернемся к сценарию «дружбы народов». Это не этнический сценарий, это социокультурный сценарий, где участвуют представители различных этносов. Они имели и могут иметь во многом общее воспитание. Они усваивали и могут усваивать во многом общие культурные сценарии с общими элементами обобщенного культурного сценария. Общего может быть вполне достаточно, чтобы спонтанно и не деструктивно разыгрывать и обыгрывать ту или иную культурную тему. Что они и делали, реализуя сценарий «дружба народов» в СССР. И русских в том сценарии, вспомним, воспринимали как харизматических лидеров.

Сегодня необходимо обязательно оживить сценарий, внести в него такое содержание, которое позволило бы лидерство русских в проигрывании культурной темы. Тогда-то с подачи русских эта культурная тема, пусть на разные лады, будет проигрываться нашими нерусскими соотечественниками. Кто-то войдет с нами в наше общее «мы», кто-то будет проигрывать собственную культурно-религиозную тему (как наши российские мусульмане, например), при этом постоянно соотносясь с нами. Главное, чтобы культурная тема была столь богата, чтобы она имела достаточно содержания для того, чтобы ее могли и захотели проигрывать все ее исполнители по предлагаемому обобщенному культурному сценарию, а также давать материал для ее интерпрета-

ций группам с нами связанными, живущими в одном обществе и государстве.

Как только будет тема для обыгрывания в межнациональных, в межкультурных отношениях, возникнет новый сценарий, который будет построен на многих из тех компонентов, которые были характерны и для сценария «дружба народов».

Этот сценарий нельзя задать как программу, его надо возвращать, начиная с духовности самых простых бытовых отношений, с личной духовности. Эту первую ступень в восхождении пропустить нельзя, без нее сценарий просто не сложится, нечему будет обобщаться, конденсироваться в нашем сознании и бессознательном. Не так сложится наш интенциональный мир, не те будут заложены в нас модели поведения. Не та возникнет структура взаимодействия между нами.

Культурная скрепа – это не идея, это культурная тема, которая должна интерпретироваться и реинтерпретироваться, обыгрываться, играть всеми красками в обобщенном культурном сценарии всего российского народа. И главная партия в этой теме проигрывается русским человеком. Сам православный церковный человек будет этой духовной и культурной скрепой. И тут главное, русским не потерять вкус к своей теме и в новом сценарии межкультурных отношений, как они потеряли вкус к сценарию «дружба народов».

Список литературы

Лурье С. Утопанная тропа сквозь темный лес (бессознательное в этнической картине мира) // *Общественные науки и современность*. 2016, №1.

Лурье С. В. «Дружба народов в СССР»: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации // *Общественные науки и современность*. 2011, №4.

Лурье С. В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2010, №2.

**2 секция «Управление
миграционными
процессами: научные
концепции и социальные
инновации»**

ОБРАЗ ИНОСТРАННОГО ТРУДОВОГО МИГРАНТА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

THE IMAGE OF FOREIGN LABOUR MIGRANTS IN MASS CONSCIOUSNESS OF INHABITANTS OF KRASNOYARSK REGION

Fedyukina K.A.

ABSTRACT

Today, foreign labour migration to Russia, and in Krasnoyarsk region – one of the sources of replenishment of the population and the leveling of skills shortages. Krasnoyarsk Krai, as a multicultural region, under the influence of foreign labour migration is becoming ethnically, culturally and religiously more heterogeneous. Such diversity inevitably influences communication between the population of the host territories and ethnic migrants. For both migrants and the host society shape the social images of each other/

Сегодня иностранная трудовая миграция как для России, так и для Красноярского края – один из источников восполнения численности населения и нивелирования дефицита трудовых ресурсов. Красноярский край, будучи многонациональным регионом, под влиянием иностранной трудовой миграции становится этнически, культурно и конфессионально еще более разнород-

ным. Такое разнообразие неизбежно оказывает влияние на коммуникацию между населением принимающей территории и этническими мигрантами. И мигранты, и принимающее общество формируют социальные образы друг друга [1]. Социальное осмысление зачастую приводит к усилению стереотипов и предубеждений в отношении к мигрантам. Социальные представления при доминировании стереотипизированных образов влияют на степень взаимного доверия, что в свою очередь ведет к увеличению социальной дистанции и формированию мигрантофобии [2]. Вместе с тем, распространение феномена мигрантофобии в массовом сознании населения усиливает социальную напряженность и повышает конфликтогенный потенциал общества. В связи с этим существует необходимость своевременно фиксировать мигрантофобские общественные настроения с целью предотвращения распространения негативных стереотипов и предубеждений в отношении к иностранным трудовым мигрантам.

С 2009 года специалистами кафедры социологии Сибирского федерального университета и сотрудниками Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права совместно с Управлением общественных связей Губернатора Красноярского края, ведется ежегодный мониторинг общественного мнения жителей Красноярского края по отношению к иностранным трудовым мигрантам. За шестилетний период удалось выявить обобщенный образ иностранного трудового мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края.

Иностранные трудовые мигранты в представлении жителей Красноярского края – это нерусские люди, представители других государств, приехавшие в Россию на заработки. Их зачастую называют «гастарбайтерами». Они выполняют тяжелую работу, не требующую высокой квалификации, их труд дешёв. При этом отношение большинства жителей Красноярского края (79%) к иностранным трудовым мигрантам не зависит от региона или страны, из которых они приехали в Россию. 17% опрошенных указали, что их отношение к иностранным трудовым мигрантам

зависит от страны выбытия последних. В большей мере негативно жители края относятся к мигрантам, прибывшим из стран Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении) и Закавказья (Грузии, Армении, Азербайджана). Скорее позитивные чувства жители края испытывают к выходцам из восточноевропейских стран – Белоруссии, Украины, Молдавии.

Образ мигранта основан, прежде всего, на оценках, ощущениях, ассоциациях. Так, словосочетание «иностранные трудовые мигранты» вызывает у жителей Красноярского края преимущественно негативные ассоциации. Чаще других жители края приводят такие ассоциации как «грязный» и «наглый». На втором месте по количеству – позитивные ассоциации – «работящий» и «трудолюбивый». На третьем месте – нейтральные ассоциации, не раскрывающие особого эмоционального отношения к образу иностранного трудового мигранта. Негативное восприятие иностранного трудового мигранта отражено и в желании жителей Красноярского края дистанцироваться. На это указывает тот факт, что в круг друзей, знакомых, коллег большинства жителей Красноярского края (60%) не входят иностранные трудовые мигранты. Стоит отметить, что существуют различия социальных дистанций, установленных жителями малого и крупного города. Так, например, саяногорцы готовы принимать трудовых мигрантов как коллег, учиться или работать с ними вместе, в то время как красноярцы готовы принимать их только как сограждан одного государства. Это говорит о том, что жители малого города более открыты для контактов с иностранными трудовыми мигрантами, чем жители мегаполиса.

Результаты исследований позволили выделить два типа образа иностранного трудового мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края. Первый характеризуется агрессией, угрозой экономическому и культурному развитию края. Это подтверждается суждениями о том, что необходимо жестко контролировать приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов, нужно разрешить въезд в Россию только тем, кто знает русский

язык и уважает русскую культуру, надо ограничивать количество иностранных трудовых мигрантов в Красноярском крае, народы, которые имеют сою историческую родину за пределами России должны уехать туда.

Второй тип образа менее распространен в массовом сознании жителей нашего региона, включает позитивные характеристики, выраженные суждениями о том, что проживание на территории края представителей разных национальностей обогащает культуру нашего региона, что нужно создавать условия для привлечения иностранных трудовых мигрантов в Россию, что приезд в Россию иностранных трудовых мигрантов способствует экономическому развитию страны, и, что влияние иностранной трудовой миграции на рост преступности в Красноярском крае – это миф. Именно первый тип образа иностранного трудового мигранта доминирует в массовом сознании жителей Красноярского края, он оказывает влияние на формирование этнических стереотипов и предубеждений по отношению к мигрантам.

Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что образ иностранного трудового мигранта включает в себя как негативные, так и позитивные характеристики. С одной стороны иностранный трудовой мигрант – это представитель другого государства, приехавший ради заработка, как правило, имеющий низкую профессиональную квалификацию, склонный к девиантному поведению. Такой образ иностранного трудового мигранта вызывает раздражение и неприязнь по отношению к ним, вызывает желание дистанцироваться. С другой стороны иностранный трудовой мигрант – это работающий и трудолюбивый человек, носитель другой национальности, культуры и языка. Их проживание на принимающей территории способствует экономическому развитию и культурному обогащению региона.

Литература:

– Титов В. Н. О формировании образа этнического мигранта (анализ публикаций прессы) // Демоскоп Weekly. 22 ноября – 5 декабря 2004. №179–180

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА
ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX-XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И

– Мукмоль Вл. Российские дискурсы о миграции // Вестн.
обществ. мнения. 2005. №1 (75)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ

ZHIRNOVA E. A.

ABSTRACT

The work shows the growth of immigration, immigrants in the region and the urgency of interdisciplinary research to assess the impact of migration on the quality of educational services in school

В работе показан миграционный прирост иммигрантов на территории края и обоснована актуальность проведения междисциплинарного исследования по оценке влияния миграционных процессов на качество образовательной услуги в школе

В условиях трансформирующегося общества процессы трудовой миграции обостряют экономические, социальные, культурные проблемы. Трудовая миграция является важнейшим фактором модернизации рынка труда, которая приводит к изменениям условий жизни населения и его воспроизводства, и, в свою очередь вызывает трансформацию институтов социальной сферы. Из всего многообразия социальных институтов особое внимание заслуживает образование как важнейшая сфера социальной жизни, формирующая интеллектуальное, культурное, духовное состояние общества.

В настоящее время наблюдается усиление миграционных процессов, и Красноярский край не является исключением. Миграционный прирост иммигрантов из государств-участников СНГ с 2007 по 2014 год составил 45538 человек (таблица 1)

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА
ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX-XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И

Год	Количество прибывших	Количество выбывших	Миграционный прирост
2007	6286	818	5468
2008	6545	654	5819
2009	7101	432	6669
2010	5550	385	5165
2011	6711	441	6270
2012	5764	958	4806
2013	7672	1604	6068
2014	8365	3092	5273
Итого	53994	8456	45538

Таблица.1. Итоги миграции населения из стран СНГ ???.

Наибольшее количество мигрантов пребывает из Таджикистана, Киргизии, Азербайджана, Армении и Казахстана. Наименьшее из Туркмении, Грузии и Молдовы.

Воздействие модернизации и миграции на социальную структуру общества остаются одними из наиболее актуальных тем на протяжении более чем двух десятилетий. По влиянию миграции на социальную структуру населения наиболее известны работы, проводимые Институтом им. Макса Планка (см., например журнал *Demographic Research*), *Luxembourg Income Study*, (см., например Skinner, C., Bradshaw, J. and Davidson, J. *Child support policy: an international perspective*. Leeds: 2007), Университетами Оксфорда и Кембриджа. В России подобные исследования проводились Институтом социологии РАН, Институтом независимой социальной политики, Центром миграционных исследований. Схожие проекты выполняются на общероссийском и международном уровнях в различных инвариациях (Институт им. Макса Планка, *Luxembourg Income Study*, Университеты Оксфорда, Кембриджа, Санта Фе. Институт социологии РАН, Институт независимой социальной политики, Центр миграционных исследований).

Из всего многообразия социальных институтов рассмотрим образование, в частности остановимся на определении тенденций и социальных последствий влияния трудовой миграции на качество общеобразовательной услуги. Для образования проблема миграции очень актуальна, так как в некоторых красно-

ярских школах количество детей мигрантов составляет до 10% от общего числа обучающихся.

Образование – целенаправленная деятельность по обучению и воспитанию, личностному развитию ребёнка, осуществляемая в интересах обучающихся, общества и государства в соответствии с принципами образовательной политики, закреплёнными в законодательстве РФ.

Качество образования можно рассматривать как многомерное понятие. Это, прежде всего интегральная характеристика системы образования, отражающая степень соответствия реальных достигаемых образовательных результатов, условий образовательного процесса нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям. Это также востребованность полученных знаний в конкретных условиях и местах их применения для достижения конкретной цели и повышения качества жизни.

Измерение качества образования – это оценка уровня образовательных достижений с помощью контрольно-измерительных материалов (традиционных контрольных работ, тестов, анкет и др.), имеющих стандартизированную форму и соответствующих реализуемым образовательным программам.

Объективными показателями качества образования являются:

- результаты государственной (итоговой) аттестации обучающихся, освоивших образовательные программы основного общего образования и среднего (полного) общего образования;
- внеучебные достижения обучающихся (спортивные, творческие и т.д.)
- результаты медицинских обследований школьников
- общий уровень духовного, нравственного, социального и культурного развития обучающихся школы.

Анализ влияния миграции на качество обучения является предметом междисциплинарного исследования. Методологические и методические вопросы исследования миграции населения подробно рассмотрены в работе ???. Основу составляют социологические исследования с опорой на статистический материал

и привлечением демографических, экономических и этнологических данных. Методологической базой проекта является теория стратификации. Применяются общенаучные методы исследований теоретического уровня: анализ научной литературы и синтез имеющихся знаний по изучаемой проблеме, категоризация обобщенных и осмысленных материалов, парадигматическое противопоставление имеющихся точек зрения, классификация и схематизация полученных материалов. Для практической реализации задач: статистический анализ, теоретический анализ документальных источников, вторичный анализ материалов социологических исследований, причинный анализ, сравнительный анализ, типологический анализ и ранжирование материалов, проведение экспертных опросов, фокус-групп, глубоких интервью. Сбор и формирование материала осуществляется с использованием программного обеспечения Access.

Исследования влияния миграции на качество образования предполагает рассмотреть влияние детей-мигрантов на следующие аспекты качества образовательной услуги:

- успеваемость обучающихся, результаты сдачи Единого Государственного Экзамена (ЕГЭ), оценки в аттестате;
- уровень конфликтности в учебном заведении
- дальнейшую образовательную направленность учащихся (среднее и высшее профессиональное образование)
- участие обучающихся в культурной, спортивной или научной деятельности
- здоровье обучающихся, пристрастие к вредным привычкам и т. д..

Данное исследование целесообразно проводить с позиции школьников, их родителей, учителей, администрации образования и других заинтересованных лиц. Подобное исследование позволит разработать научно обоснованные управленческие решения, обеспечивающие качество школьного образования, адаптацию детей мигрантов к новой для них социальной, культурной среде, общественное развитие и оптимальное использование человеческого капитала. В случае игнорирования данных

проблем возможно возникновение теневых институциональных практик, формирование консервативных иноэтничных диаспор, что будет осложнять нормальную социализацию детей мигрантов, усугублять социальное неравенство и, в конечном счете, может привести к усилению национальной розни, межэтническим конфликтам.

Список литературы

1. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю <http://www.stat.krs.ru>

2. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля — Центр миграционных исследований — М., 2007, 370 с.

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

THE IMPACT OF LABOUR MIGRATION ON INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE KRASNOYARSK TERRITORY

K. I. PASTUKHOVA, A. LYTKINA

ABSTRACT

Considered the problem of the shortage of highly qualified specialists in the Krasnoyarsk region, identified the main reasons of immigration specialists in the central regions of Russia. Methods to attract and retain highly potential employees have been proposed, that promote disclosure of innovation potential in the Krasnoyarsk region.

Красноярский край является регионом с высоким экономическим потенциалом, раскрыться которому в полном объеме мешает сырьевая направленность экономики, исторически сформировавшаяся на территории Красноярского края. Подобная модель национальной экономики имеет целый ряд негативных последствий, одним из которых является высокая зависимость экономики от конъюнктуры рынка. Сырьевая модель экономики не может обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, потому что при истощении полезных ископаемых требу-

ется разведка новых месторождений, которая, в свою очередь, нуждается в привлечении все более высоких капитальных вложений. Поэтому государству целесообразно уделить большее внимание инновационному развитию региона путем рационального использования сырьевых ресурсов для создания и финансирования новых источников дохода, акцентируя внимание на том, что обеспечение комфортных условий для научной деятельности молодых специалистов является базисом инновационного развития региона.

Ссылаясь на опыт развитых стран, можно утверждать, что эффективная государственная политика в области инноваций и образования способствует развитию «экономики знаний» на данных территориях. Для устойчивого развития экономики необходимо следовать опыту стран с высоким международным инновационным индексом: США, Япония, Великобритания и другие. В СССР такой опыт был, создавались большие запасы «человеческого» ресурса. Но на данный момент государство не уделяет должного внимания вопросу инновационного развития, делая акцент на стимулирование экспорта природных ресурсов.

Модернизация экономики невозможна без правильного отношения к главной производительной силе общества – высококвалифицированному и высокоинтеллектуальному труду.

На территории Красноярского края присутствует недостаток квалифицированных специалистов, который препятствует трансформации сырьевой модели экономики в инновационную. Данную проблему усложняет демографический фактор: плотность населения составляет 1,21 человек на км² [2], что является, несомненно, низким показателем в сравнении с регионами Европейской части России. Обостряет данную проблему иммиграция населения, оказывающая существенное влияние на динамику численности, структуру и воспроизводство края. На фоне этого развивается проблема старения научных кадров: молодые специалисты переезжают в другие регионы с более развитой научно-технической инфраструктурой, где они могут эффективнее

использовать свой труд.

Согласно данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, на территории Сибири прослеживается тенденция межрегиональной иммиграции населения, которая составила за январь-сентябрь 2015 года 30465 человек [2].

Одна из причин данного явления – это малооплачиваемость научной деятельности в Красноярском крае. Несмотря на то, что Красноярский край занимает 21-ое место по величине средней заработной платы ученых среди всех субъектов РФ [4], дифференциация доходов научных сотрудников между Красноярским краем и Московской областью значительная: данный показатель составляет 39083 руб. и 58923 руб. соответственно. Однако, среднесписочная численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, в январе-сентябре 2015 г. составила 6598 человек, что на 5,9% больше, чем в январе-сентябре 2014 г.

За последний год ситуация на рынке труда усугубилась под влиянием девальвации национальной валюты: прошли массовые сокращения, а также снижение заработной платы, премий. В Красноярском крае 80% соискателей работы отметили, что ощутили влияние кризиса на текущем рабочем месте. Данный показатель превышает среднее значение по России, способствуя «оттоку» молодых ученых за пределы региона [5].

Основной задачей государственной политики в сфере научно-технического и инновационного развития должна стать поддержка молодых ученых, способных раскрыть инновационный потенциал Красноярского края, а также создание благоприятных условий для реализации эффективной деятельности участников инновационного процесса.

Государственные органы должны реализовать данную задачу в двух направлениях [1]:

- сокращение оттока специалистов из Красноярского края в центральные регионы России;
- привлечение специалистов из других регионов России.

Эффективная государственная политика в этих направлениях не только способна сократить межрегиональные иммиграционные процессы, но и способствовать развитию инновационной активности края. Она может быть реализована при принятии следующих мер:

- ускорение создания научно-производственных и научно-образовательных комплексов;
- вовлечение ВУЗов Красноярского края в работу создаваемых бизнес-инкубаторов и технопарков для повышения эффективности учебного процесса;
- развитие интеграционных процессов в сфере образования;
- создание инновационной базы для исследований, разработок и реализации новых технологий;
- разработка системы стимулов, направленных на привлечение ведущих ученых научных центров страны, специалистов производственных компаний к участию в учебном процессе и научных исследованиях, проводимых в вузах региона;
- формирование государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов;
- инвестиции в человеческий капитал;
- стимулирование создания крепких партнерских отношений между научными деятелями, бизнесменами и государством путем создания кластеров.

Реализация предложенных мер позволит на долгосрочной основе уменьшить дефицит квалифицированных и молодых кадров для модернизации и инновационно-технологического развития Красноярского края.

Список литературы:

- Цукерман, В. А. Проблемы и перспективы инновационно-технологического развития экономики Севера// Экономика и управление. – 2007. – №6. – С.76–78.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/lssWWW.exe/Stg/d03/21-05.htm

– О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Красноярском крае Закон Красноярского края [Электронный ресурс]: закон от 01.12.2011 №13–6629 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

– Рейтинг: в каком регионе РФ зарплата научного сотрудника была больше в 2014– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosnauka.ru/rating/194>

Красноярский край в лидерах по сокращениям персонала в компаниях– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krasnoyarsk.hh.ru/>

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ЧАСОВ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

**DYNAMICS OF CHANGES IN THE SOCIAL
HOURS IN THE RUSSIAN CULTURE
OF SECOND HALF OF XX – BEGINNING
OF XXI CENTURY**

KOCHEROVA A. B., REZNIKOVA K. V

ABSTRACT

One of the cultural factors is time. Time-based regulated social relations. For example, purchasing a particular social role associated with the achievement of a certain age, a specific time frame limited to periods of schooling, military service. Established and well-known these times give the possibility of constructing the reality of the present on the basis of ideas about the future. So, in anticipation of the entry into one or another socially important age, members of the public can plan their livelihoods. Thus, time acts as a social value, is a resource which is equally enjoyed by all members of society. While identical treatment of time is a unifying factor for groups of people. And then the perception of time become part of the picture of the world that are relevant for a particular society

Одним из культуuroобразующих факторов является время. На основе времени регламентируются общественные отношения. Например, приобретение той или иной социальной роли связывается с достижением определенного возраста, конкретными временными рамками ограничиваются периоды обучения в школе, службы в армии. Установленные и всем известные эти временные рамки дают возможность конструирования реальности настоящего на основе представлений о будущем. Так, предвидя вступление в тот или иной социально значимый возраст, члены общества могут планировать свою жизнедеятельность. Таким образом, время выступает как социальная ценность, это ресурс, которым в равной степени обладают все члены общества. При этом идентичное отношение ко времени является объединяющим фактором для группы людей. И тогда особенности восприятия времени становятся частью картины мира, актуальной для того или иного общества.

Фрагмент мира со своим внутренним временем называется темпомиром [30]. Он обладает относительной автономностью, а его члены общими ценностями. Механизмом регулирования социальных процессов в том или ином обществе (темпомире) служат «социальные часы». Это нормативные биографические схемы, которые выстраивают настоящее в соответствии с представлениями о будущем. Они определяют основные возрастные периоды в жизни человека, в которые предписывается или дозволяется освоение тех или иных социальных статусов и ролей. [30]

Одна из проблем российского общества, затрудняющая межкультурное взаимодействие, а также и внутреннее развитие, это большое количество рассогласованных темпомиров. В таких условиях необходимой является синхронизация скорости и ритмов жизни страны. Закрепление на законодательном уровне тех или иных социально значимых возрастов и временных периодов является инструментом синхронизации. Поэтому для выявления общих тенденций изменения «социальных часов» был предпринят анализ законодательных актов СССР, РСФСР

и РФ во второй половине XX – начале XXI вв. Для всех этапов рассматриваемого периода исследовались:

- возраст: совершеннолетия, получения паспорта, пенсионный, брачный, сексуального согласия, уголовной ответственности, воинской обязанности, покупки алкоголя;

- периоды: нормированная рабочая неделя, ежегодные отпуска, количество праздничных дней в году, срок обучения в средней школе и вузах, срок службы в армии, срок давности преступления, срок беременности, на котором позволителен аборт, срок трудового стажа, необходимого для получения пенсии;

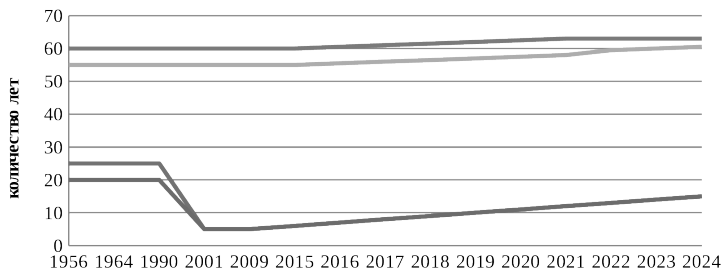
- периодизации возрастов.

Результаты библиографического анализа нормативных актов были подтверждены с помощью метода интервью, проведенного среди граждан, живших в разные этапы развития СССР и РФ. Оформлены результаты в графики и таблицы. Такая форма является наглядной для наблюдения социальных процессов и выявления закономерных тенденций. Ниже приведены графики только для тех категорий данного исследования, которые являются наиболее актуальными на момент 2015 года.

В 2014 году по сравнению с 2013 смертность и рождаемость возросли на 2% [33], а по предварительно опубликованным данным на 2015 год по сравнению с 2014 смертность снова возросла, а вот рождаемость понизилась. При этом количество браков на 1000 человек населения в 2014 году уменьшилось только на 0,1, (стало 8,4 бракосочетаний на 1000 чел. в год), а количество разводов осталось неизменным – 4,7 разводов на 1000 чел. в год. Это значит, что не уменьшение семей, а аборт влияет на демографическую обстановку. Они часто становятся причиной бесплодия. Главный педиатр России, доктор медицинских наук Александр Баранов назвал цифру в 4 млн. бесплодных семей в России на момент 2015 года [31].

Актуальность этой темы на сегодняшний день была поднята на пресс-конференции «Аборты – это акт саморазрушения и личности, и общества», прошедшей в Москве 4 июня 2015 г.

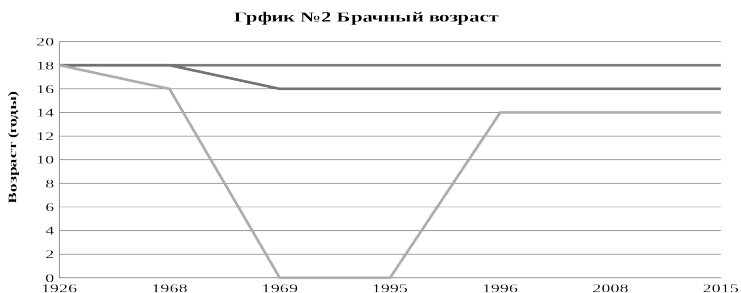
График №3 Пенсионный возраст

в информационном центре «ТАСС». Посвящена она была вопросу выведения аборт из системы обязательного медицинского страхования.

Из графика №1 видно, что в РФ практика аборт давно нормализована в двух категориях: до 12 недель срока беременности аборт может сделать любая желающая женщина, до 22 недель – только по социальным причинам. Сразу стоит отметить, что именно наша страна первой в мире легализовала искусственное прерывание аборт с 1920 года. Во времена плохого демографического положения этот закон отменяли. Но в 1980-ых годах ситуация ухудшилась таким образом, что от плода стало возможным избавляться до 24 недель по любым причинам. В 1987 году снова вернули принятое на основе физиологических показаний ограничение до 12 недель. Но при этом, по социальным причинам аборт можно было делать уже до 28 недель, в это время ребенок является уже сформировавшимся. Поэтому политику РФ по отношению к аборт можно считать более гуманной, чем в СССР. Но все же аборт по социальным показаниям переступает срок беременности, принятый современными медицинскими стандартами, в слове терминов вспомогательных репродуктивных технологий извлечение плода после 20 недель уже носит характер родов [28].

В число упомянутых социальных причин входит смерть мужа или развод, а также многодетность. Так, чтобы было меньше

абортов по этим причинам, необходимо укреплять институт семьи и усилить поддержку многодетных семей. Современное российское законодательство таково, что порождает схему заключения браков, в которой беременность становится их причиной, а не наоборот. Это связано с частью 6 статьи 134 УК РФ [5], согласно ей, лицо, вступившее в половую связь с лицом, не достигшим 16 лет, может быть освобождено от ответственности, если вступит в брак с потерпевшим. Это порождает увеличение числа ранних браков. По данным Росстата [33], явление ранних браков впервые приняло огромную силу в 1990-ых годах, когда многие субъекты РФ воспользовались возможностью регионального снижения брачного возраста, предусмотренной частью 2 статьи 13 СК РФ [3].

График №2 иллюстрирует следующую ситуацию: единый брачный возраст всегда составлял 18 лет. В 1968 году было разрешено в отдельных регионах, где это продиктовано этническими особенностями, заключение браков до 18, но не раньше, чем в 16 лет. Через год были внесены поправки, и теперь Республики могли устанавливать совершенно любой брачный возраст. Фактически, в СК исчезла единая для всего СССР нижняя граница брачного возраста. Это видно на графике – зеленая линия опускается до нуля. На данный момент в СК РФ тоже не прописана нижняя граница и субъекты сами решают, когда могут жениться их граждане. Но по факту, минимальный возраст вступления в брак составляет 14 лет, он закреплен в законе Москов-

ской области 1996 года [11] и подтвержден в 2008 году. Сейчас в России 27 регионов, в которых можно жениться с 14–15 лет, последней в их число в текущем году вошла Архангельская область.

Показательно, что первыми подобные законы приняли области Центральной России, в которых это вовсе не продиктовано национальными традициями. Для примера, в Кабардино-Балкарской республике только в 1998 году был принят закон, в котором нижний порог брачного возраста составил 15 лет. А в Московской и еще в 5 областях уже в 1996 году установили возраст в 14 лет. Так, проблема ранних браков, причиной которых зачастую является беременность, оформилась в европейской части России. Это указывает на упомянутое выше различие темпов внутри одного государства. При этом связанное с этой ситуацией уменьшение возраста получения паспорта до 14 лет, было распространено по всей России. С помощью этих двух примеров видна постепенная синхронизация темпов в единое пространство.

Исходя из этого, можно говорить о том, что наблюдаются тенденции раннего взросления. Согласно результатам проведенного исследования, увеличивается, также, и ответственность несовершеннолетних (увеличение количества статей, за которые привлекаются к уголовной ответственности четырнадцатилетние, права несовершеннолетних работников на отпуск и нормированную трудовую неделю все более приравниваются к правам остальных). Времени, как ресурсу, придается большее значение (сокращается срок службы в армии, увеличивается количество праздничных дней в году и продолжительность отпусков). Социальные роли осваиваются все быстрее, но теоретическому образованию уделяется все больше времени (введение «одиннадцатилетки» в школе вместо 10 лет, 6-летнего обучения в вузах место 5 лет). В детской периодизации возрастов нижние границы юности постепенно сдвигаются к 13 годам. Насыщенность юношеского периода различными социальными ролями увеличивает и его верхние границы. Например, в современном учебнике по обществознанию Л. Н. Боголюбова юность про-

должается до 29 лет [52].

Благодаря перечисленным тенденциям общество становится ориентированным на ценности молодежной культуры. Во главу угла ставится активная жизненная позиция, демократизация ценностей (не навязывается единая идеология), открытость к изменениям и преобразованиям. Но, с учетом культурных особенностей нации, а также разрозненности темпомиров, преобразования зачастую затягиваются, а с течением времени приобретают иные формы, иногда очень неудачные. Например, после закона 1984 года [23] о введении одиннадцатилетней школы, в 1989 году были убраны 3-ие классы, а добавлены 11-ые. Так, формально ученики заканчивали 11 классов, но учились 10 лет. Только набор 2000 года отучился полные 11 лет, а значит, система 11-летнего образования заработала только в 2003 году (когда набор пошел в 4 класс),

В российской культуре сложился негативный образ старости в связи с тем, что в этот период жизни утрачивается большая часть социальных ролей [61]. При этом давно утеряно уважение к старшим, присущее традиционной культуре, а высокий уровень жизни старшего поколения, обычно присущий модернизированному обществу, не достигнут. Анализ других категорий данного исследования показал, что на первом плане стоят ценности молодежной культуры. Зачастую, такая ориентация культуры сопряжена с социальной политикой активизации старшего поколения [29].

График №3 с помощью синей и зеленой линий демонстрирует, как будет работать политика 2015 года относительно повышения пенсионного возраста, если она будет одобрена в 2016 году. Со следующего года начнется постепенное увеличение возраста выхода на пенсию по 6 месяцев в год и остановится по достижению 63-ех. Две нижние линии графика демонстрируют подобную политику 2009 года, направленную на увеличение необходимого трудового стажа для получения пенсии по старости.

Упомянутая выше политика активизации старшего поколения делает возможным людям старшего возраста реализовывать

большое количество социальных ролей, носящих активный характер: путешествовать, вступать в брак, приобретать новые профессии. Увеличение пенсионного возраста может быть одним из признаков ориентации на данную политику. Но этот шаг не может быть успешным без увеличения продолжительности и уровня жизни. Так, увеличение пенсионного возраста, призванное уменьшить долю пассивного населения по отношению к активному, представляется недейственным. Уменьшится число пенсионеров, так как ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляет 58,8 лет [58]. Но увеличится число неактивных людей зрелого возраста с низким уровнем жизни.

Таким образом, ориентация на ценности молодежной культуры, благодаря разрозненности темпомиров и замедленности воплощения в реальность законопроектов, иногда приводит к негативным последствиям для общества или изменению нравственных критериев. Но, в целом, динамика изменений «социальных часов» выявила процессы демократизации ценностей, увеличения ответственности несовершеннолетних, раннего взросления, быстрого освоения социальных ролей, усиление роли теоретического образования, увеличения ценности свободного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2014, N 15, ст. 1691.- Подробнее на Referatwork.ru: http://referatwork.ru/spisok_literaturi/oformlenie_spiska_literaturi_gost_7-1-2003_7-0-5-2008_2014.html
- «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 01.07.2014) // «Собрание законодательства РФ», 13.01.1997, №2.
- Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N

223-ФЗ (ред от 13.07.2015) [Электронный ресурс

– Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года N 197-ФЗ (ред. от 02.05.2015 N 122-ФЗ)

[Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=187053;div=LAW;rnd=180312.3425995639991>

– Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года N 63-ФЗ (с изм., внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 N 22-П [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс».

– Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 N 3266–1 (ред. от 12.11.2012) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/edu/>

– Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением срока военной службы по призыву». 6 июля 2006 года n 104-ФЗ (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21.04.2006) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ;frame=15;n=40273;req=doc>

– Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=43021;fld=134;dst=100008;rnd=177853.62700>

– Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22 ноября 1995 г. №171-ФЗ [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=181971;req=doc>

– Федеральный закон о страховых пенсиях 28 декабря 2013 года N 400-ФЗ Список изменяющих документов (в ред.

Федерального закона от 29.06.2015 N 173-ФЗ)
[http://base.consultant.ru/cons/CGI/
online.cgi?base=LAW;n=181962;req=doc](http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?base=LAW;n=181962;req=doc)

– Закон Московской области от 30.04.2008 N 61/2008-ОЗ (ред. от 15.07.2015) «О порядке и условиях вступления в брак на территории Московской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» (принят постановлением Мособлдумы от 24.04.2008 N 9/41-П) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа:
[http://base.consultant.ru/cons/cgi/
online.cgi?base=MOB;n=212629;req=doc](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=MOB;n=212629;req=doc)

– Проект Основных направлений бюджетной политики на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов [Электронный ресурс] / Официальный сайт министерства финансов России. – Режим доступа: [http://minfin.ru/ru/
document/?id_4=64713&area_id=4&page_id=2104&popup=Y#ixzz3r](http://minfin.ru/ru/document/?id_4=64713&area_id=4&page_id=2104&popup=Y#ixzz3r)

– «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 года N 5487–1 (ред. от 10.01.2003 N 15-ФЗ) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа:
[http://base.consultant.ru/cons/cgi/
online.cgi?base=LAW;n=122942;req=doc](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=122942;req=doc)

– Закон «О государственных пенсиях в Российской Федерации» от 20 ноября 1990 года N 340–1 (в ред. Федерального закона от 14.01.1997 N 19-ФЗ) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа:
[http://base.consultant.ru/cons/cgi/
online.cgi?base=LAW;n=34222;req=doc](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=34222;req=doc)

– Закон СССР «О государственных пенсиях» от 14.07.1956 с изм. и доп., внесенными Законом СССР от 06.07.1978 – Ведомости ВС СССР, 1978, N 28, ст. 445;

– Закон СССР «Об утверждении законодательства союза ССР и союзных республик о труде» (вместе с основами законодательства) от 15 июля 1970 г. [Электронный ресурс] / Законы и право. – Режим доступа: <http://www.zaki.ru/>

pagesnew.php?id=1716

– Закон РСФСР «Об утверждении Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») от 27.09.1960 г. [Электронный ресурс] / Законы и право. – Режим доступа: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1915>

– Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 12.10.1967 N 1950-VII (ред. от 10.04.1989) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=1529;req=doc>

– Закон СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» от 15.05.1990 [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=393;req=doc>

– Закон СССР «О пенсиях и пособиях членам колхозов» от 15.07.1964 N 2688-VI (ред. от 03.12.1987) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=364;req=doc>

– Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 17 декабря 2001 года N 173-ФЗ [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/pensia/>

– Постановление «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» от 07.05.1985 N 410 (ред. от 24.07.1990) [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=1602;req=doc>

– Постановление ВС СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» от 12.04.1984 N 13-XI [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/>

[online.cgi?base=ESU;frame=31;n=636;req=doc](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;frame=31;n=636;req=doc)

– Постановление Госкомтруда СССР, секретариата ВЦСПС «Об утверждении положения о порядке подтверждения трудового стажа для назначения пенсий» от 12.09.1990 n 369/16–52 [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=6703;req=doc>

– Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС «О сроках завершения перевода на семи- и шестичасовой рабочий день и упорядочения заработной платы рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства СССР» от 19.09.1959 N 1120 [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?base=ESU;frame=1;n=281;req=doc>

– Примерный Устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный Советом народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) 17 февраля 1935 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т.2. (1929–1940). М., 1967. С.524.

– Законопроект федерального закона n 251141–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=104571>

– Glossary on ART Terminology / F. Zegers-Hochschild, G. D. Adamson, J. de Mouzon, O. Ishihara, R. Mansour, K. Nygren, E. Sullivan, S. van der Poel // Fertility and Sterility.- №5 (92), 2009. – 11 с.

– Амбарова П. А. Культурная вариативность «социальных часов». Начало жизненного пути//Изв. Урал гос ун-та Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. №2. С. 220–229.

– Амбарова П. А. Темпоральные концепции как теоретико-методологическое основание межкультурных исследований / П. А. Амбарова // Известия Уральского государственного уни-

верситета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – №4 (95). – С. 232–238.

– В Москве прошла пресс-конференция «Аборты – это акт саморазрушения и личности, и общества» [Электронный ресурс] /Слово для тебя. – Режим доступа: <http://www.word4you.ru/news/29447/>

– Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, №38.

– Демография [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

– Димони, Т. М. Социальное обеспечение колхозников Европейского Севера России во второй половине XX века /Т. М. Димони // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории.- №3. – Вологда: «Легия». – 2002.

– Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Изд. 3-е. М., 1970, с. 175–182

– Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Изд. 3-е. М» 1970, с. 185–188.

– Дружинина Ю. В. Субъективное социальное время как элемент управления организационной культурой: автореф. дис. канд. социол. наук. Новосибирск, 2010.

– Зарубин А. Г. Социальное время и особенности его свойств в периоды общественно-политических кризисов [Электронный ресурс] / Институт исследования природы времени. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/zarubin_social_vremya.ht

– Князева Е. Н., Курдюмов С. П. «Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры». СПб.: Алетейя, 2002.

– Кодексы [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании КонсультантПлюс. – Режим доступа:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/>

[online.cgi?req=card;page=inf0;rnd=180312.29615286039188504;](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card;page=inf0;rnd=180312.29615286039188504;)

– Кравченко А. И. Обществознание: учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений / А. И. Кравченко, Е. А. Певцова. – 14-е изд.- М.: ООО «Русское слово -учебник», 2012, – 224 с.: ил.

– Лукша, П. О. Конструирование времени и возможные механизмы пророчествования и гадания / П. О. Лукша // Синергетика времени. М., 2007. С. 141–150.

– Лукша, П. О. Роль памяти в субъективном времени сложных систем / П. О. Лукша // Синергетика времени. – М.: Репроникс, 2007. – С. 151–170.

– Методика преподавания обществознания в школе: Учеб. для студ. пед. высш. учеб. заведений / Л. Н. Боголюбов. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2002. – 304 с.

– Морозова, С. А. Основные тенденции правового обучения и воспитания школьников в советское время / С. А. Морозова // История и обществознание в школе. – 2000. №3.

– Народное образование [Электронный ресурс] / Большая Советская энциклопедия, Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article105600.html>

– Народное образование в СССР. 1917– 1967, под ред. М. А. Прокофьева [и др.], М., 1967.

– Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / Сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – С. 69–133.

– Нестик, Т. А. Социальное конструирование времени / Т. А. Нестик // Социологические исследования. – 2003. – №8. – С. 12–19.

– О состоянии и мерах по дальнейшему совершенствованию народного образования в СССР: материалы шестой сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва: 17–19 июля 1973 г.- М.: Политиздат, 1973, – 86 с.

– Общеобразовательная школа [Электронный ресурс] /

Большая Советская энциклопедия, Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article083341.html>

– Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень/ [Л. Н. Боголюбов, Н. И. Городецкая, Л. Ф. Иванова и др.]; под ред. Л. Н. Боголюбова [и др.]. – М.: Просвещение, 2014. – 335 с.

– Обществознание: Учебник для 7 класса/ Кравченко А. И. – 5-е изд. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. – 176 с.

– Октябрята, пионеры [Электронный ресурс] / Внутрешкольная детская организация Русичи; Режим доступа: <http://rusichi.74320s13.edusite.ru/p34aa1.html>

– Педагогика: Учеб. для студ. пед. высш. учеб. заведений / Ю. К. Бабанский. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., Просвещение, 1988. – 479 с. <http://www.detskiysad.ru/ped/ped222.html>

– Петров, Г. И. Основы советского законодательства о народном образовании / Г. И. Петров // Правоведение. -1973. – №5. – С. 7–17 <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1134869>

– Прокофьев М. А., Советская общеобразовательная школа на современном этапе, М., 1975;

– Росстат: продолжительность жизни мужчин в РФ самый низкий по Европе [Электронный ресурс] / Риа Новости. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20050815/41155455.html>

– Средняя продолжительность жизни в России и странах мира в 2014 году [Электронный ресурс] / Деловая жизнь.- Режим доступа: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html>

– Универсальные поурочные разработки по обществознанию. 6 класс./ Поздеев А. В., Биянов Е. Б. – М.: ВАКО, 2013. – 320 с.

– Феофанов к. А. Старость в современном обществе: Руководство по геронтологии // Психология старости и старения. с. 29–35.

– Фурин, С. А. Старшие пионеры/ С. А. Фурин // Пионер. – 1982. – №12. – С. 20.

– Человек и общество. Обществознание. Учеб. для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2. 11 кл./ [Л. Н. Боголюбов, А. Ю. Лазебникова, Л. Ф. Иванова и др.]; под ред. Л. Н. Боголюбова, А. Ю. Лазебниковой. – 5 изд. – М.: Просвещение, 2006. – 281 с.

– Чернега, К. А. Некоторые правовые аспекты искусственно-го прерывания беременности. аборта. /К. А. Чернега // Гражданин и право. -2002. – №9/10.

ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

ECOLOGICAL AND LEGAL PROBLEMS RELATED TO MIGRATION PROCESSES

ZOBNIN, V. S., T. G. SPIGLAZOVA

ABSTRACT

The paper discusses some issues of environmental law related to migration processes. The author illustrates the interdependence of these phenomena. Special attention is given to problems of implementation of environmental rights by migrants and migration as a factor contributing to environmental problems.

Keywords: migration, environmental problems, environmental and legal issues.

На первый взгляд может показаться, что между данного рода явления: экология и миграция – никак между собой не связаны. Однако при более подробном рассмотрении обнаруживается прямая взаимосвязь. В рамках миграционных процессов происходит «перемещение людей на достаточно большое расстояние и на достаточно продолжительный срок» [9; с. 543]. Возникновение же экологических проблем напрямую связана с антропогенной нагрузкой: в особенности это видно на примере крупных городов [12; с. 4, 11]. Таким образом, миграционные процессы,

приводя к изменению плотности населения, влияют на экологию.

В свою очередь экология может служить фактором усиливающим миграцию. Многие меняют свое место жительства или пребывания в силу неэкономические факторы миграции [9; с. 544]. К примеру, больным при некоторых заболеваниях рекомендованы определенные условия окружающей среды [16].

Вышесказанное имеет отношение, в первую очередь, к внеправовому аспекту. Эколого-правовой характер данная проблема приобретает в рамках финансово-правовых отношений. Рост антропогенной нагрузки является одним из факторов возникновения экологических проблем, а, следовательно, его игнорирование при оценке может привести к реальной нехватке средств для компенсационных мер. Хотя Конституционный Суд и указал на особую «компенсационную» природу [7], платежи в рамках экологического права носят нецелевой характер [11; с. 39]. Величина сумм, идущих на восстановительные экологические мероприятия, не ставится в прямую зависимость от степени ущерба: их размер определяется при составлении бюджета на основании оценки вреда. Степень антропологической нагрузки непосредственно не определяет размер выплат. Нелегальная миграция же сильно осложняет положение: реальный учет нагрузки становится, в принципе, невозможен. Отсюда усиление существующей диспропорции вреда [11; с. 39] окружающей среде и величины бюджетных средств, выделяемых на его компенсацию. Таким образом, органы миграционного учета и экологического контроля должны совместно участвовать при определении размеров финансирования компенсационных мероприятий.

Осуществление экологических прав при миграции также усложняется. Скажем, право на благоприятную окружающую среду, закреплённое в ст. 42 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), распространяется не только на граждан РФ, но и иностранных граждан и лиц без гражданства. Гарантией этого права выступает возможность получить достоверную информацию о состоянии окружающей среды, обратившись в орган государственной власти (ст. 2 ФЗ «О порядке рассмотре-

ния обращений граждан Российской Федерации»).

ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» в ст. 3 указывает, что в деятельности государственных органов используется русский язык (как государственный). Безусловно, иностранные граждане и лица без гражданства имеют право пользоваться своим родным языком (ч. 2 ст. 26 Конституции РФ), Но не в рамках обращений в государственные органы: иначе работа государственных органов и их координация между собой станет невозможной. Взятие государством подобного обязательства приведет к невозможности его исполнения: каждый государственный и муниципальный орган в функциональном смысле будет должен иметь лиц, способных перевести надлежащим образом и дать ответ на обращение.

По сути, аналогичного рода проблема возникает по поводу правовой помощи. Во-первых, не обладающее языковыми знаниями лицо зачастую не может знать о наличии или отсутствии тех или иных экологических прав. Во-вторых, даже зная о них, не может самостоятельно защитить их. Для решения этой проблемы можно предложить представлять иностранным представителям информацию об экологическом состоянии, дабы они доводили ее до сведения въезжающих в РФ иностранных граждан, поскольку именно на них возложена обязанность по защите прав граждан представляемого государства (ст. 3 Венской Конвенции «О дипломатических сношениях», ст. 5 Венской Конвенции «О консульских сношениях»). Однако это также не является абсолютным решением: 1) эта мера действительна только для иностранных граждан, а не для лиц без гражданства; 2) иностранные представительства есть далеко от каждой страны и не в каждом городе. В Красноярске, к примеру, есть только Отделение Посольства Белоруссии [15] и Почетное Консульство Словакии [14].

Проблематично также обеспечение исполнения эколого-правовых обязанностей иностранными гражданами и лицами без гражданства, в том числе и обязанности по охране природы и окружающей среды (ст. 58 Конституции РФ). Естественно, их

неисполнение нарушает экологические права и интересы других лиц, что противоречит ч. 2 ст. 36 Конституции РФ. Наряду с выше-рассмотренным языковым барьером можно выделить еще несколько причин подобного рода нарушений:

Во-первых, диспропорция эколого-правовой и экологиче-ских культур у мигрантов и коренных жителей. Проблемы воз-никают, если у приезжих этот уровень ниже общепринятого в данной местности. Это можно проиллюстрировать на примере усилившегося потока беженцев в Европу [13].

Во-вторых, отсутствие мотивации. Как верно отмечено в ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, природные ресурсы, а значит и окружа-ющая среда, являются «основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Однако значи-тельная часть мигрантов не отождествляет место своего пребы-вания со своим домом, а значит, не воспринимает окружаю-щую среду как основу жизнедеятельности своего народа. Отсюда и неуважительное отношение к ней.

В-третьих, проблемы с учетом мигрантов [10; с. 126–127] и усиление миграции усложняет контроль за этим процессом и порождает почву для роста нелегальной миграции. В связи с нелегальной миграцией усиливается теневой сектор экономи-ки, нелегальный рынок труда и услуг [10; с. 127–128]. Соот-ветственно увеличивается размер неуплаченных экологических платежей, которые направлены, как отметил Минусинский рай-онный суд, на обеспечение экологических прав граждан (ст. 42 Конституции РФ, ч. 1 ст. 11 ФЗ «Об охране окружающей сре-ды») [8].

Таким образом, экологические и эколого-правовые пробле-мы и миграционные процессы крайне взаимосвязаны. Во многом именно миграция порождает и усугубляет уже существующие экологические и эколого-правовые проблемы. По нашему мне-нию, для их разрешения необходим целый комплекс мер в рамках сотрудничества органов экологического контроля и миграционного учета.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

– Конституции Российской Федерации // Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 12.11.2015).

– Федеральный Закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 (дата обращения: 12.11.2015).

– Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749 (дата обращения: 12.11.2015).

– Федеральный закон от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999 (дата обращения: 12.11.2015).

Международные договоры

– Венская конвенция о дипломатических сношениях // Организация объединенных нации [Электронный ресурс]: сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 12.11.2015).

– Венская Конвенция о консульских сношениях // University of Minnesota [Электронный ресурс]: сайт. URL: <https://www1.umn.edu/humanrts/russian/instreet/Rconsularrelations.html> (дата обращения: 12.11.2015).

Судебные акты

– Определение Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 №284-О // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40086/6023fcdfd028ad292e43d4d1542b78f7e276cd81 (дата обращения: 14.10.2015).

– Решение Минусинского районного суда от 21.05.2015 по делу №2–2085/2015 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/КККНм3ууХUJ4> (дата обращения: 12.10.2015).

Научная литература

– Колосницына М. Г., Суворова И. К. Международная трудовая миграция: основы и политика регулирования // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – №5. – С. 543–564.

– Мануилова В. В., Чепурко Г. В. Меры по сокращению негативных последствий нелегальной миграции // KANT. – 2013. – №3. – С. 126–128.

– Рыженков А. Я. Принцип платности природопользования в праве // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – №2. – С. 37–42.

Учебная литература

– Хомич В. А. Экология городской среды: учебное пособие. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2002. – 267 с.

Сайты

– Главной мировой темой вновь был поток беженцев в Европу // Первый канал [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/292120> (дата обращения: 09.11.2015).

– Информация по представительствам Словацкой Республики в странах СНГ // Группа компаний SlovakiaInvest [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://slovakiainvest.ru/NewsMore.aspx?id=2&newsid=95> (дата обращения: 09.11.2015).

– Отделение Посольства Беларуси в России в городе Красноярск // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://www.embassybel.ru/departments/krasnoyarsk> (дата обращения: 09.11.2015).

– Экологические аспекты детской заболеваемости // ООО «МЕТРОЛОГ» [Электронный ресурс]: сайт. URL: http://metrolog-spb.ru/wp-content/uploads/otsenka_prirodnih_i_antropogennyh_faktorov.pdf (дата обращения: 09.11.2015).

КОРЕЙЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА

SAVRASENKO, N. S., KISTOVA A.V

KOREANS IN MODERN RUSSIA: THE ROLE OF ETHNIC MINORITIES

ABSTRACT

These studies cover different stages of the life of Koreans in Russia, but almost no General conclusions about the role of the Korean ethnic minority in the history of their resettlement on the territory of the Russian state. Based on this formulated problem: what is the position of the Russian Koreans as an ethnic minority in today's Russia? What is their role in our country?

В 2014 году отмечалось 150 лет добровольного переселения корейцев в Россию. Поначалу они проживали только на Дальнем Востоке, однако в силу обстоятельств были вынуждены переселяться и в другие регионы (в России и на территории стран СНГ). С 1 января 2014 года вступил в силу безвизовый режим (до 60 дней) между Россией и Южной Кореей. Уже ведутся переговоры о введении безвизового режима между Россией и Северной Кореей.

Все эти события заставляют задуматься, как живет корейцам в нашей стране уже такое долгое время, и почему, по истечении времени, после распада СССР мало кто хочет вернуться

на историческую родину?

В Южной Корее изучение проблем этнических корейцев в России ведётся с 1990 г., главным образом оно фокусируется на истории переселения, быте и культуре, языковой ситуации, этнической самоидентификации и т. д. Это стало возможным благодаря установлению дипломатических отношений между Россией и Южной Кореей и активизации академических обменов; корейцы в России продолжали считаться частью корейской нации и для Южной Кореи. Большая часть этих исследований проводилась с позиции: «этнические корейцы как часть корейской нации». Объективные исследования невозможны без рассмотрения вопросов ассимиляции корейцев и взаимодействия с местным населением, особенностей поведения и положения в новом обществе. Подобного рода исследования уже проводились и были достигнуты определенные результаты. Однако данный вопрос требует дальнейшей работы.

Так, в своем исследовании, Чой Ву Ик, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Южная Корея), в отличие от некоторых своих соотечественников, рассматривает изменения и их особенности, произошедшие в жизни российских корейцев в современных условиях рыночной экономики. Профессор отмечает роль корейцев в современной России, основываясь на том, что в настоящее время уровень образования корейцев повысился, многие из них больше заняты в интеллектуальных сферах¹.

Профессора Дальневосточного государственного университета Мизь Н. Г. и Бреславец А. А. в своей книге осветили процессы иммиграции корейцев на Дальний Восток России с 1860 по 1917 годы, в которой опираются на анализ статистических данных и редких исторических документов. Исследователи

¹ Чой Ву Ик. Социально-экономические изменения в жизни российских корейцев в условиях рыночной экономики// Социологические исследования. — 2015. — №4. — С. 29–34.

определяют периоды иммиграционных потоков, дают характеристику каждому из них, обозначают особенности образа жизни в российском Приморье, хозяйственного уклада, сельскохозяйственной и предпринимательской деятельности, участия в военных действиях, взаимоотношений с русским населением¹. Бугай Н. Ф. исследовал этапы переселения корейцев советского периода. Им были рассмотрены теоретические аспекты проблемы иммиграции и эмиграции корейцев, дискуссионные вопросы, дана периодизация этапов проживания советских корейцев в условиях СССР и России².

Толстых И. Н., доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса рассмотрела проблему сохранения и развития самобытности российских корейцев на примере корейцев, поселившихся в Приморском крае³. Профессор из московского Национального исследовательского института Высшей школы экономики Сон Ж. Г. в своем исследовании изучила эволюцию менталитета русскоязычных корейцев, проживших на территории России 150 лет, выделила их национальные особенности, а также приобретенные русские культурные черты⁴.

¹ Мизь, Н.Г., Бреславец, А. А. Корея – российское Приморье: путь к взаимопониманию: монография / Мизь, Н.Г., Бреславец, А.А. – Владивосток, 2009. – 204 с.

² Бугай Н. Ф. Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых – с.35- 54 // Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах. Сборник статей / отв. ред. Р. К. Тангалычева, В. В. Козловский – СПб, 2015. – 420 с.

³ Толстых И. Н. Корейская диаспора в Приморском крае как социальное явление // «Интеллектуальный потенциал Вузов – на развитие дальневосточного региона России». Сборник материалов международной научно-практической конференции – Владивосток, 2008. – Часть 2. – С. 334–338.

⁴ Сон Ж. Г. «Формирование нового менталитета русскоязычных корейцев (1990–2014) // «Русскоязычные корейцы стран СНГ: общественно-политический синтез за 150 лет. Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 19 апреля 2014 года). – Новосибирск, 2014. – С. 43–53.

Данные исследования освещают разные этапы жизни корейцев в России, но практически нет обобщающих выводов о роли и месте корейского этнического меньшинства за всю историю их переселения на территорию российского государства. Исходя из этого была сформулирована проблема: какое место занимают российские корейцы как этническое меньшинство в современной России? Какова их роль в условиях нашей страны?

В данном исследовании речь пойдет об этнических корейцах, живущих в Приморье, так как территория Приморского края более заселена корейским этносом, чем любая другая территория РФ.

Объектом исследования являются этнические корейцы, проживающие на территории России, в частности, в Приморском крае.

Предметом исследования является роль корейцев как этнического меньшинства в современной России.

Цель исследования – определить место и роль корейцев как этнического меньшинства в современной России.

Обратимся к истории и особенностям иммиграции корейцев на территорию России, в частности, Приморья.

Первый этап (1864 – 1884 гг.)

Началом истории корейской иммиграции на территорию российского государства считается первая половина 60-х гг. XIX в. После включения в состав российских владений Приамурья (Айгунский договор 1858 г.) и Приморья (Пекинский трактат 1860 г.) появились общие границы России и Кореи. Около 1864 года на эти новые российские земли начали заселяться первые корейские семьи, образовавшие корейский поселок. На этом этапе переселение осуществлялось многодетными крестьянскими семьями, которые представляли доведенное до отчаяния беднейшее население. Корейское и китайское правительства препятствовали массовому переселению корейцев, но русское правительство в целом было благосклонно к иммигрантам. При недостатке трудовых ресурсов на необжитых территориях создавались условия для широкого привлечения иностранной рабочей

силы, поэтому численность корейцев на Дальнем Востоке росла.

Второй этап (1884–1904 гг.)

Следующий этап характеризовался переходом русской власти к конкретным программным действиям по наведению порядка в ситуации активного присутствия азиатского населения, в частности, корейского. Издавались законы, запрещающие иностранцам селиться в приграничных местностях (1886 г.) и приобретать землю в пределах Амурской и Приморской областей (1892 г.). В конце XIX века появляются первые корейские общественные организации. Они помогали своим членам в правовом, экономическом и культурном плане, а также способствовали светскому и религиозному образованию. Среди иммигрантов из Кореи в этот период преобладают сезонные рабочие, большинство из которых оставалось на постоянное жительство в России. Все больше корейцев работало в различных отраслях промышленного производства: на строительстве железных дорог, в рыбной промышленности, на приисках, заводах и фабриках¹.

К началу XX века всем корейцам, иммигрировавшим в Россию, было разрешено принять русское подданство. Корейцев отнесли к государственным крестьянам, привлекли к налогам и предоставили им земли по 50 десятин на семью, при этом дальнейшее переселение корейцев в Россию все же было нежелательным.

Корейцы, тем самым, стали важной частью населения России и в политическом плане. Но для максимальной включенности корейцев в дела государства, необходимы были реформы просвещения. Особенно важную роль сыграла пропаганда через православную церковь.

Третий этап (1905–1955 гг.)

После установления японского колониального режима

¹ Переславцев Н. И. К 150-й годовщине начала переселения корейцев в Приморский край // Служу Отечеству – 2014. – №11.

в Корею в 1905 году эмиграция корейцев приобрела более массовый характер. Люди бежали по причине резкого ухудшения материальных условий, а также из-за политических соображений. В их числе были противники японских колонизаторов, участники национально-освободительной борьбы. Главным центром проживания корейцев был Дальний Восток. В 1905–1917 гг. численность корейского населения в этой области продолжала расти, превысив к концу этого этапа, по некоторым сведениям, цифры в 100 тыс. человек¹. Корейцы с начала гражданской войны поддерживали красную армию, которая выражала активную антияпонскую позицию, многие вступали в ее ряды. Советская власть всячески способствовала советизации корейских иммигрантов. Благодаря этому повысился уровень образования у корейского населения, развивалась национальная культура.

С августа 1937 г. военнотрудовых корейцев стали увольнять из Красной армии. В этом же году вышел указ «О депортации всех неблагонадежных народов». Корейцы были первыми, кого принудительно переселили с территории России в Среднюю Азию. Причиной такой политики были подозрения советской власти в том, что корейцы могут пособничать японским шпионам.

Четвертый этап (1955-1990-е гг.)

Со второй половины 50-х к корейцам вернулась свобода передвижения за пределы республик проживания. Корейцы начали переселяться обратно в Россию. Уже после распада СССР, вследствие ухудшения экономических условий в странах Центральной Азии, а также из-за преимущественного использования только национальных языков, большая часть этнических корейцев, для которых русский язык стал родным, переехали в Россию.

Переселявшиеся в начале 1990-х гг. в Россию корейцы выбирали местом своего жительства регионы, где они проживали изначально, главным образом – Приморский край. В этот регион

¹ Ларин Л. А. Указ. соч. – С. 66 // Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток, 1997. – С. 249.

мигрировали около 16 тыс. человек. Важным событием в этой связи стало в 1993 г. решение Верховного Совета России «О реабилитации российских корейцев», согласно которому корейцы получили право вернуться в те места, где проживали до переселения в 1937 г., также им оказывалась финансовая поддержка на восстановление экономики регионов и возрождение национальной культуры. Новое правительство выработало новую концепцию, получившую название «национально-культурная автономия». Стало возможным разрешение многих проблем, связанных с поддержанием культуры, языка, традиций и этнических особенностей. В настоящее время, благодаря этой концепции российские корейцы могут официально создавать различные организации и институты, поддерживающие их культурную и экономическую деятельность.

Таким образом, отчасти благодаря политике российского государства, несмотря на ее двойственность и противоречивость в отношении корейского этноса, корейцам удалось почти полностью ассимилироваться в России.

Рассмотрим динамику численности и миграции российских корейцев.

По данным сведений Приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера численность корейских мигрантов в Приморской области по сравнению с 1906 годом, в котором насчитывалось 34399 человек, в 1910 году повысилась до 50965 человек¹.

Таблица 1. Рост численности корейцев в Приморской области в 1906–1910 гг.

Согласно переписи 1959 года численность корейцев в СССР составляла 313735 человек, в том числе в РСФСР – 91445 человек, в Казахской ССР снизилась до 74019 человек, в Узбекской ССР – 138453 человек². Данные сведения указывают на то, что

¹ П. Ф. Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. Спб., 1912. Приложение 1, с.3.

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА
ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX-XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И

Год	Русско-подданные	Иностранно-подданные	Всего
1906	16 965	17 434	34 399
1907	16 007	29 907	45 914
1908	16 190	29 307	45 497
1909	14 799	36 755	51 554
1910	17 080	33 885	50 965

в послевоенный период депортированные в другие республики СССР корейцы начали возвращаться назад, откуда были депортированы.

По данным переписи 2002 года численность корейцев в Российской Федерации составляла 148556 человек, в частности, в Дальневосточном округе – 61946, из этого числа в Приморском крае проживало около 17,9 тыс. человек¹.

Согласно Всероссийской переписи населения в 2010 году общая численность корейцев в Российской Федерации составляла уже 153156 человек, в Приморском крае проживало около 16,3 тыс. человек.

По данным переписи 2010 года оказалось, что из 153156 человек, указавших владение языками, корейским языком владели 42384, при этом родным языком считали русский язык². На основании этого можно сделать вывод, что более 70% корейцев, проживающих на российской территории в наше время, утратили свой родной язык.

Национальный состав корейцев в стране с каждым годом

² Всесоюзная перепись населения 1959 года [электронный ресурс]: Национальный состав населения по республикам СССР// – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>

¹ Всероссийская перепись населения 2002 года [электронный ресурс]: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации// – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>

² Всероссийская перепись населения 2010 года [электронный ресурс]: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации// – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

увеличивается. В Приморском крае, наоборот, происходит отток корейцев в связи с увеличивающейся мобильностью современного общества.

Если обратиться к особенностям национального характера корейцев, становится ясно, что ассимиляция произошла не только благодаря государственной политике России. Переселившись на новую территорию, корейцы старались адаптироваться к новым условиям. Стремясь к ассимиляции с местным населением, корейцы принимали их культуру и язык, поэтому уровень владения корейским среди современных российских корейцев крайне низок. Но, несмотря на это, в семьях до определенной степени продолжают следовать корейским традициям.

С самого начала переселения на территорию России корейцы показали свою верность новой родине. Например, во времена Царской России, когда российские корейцы в Приморье выступили с инициативой отпраздновать 50-летие проживания в России, но после получения официального разрешения со стороны генерал-губернатора Приамурья Н. Гондатти, из-за начала Первой мировой войны празднование решили отменить¹.

Учитель в корейском обществе считался очень уважаемым человеком, так как зачастую только он владел русским языком, что помогало решать серьезные вопросы. Во время депортации многих корейских учителей, студентов, ученых, инженеров, врачей, деятелей искусства, несогласных с политикой государства, арестовывали за антисоветскую агитацию. В результате уничтожения интеллектуальной основы стала исчезать национальная культура корейцев вместе с их родным языком.

История русских корейцев доказывает, что вся их деятельность направлена на реализацию таких стратегий как «путь вверх», т.е. повышение своего социального статуса через получение образования, и освоения определенной экономической

¹ Юн Санвон. Однажды сто лет назад // Российские корейцы. – 2014 – №151. – С. 22–23.

ниши. Во многом это связано с учением Конфуция, распространенным в корейском обществе. Благодаря трудолюбию и стремлению получить экономическую стабильность, корейцы смогли добиться успехов в работе в колхозах, в промышленном производстве.

За 150 лет проживания корейцев в России современное поколение, живущих здесь, фактически впитало черты русского менталитета и утратило корейский язык. Родным для них стал русский, что является редкостью для народов, проживающих в России. В 1990-х годах, когда открылись двери для бывших граждан СССР, многие из народов, таких как немцы, евреи, имеющие историческую родину за пределами России, покинули Российскую Федерацию. Третья по численности этническая группа — корейцы, из которых уехали единицы. Причиной отказа вернуться на историческую родину оказалась не совместимость менталитетов: в Корее современный менталитет совсем другой, непривычный для русскоязычных корейцев, впитавших в себя черты русской культуры.

Основой корейского характера является трудолюбие, деловая активность, доброжелательность, стремление к компромиссу, что помогает корейцам налаживать взаимоотношения с другими народами и государством.

Проанализировав выше представленную информацию можно прийти к выводу, что корейцы играют важную роль в установлении межэтнических отношений между народами нашего многонационального государства. Важно заметить, что ассимилировавшись с российским населением, корейцы стали «русскими», т.к. позабыли свой родной язык, при этом считая русский родным. Но, в то же время корейцы сохранили некоторые свои национальные традиции, тем самым оставаясь особенным, не похожим на другие, этническим меньшинством. Корейцы ощущают свое единство с русскими, так как вместе они пережили многое: Русско-японскую войну, Октябрьскую революцию, Гражданскую войну, Первую и Вторую мировые войны, не говоря уже о распаде СССР и установлении новой российской власти. В настоящее

время заметно возросла роль корейцев как посредников между правительствами российского и южнокорейского, а также северокорейского государств и этническими общностями, в них проживающими.

Корейская диаспора в Приморье, будучи репрезентантом всего корейского народа, живущего в России, является одной из самых активных групп многонационального населения края, осуществляет активные этнокультурные контакты. За всю историю своего проживания на этой территории корейцы участвовали во всех ее преобразованиях, тем самым повлияв на социально-экономическое и культурное развитие России.

**3 секция «Концептуальные
вопросы современной
миграционной политики»**

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ АБОРИГЕНОВ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ Г. КРАСНОЯРСКА

FILKO A.I., KOPTSEVA N.P.

ABSTRACT

In connection with the processes of globalization, problems of preservation of the unique cultural characteristics of indigenous peoples and of their interaction with the prevailing culture. As a result, the postmodern occurs postcoloniality discourse aimed at solving these problems. In the case of the Krasnoyarsk region, the main platform for the study of post-colonial practices can serve as a local history Museum, as the basis of preservation and actualization of cultural heritage of indigenous peoples are practices of azeezaly

В связи с процессами глобализации возникают проблемы сохранения уникальных культурных особенностей коренных малочисленных народов и взаимодействия их с довлеющей культурой. В результате в постмодерне возникает постколониальный дискурс, направленный на решение данных проблем. В случае Красноярска и Красноярского края, основной площадкой для изучения постколониальных практик может служить Краеведческий музей, поскольку основой сохранения и актуализации культурного наследия коренных малочисленных народов являются практики музеезации [4].

Постколониализм. Постколониальная теория возникла под влиянием идей Мишеля Фуко. Основателем данного направления считается Эдвард Саид. К основным её представителям так же относят Гаятри Спивак, Хоми К. Бхабха.

Под постколониальностью обычно понимается определенное пространство субъектных позиций, в которых и из которых разворачиваются разноаспектные рефлексивно-критические проекты и программы, принципиально отличные как от направленных на колонизацию, так и продуцируемых с позиций уже колонизированных [1]. Постколониализм стремится изучить национальную идентичность, принимая во внимание в первую очередь самосознание этносов, стараясь при этом исключить навязанные колонизацией образы. Акцент в здесь смещается на опыт бывших колонизированных обществ, культуру тех людей, которые традиционно были исключены из западных описаний мира. Запад же становится предметом анализа и деконструкции. Постколониальный нарратив – это диалог с западным постмодерном с позиции «Иного».

Изначально данные теории и методы активно использовались в анализе литературы тех стран, что ранее являлись колониями, обращая особое внимание в текстах на анализ образа колонизатора и процесса колонизации, как это видели аборигены [2,6]. Рядом с двумя привычными фигурантами – колонизатором и колонизированным – появляется еще один персонаж – постколониальный критик. В анализе культурных текстов постколониализм обращает внимание на то, что происходит в процессе столкновения двух культур, описывая, как представлены эти культуры в тексте, что они ценят, а что отвергают, похожи ли эти культуры между собой, а так же их развитие и изменение по ходу текста. Важно определить, какая из культур в данном тексте находится в позиции «иной» [6].

Постколониализм в музее. В рамках постколониального дискурса музей меняет свою роль. Если раньше музей являлся в большей степени местом хранения и выставления артефактов, хранящих в себе память, то теперь он становится пространством,

создающим нарратив, события, опыт, а так же новые воспоминания [7]. По сути, происходит преобразование этнографических музеев по двум направлениям: «музеи искусств», показывающие разнообразие и диалог культур смещая акцент на искусство, а так же создание новых произведений, способствующих этому, и «музеи общества» ставящие в центр внимания не коллекции, а публику (зрителя).

Музейное пространство, так же как и постколониальная литература, старается отобразить взгляд с позиции «иного». Культуры, подвергшиеся колонизации начинают говорить о себе и за себя. Происходит переосмысление практик инаковости.

Поскольку информация в музеях часто представлена именно в своей визуальной составляющей, можно воспринимать экспозиции как визуальный текст и анализировать с позиции их взаимодействия.

Экспозиции в Краеведческом музее г. Красноярска показывают артефакты быта и культуры жителей Красноярского края на протяжении всей истории человечества, от древности и до наших дней.

На цокольном этаже располагается экспозиция посвящённая коренным малочисленным народам края. Здесь представлены образы долган, якутов, хакасов, кетов, эвенков, ненцев и энцев, селькупов. Выставленные экспонаты дают общую характеристику данных народов, показывают основные промыслы и ремесла, устройство быта, декоративно-прикладное искусство, а так же дают представления о религиозных верованиях. В экспозиции музея присутствуют полноразмерные макеты жилищ, созданные с соблюдением особенностей конструкции и обычаев внутреннего убранства, фотографии, иллюстрирующие жизнь этносов, а так же манекены, антропологически характеризующие представителей того или иного народа [4]. Кроме отдельных описаний народов и их верований в музейном пространстве расположена экспозиция посвящённая шаманизму, обобщающая представления о мире и объединяющая все коренные народы в единый образ, путём представления общего обряда камлания

шаманов. Стоит отметить, что образы, представленные в экспозиции, показывают нам коренное население, уже встретившееся с пришедшими сюда русскими. Мы можем видеть в витринах наряду со стрелами и копьями ружья, как инструменты охоты, наблюдаем самовар в хакасской юрте, а так же газеты советских времён, разложенные в непосредственной близости к зрителю в реконструкции нартенного чума долган.

Важно отметить наличие в музее образовательной программы «Народы Приенисейского края в XVII – XX вв. Материальная и духовная культура», которая способствует актуализации культурного наследия коренных народов Красноярского края. Программа представляет собой цикл занятий, посвящённый одному или нескольким народам. Занятия являются экскурсиями с игровыми моментами и элементами обучения, в ходе которых участники знакомятся с разными аспектами культурного наследия индигенного населения Красноярского края – от традиционных способов хозяйствования до искусства и верований [4].

Включая во внимание тот факт, что постколониальный дискурс рассматривает музей как пространство, создающее нарратив, а так же обязательное рассмотрение двух и более взаимодействующих культур в рамках этого дискурса, для создания полного образа аборигенов следует рассмотреть не только саму экспозицию, но и пространство музея в целом.

Стоит сказать, что осмотр экспозиции музея традиционно начинается с цоколя, то есть непосредственно с интересующей нас экспозиции. Здесь нам даются не отстранённые образы коренного населения края, а их сопоставление с экспозицией посвященной древнейшим цивилизациям этих мест. Поднимаясь на первый этаж, мы встречаем корабль с русскими, что приплыли осваивать эти места. Мы сталкиваемся с первым образом колонизаторов данной местности. Поднимаясь выше, мы попадаем в экспозицию, рассказывающую о быте и культуре русских в Красноярском крае. Здесь так же, как и в экспозиции коренных народов, представлены основные промыслы и ремесла, устройство быта крестьян и дворян, искусство. В экспозиции наличие

ствуют антропоморфные представления русских в виде манекенов. Кроме того можно отметить отдельную экспозицию, посвящённую православию, по аналогии с экспозицией о шаманизме. Далее мы можем выйти на балкон центрального пространства, посвящённый советской эпохе, и взглянуть на экспозицию с кораблём уже с другого ракурса — сверху. Стоит заметить, что в советской экспозиции нет изображений людей через манекены.

Таким образом, происходит постколониальное выстраивание образа коренных народов Красноярского края. Нам показываются народы в своей уникальности и инаковости, а так же во взаимосвязи с древней историей этого места, через представление нам для сравнения и сопоставления элементов быта древнейших культур края. Аборигены здесь являются своими и находятся на своём месте. Кроме того, стоит отметить, что это не только уникальные образы каждого из народов, но и единое представление, созданное через шаманскую экспозицию. Так же, это народы уже имевшие взаимодействия с русскими и имеющие в быту предметы, относящие нас к западной культуре. Образ русских представляется как чуждый им. На первом этаже нам сразу же показывается позиция русских по отношению к местным, как пришедших. При этом мы не можем сопоставить себя с теми, кто осваивал Сибирь, поскольку обычно у нас нет возможности попасть на корабль и стать с ними в один ряд, из чего можно сделать вывод, что экспозиции музея показывают нам в данном случае взгляд на русских глазами местного населения, взгляд как на иных. Но в пространстве музея так же можно проследить не только разграничение, но и объединение образов. В устройстве экспозиций проводится параллель сопоставления быта и верований. Так же не идёт различия между народами в период советской эпохи, объединившей всех под единой идеологией и стёршей границы.

Этнокультурные образы аборигенов в Краеведческом музее г. Красноярска представляются нам в рамках постколониальной парадигмы. Коренные народы края являются уникальными

в своей собственной культуре и отношении к миру, а так же единичными между собой. Это народы, укоренённые в истории этого места и имеющие непосредственную связь с ней. Они противопоставляют себе русский народ как иной, но при этом несут на себе отпечаток культурного взаимодействия с ним и находят схожие точки соприкосновения в культуре и общей истории.

Список литературы

1. Бобков И. М. Постколониальные исследования [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов – Минск, 1998. – Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/6930/>

2. Кравинскан Ю. Ю. Постмодернистский дискурс как основа постколониализма: диалог двух течений [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB8QFjAAahUKEwiT1LLnbuv.gov.ua%2Fcgi-bin%2Ffirbis_nbuv%2Fcgiiirbis_64.exe%3FC21COM%3D2%26I21DBN%3DUJRN%37An97gleQ&sig2=jwtnD7yqpBYhScBQUtMghg&cad=rjt

3. Красноярский краевой краеведческий музей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kkkm.ru/>

4. Пименова Н. Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // NB: Культуры и искусства. – 2014. – №2. – С.28–66. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_11269.html

5. Kumar M. Postcolonial Theory and Crossculturalism: Collaborative «Signposts» of Discursive Practices // Journal of Educational Enquiry, 2000. – Vol. 1, No. 2. – P. 82–92.

6. Postcolonialism [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.pearsonhighered.com/assets/hip/us/hip_us_pearsonhighered/samplechapter/0205791697.pdf

7. The Postcolonial Museum. The Arts of Memory and the Pressures of History/ I. Chambers, A. De Angelis, C. Ianniciello, M. Orabona, M. Quadraro, eds. – Ashgate, 2014. – 274 p.

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

L. КОСНЕТКОВ, SHARYGIN M. D.

ABSTRACT

This paper analyses the socio-economic situation of ethnic minorities living in the UK, and the degree of their social mobility. The main source of statistical data is the population census of England and Wales conducted in 2001 and 2011, the Analysis covers the main ethnic minority groups: Indian, Pakistani, Bangladeshi, Chinese, Caribbean, African and mixed.

Великобритания является страной массовой иммиграции. Крупномасштабный приток иностранцев в это государство начался еще 70 лет назад и до 1980-х гг. был в основном представлен жителями бывших британских колоний. Поскольку такие иммигранты были склонны оседать в Великобритании и перевозить к себе свои семьи, в этой стране возникли отчетливые группы этнических меньшинств. Более того, высокая рождаемость в этих группах способствовала их быстрому росту. Если в 1951 г. этнические меньшинства составляли 0,4% от общей численности населения Великобритании [1], то к 2011 г. эта доля выросла до 13% (8,1 млн. чел.) [5].

В данной работе анализируется социально-экономическое положение этнических меньшинств, проживающих в Великобри-

тании, и степень их социальной мобильности. Основным источником статистических данных послужили переписи населения Англии и Уэльса, проведенные в 2001 и 2011 г. Анализ охватывает основные группы этнических меньшинств: индийскую, пакистанскую, бангладешскую, китайскую, карибскую, африканскую и смешанную.

Переписи населения 2001 и 2011 г. показали, что уровень экономической активности и занятости этнических меньшинств в целом ниже, чем у белых британцев. В 2011 г. самые высокие показатели экономической активности среди этнических меньшинств в возрасте от 16 до 64 лет наблюдались в индийской и карибской группе (76% и 78% соответственно), самые низкие – среди бангладешцев, пакистанцев и китайцев (59%, 58% и 57%) [5].

Различия в уровне экономической активности мужчин объясняются разной долей студентов в этнических группах, тогда как различия среди женщин связаны с разной долей домохозяйек [2]. Самое пассивное участие на рынке труда характерно для пакистанских и бангладешских женщин (40% и 39% соответственно), поскольку их социальная роль традиционно ограничивается ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. В 2011 г. среди пакистанских и бангладешских женщин в возрасте от 16 до 24 лет домохозяйками были 10%, что в два раза и более превышает соответствующий показатель в других этнических группах. Однако по сравнению с 2001 г. доля домохозяйек среди пакистанок и бангладешек этого возраста снизилась в два раза [5; 6].

По сравнению с 2001 г. уровень экономической активности вырос во всех этнических группах, кроме китайской. Наиболее заметные улучшения произошли среди пакистанцев и бангладешцев (плюс 8 и 11 процентных пунктов). У китайцев данный показатель снизился на 4 процентных пункта, что объясняется растущей долей студентов в этой группе. В 2011 г. наибольшая доля студентов в возрасте от 16 до 24 лет наблюдалась именно среди китайцев (87%) [5].

В 2011 г. среди этнических меньшинств самые высокие показатели занятости наблюдались в индийской и карибской группе (70% и 67% соответственно), самые низкие – у пакистанцев и бангладешцев (49% и 48% соответственно) (рис. 1). Уровень занятости мужского населения был выше, чем у женщин во всех группах этнических меньшинств, кроме карибской. Занятость карибских женщин была выше, чем у белых британок (70% против 69%). Подобная ситуация наблюдалась и в 2001 г.

Рис. 1. Уровень занятости населения Англии и Уэльса в возрасте от 16 до 64 лет в 2011 г. (%)

Составлен по: [5].

Этнические меньшинства имеют более высокие показатели экономической активности и занятости, если они являются уроженцами Великобритании. Это объясняется более высоким уровнем английского языка и профессиональной подготовки иммигрантов второго поколения, а также лучшим знанием конъюнктуры британского рынка труда. Второе поколение этнических меньшинств и их белые сверстники имеют схожий уровень занятости [2; 4].

Уровень безработицы среди этнических меньшинств выше, чем у белых британцев. Как в 2001, так и в 2011 г. самые низкие показатели безработицы наблюдались у индийцев и китайцев, самые высокие – у бангладешцев, пакистанцев и африканцев (рис. 2). По сравнению с 2001 г. уровень безработицы немного вырос во всех этнических группах, кроме китайской. Наибольшее увеличение безработицы произошло среди пакистанцев и бангладешцев (примерно на 3 процентных пункта).

Рис. 2. Уровень безработицы населения Англии и Уэльса в возрасте от 16 до 64 лет в 2011 г. (%)

Составлен по: [5].

Одним из объяснений разного уровня безработицы у этнических меньшинств является уровень их образования. Люди без образования имеют более высокие показатели безработицы, чем люди с образованием, причем как уроженцы Великобритании, так и иммигранты. Также многие иммигранты первого поколения

недостаточно хорошо владеют английским языком, что препятствует их трудоустройству.

Кроме культурных особенностей и недостаточного уровня подготовки более низкий уровень занятости этнических меньшинств объясняется скрытой дискриминацией на рынке труда. Опросы молодых британских женщин, исповедующих ислам, показали, что в отношении тех, кто носит традиционную мусульманскую одежду, проявляется дискриминация при принятии на работу, даже если кандидаты имеют высокий уровень образования [3].

В целом с 2001 по 2011 г. занятость этнических меньшинств выросла, в основном за счет женщин. Однако одновременно увеличилась доля занятых неполный рабочий день (менее 31 часа в неделю), причем как среди мужчин, так и женщин. Многие женщины заняты неполный день, так как это дает им возможность совмещать работу с ведением хозяйства и воспитанием детей. Однако у мужчин занятость неполный рабочий день связана с недостатком рабочих мест и служит альтернативой безработице. В 2011 г. самая большая доля людей, занятых неполный день, наблюдалась в пакистанской и бангладешской группе (42% и 54% соответственно), самая малая доля – среди индийцев и китайцев (27% и 28%) [5].

Наряду с работой неполный день распространенным явлением стала длинная рабочая неделя (свыше 48 часов). Наибольшая доля лиц, работающих более 48 часов в неделю, наблюдается в китайской группе (16% занятого населения). Показатели в смешанной и индийской группе (12%) близки к показателю по белым британцам (13%). Наименьшая доля людей, работающих свыше 48 часов в неделю, характерна для пакистанцев и бангладешцев (8% и 6%). Поскольку зарплата зависит от количества рабочего времени, то можно утверждать, что самые низкие доходы имеют пакистанцы и бангладешцы, самые высокие – китайцы и индийцы.

Как и в 2001 г., в 2011 г. доля людей с высшим образованием превышала долю необразованного населения во всех группах

этнических меньшинств, кроме пакистанской и бангладешской. Наибольшая доля людей, имеющих высшее образование, наблюдалась в китайской, индийской и африканской группе (43%, 42% и 40% соответственно), что объясняется массовым притоком студентов и высококвалифицированных специалистов из соответствующих стран. С 2001 г. доля людей, имеющих диплом о высшем образовании, выросла во всех этнических группах. Наибольшее увеличение произошло среди индийцев (+11 процентных пунктов), наименьшее – среди африканцев (+1 процентный пункт) [3].

В Манчестерском университете был проведен анализ социальной мобильности с помощью определения доли лиц, перешедших в более высокую или более низкую социальную группу по сравнению с их родителями. 43% белых мужчин и 46% белых женщин поднялись по социальной лестнице. В карибской и китайской группе показатели социальной мобильности были выше, чем у белых британцев, тогда как у остальных этнических меньшинств – гораздо ниже. Только 34% пакистанских и бангладешских мужчин и 27% пакистанских и бангладешских женщин улучшили свое социальное положение по сравнению с их родителями [3].

Таким образом, с учетом уровня занятости, безработицы, доходов и образования наиболее благополучными группами этнических меньшинств являются индийцы и китайцы, наименее благополучными остаются пакистанцы и бангладешцы. За рассматриваемый период во всех этнических группах произошло улучшение почти по всем вышеназванным социально-экономическим показателям. Однако положение этнических меньшинств на рынке труда остается хуже, чем положение белого населения. Периоды безработицы у этнических меньшинств в целом более длительные, чем у белого населения, а занятость в большей степени реагирует на изменения в экономике. Кроме того, хотя все больше представителей этнических меньшинств являются высококвалифицированными специалистами, уровень их социальной мобильности остается ниже, чем у белых британ-

цев.

Список литературы

1. Кондратьева Т. С., Новоженова И. С. Иммигранты в Европе: Модели интеграции // Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации. М. 2006. №1. С. 9–59.
2. Ethnicity and the Labour Market, 2011 Census, England and Wales. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census-analysis/ethnicity-and-the-labour-market/rpt-ethnicity-and-the-labour-market--2011-census--england-and-wales.html> (дата обращения: 10.11.2015).
3. Ethnic minorities, employment and social mobility: see the research findings. URL: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2014/jun/12/ethnic-minorities-employment-and-social-mobility-see-the-research-findings> (дата обращения: 27.10.2015).
4. McEvoy D., Barrett G. A.: Ethnic Minorities in the British Labour Market. Liverpool, 2010. URL: <http://www.migrationeducation.org/49.1.html?&rid=159&cHash=89ef0a0d9b2d734eb653c187332b8614> (дата обращения: 4.11.2015).
5. Office for National Statistics: [сайт]. URL: <http://www.ons.gov.uk> (дата обращения: 06.03.2014).
6. Simpson I. et al. Ethnic minority populations and the labour market: an analysis of the 1991 and 2001 Census. Leeds, 2006.

**4 секция «Социокультурная
адаптация мигрантов как
фактор современной
этнической мобильности»**

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY'S AGRICULTURAL SECTOR UNDER THE CONDITIONS OF FOOD SANCTIONS (2015 – 2016)

NEVZOROV V.N.

INTRODUCTION

Russia's modern economy is undergoing an economic crisis induced by external and internal factors. The external factors include a number of political and economic sanctions imposed by the United States of America, Canada, the European Union, and Australia against Russia. Certain Russian citizens have also been prohibited from entering and residing on the territory of the USA and EU countries. The assets of the resource giant companies have been frozen and cooperation with them has been halted. The entry of weapons and dual-use goods from these countries' territories which could have been used in Russia's military-industrial complex has been banned. These countries have ceased military cooperation with Russia. Some European companies have stopped financing investment projects in Russia as well. Furthermore, Russia has been excluded from the G8 and the Parliamentary Assembly of the Council of Europe. The consequences of these sanctions have an effect on the country's budget and constrain efforts to overcome the economic crisis.

Internal causes of the economic crisis stem from the low productivity of Russia's labor- and resource-based economy of and

the currency crisis of the Russian ruble.

The economic crisis in Russia is characterized by the following basic criteria: 1) negative GDP growth (gross domestic product); 2) significant devaluation of the national currency; 3) a high inflation level; and 4) a significant reduction in incomes. The real economy will be in a state of crisis for several years. A wide range of Russian experts are considering the import phase-out of a number of important goods (food products and agricultural-industrial goods primarily) as one of the methods to overcome the Russian economic crisis. If the Russian economy manages to develop a world-class agricultural-industrial complex, it will reduce risks associated with the losses induced by the western sanctions on the one hand, while on the other hand it may lead to the development of the domestic market of food products, which will result in increased income in the population through the development of small and medium-sized businesses.

The study of the modern trends of the development of the Russian' economy's agricultural sector will provide a means to understand what problems may interfere with overcoming the economic crisis and what factors should be nourished for this crisis to be overcome in the agricultural sector.

METHODS AND MATERIALS

The study applied critical review methods for scientific studies on the Russian agricultural market, statistical data analysis, monitoring of economic processes, as well as economic and mathematical modelling.

The research materials include economic parameters for the activities of agricultural companies operating on today's Russian market, statistical information on Russia's agricultural sector, the opinions of qualified experts, and other pertinent economic information.

LITERATURE REVIEW

Many researchers have their eyes on the today's Russian agricultural economy. G. Loffe and T. Nefedova (1997) are of the opinion that the private agricultural economy will never get on its feet in Russia. The authors presume that the main form of agricultural production in Russia will be the evolutionary development of traditional kolkhozes (collective farms) and state agricultural companies. The largest factor is the significant reduction in rural population in Russia, which is an obstacle impeding the development of efficient farming. D.V. Atta (1993) analyzes the political economy of agriculture and food product manufacturing in the late Soviet period using as a reference analysis material on the economic problems of former Soviet republics. The author focuses on the deficit of grain in 1991 and the condition of Russian food stocks in 1993. In other sections of the study, D.V. Atta describes the Russian agricultural reforms of the 20th century in detail and makes predictions regarding the future development of agriculture in Russia. M. Harrison (1977) analyzes the relationship between social mobility processes and the development of the «Russian peasantry» social class. He investigates agricultural statistics data and states that approaches to gathering statistical data were predetermined by prevailing economic theories. One can only to understand the specificity of the agricultural statistics after thoroughly enough studying the theoretical data.

H. Friedmann (1980) believes that agriculture experienced significant changes in the first half of the 20th century if compared to previous epochs: agriculture was transformed into modern market-oriented production, therefore the term «peasant» or «muzhik» (meaning the main actor of agriculture) called for a change for a more adequate term corresponding to the complicated market relations typical of the modern agricultural sector. The impact of globalization on the agricultural social classes is investigated in the book by Akram-Lodhi A. H., Kay C. (eds.)

Peasants and Globalization: Political Economy, Agrarian Transformation, and Development (2012). Wegren, S. K., O'Brien, D. J., Patsiorkovski, V. V. (2002) take a look at the dynamics of Russian agricultural reform based on a study of 800 households in five regions of the Russian Federation. The authors state that the agricultural transformation was most successful for private farms, though large farms gained more profit than small farms. The success of the farmers resulted from their active participation in market processes. J.F. Swinnen (1997) analyzes the processes of agricultural privatization in 12 countries of Central and Eastern Europe. The author takes into account a set of factors (historical, economic, and political) and provides a detailed analysis of the reforms' progress. In the study, J.F. Swinnen provides a comparative analysis and explains why some processes of agricultural reforms are similar while others are radically different in these countries. Wegren S. K. (2002) investigates the changes in agricultural policy during the presidency of Vladimir Putin in Russia and compares the situation in the agricultural economy in the 2000–2002 period with the period when Russian president Boris Eltsyn was born. The researcher considers rules changes governing the import of food products, public debts in the agricultural sphere, unprofitable farms, and agricultural lending to be especially important.

Razavi S. (2009) studied a 30-year-long period of social relations, social institutes, and public movements associated with the agricultural economy. According to this author, gender relations had experienced particularly significant changes. In contemporary feminist theory, analysis of changes in the economy's agricultural sector reveals new aspects for the modern political economy. O'Brien D. J., Patsiorkovski V. V., and Dershem L. D. (2000) analyzed on the basis of a three-year field study of 463 Russian rural households over 1995–97 how these households adapt to rapid economic (market) changes. The authors identified institutional changes and emerging formal and informal land use patterns. The researchers explain the inequality of rural areas in Russia as relating to the inequality of human and social capital, as well as the

level of stress and low subjective life quality.

The researchers pay special attention to the agricultural political economy concepts developed by A.V. Chaianov (Chaiʔaʔnov, et al., 1986; Harrison, 1975; Harrison, 1982; Lehmann, 1982; etc.). The agricultural reforms that were passed in Russia in 1990 are also actively discussed (Wegren, 1994; Kitching, 1998; Wegren, et al, 2002). Kalugina, 2000; Leonard, 2000; etc.).

The researchers compare the Russian agricultural economy with similar economies of various regions of the world. V. Uzun (2015) examines in detail the concept of the «Total Agricultural Budget» and compares the formation of the agricultural budget in Russia with similar such processes in the USA, Canada, and European Union countries. Taranova, I. V., Gunko, A. Y. Y., Alekseeva, O. A. E., Bunchikov, O. N., Kurennaya, V. E. believe that it is necessary to modernize political management in Russian agricultural regions (2015).

The new situation in the Russian agricultural sector arose after 2014 when the Russian Federation introduced food sanctions against the European Union. Researchers analyze the new opportunities and risks that Russian agriculture faces relating to the introduction of food sanctions (Zinchuk, et al, 2016). Smutka, et al, 2016;. Kuznetsov, et al, 2016;. etc.).

Most contemporary studies focus on forecasts and analyze possible risks associated with the development of the modern agricultural-industrial complex in Russia. The economic activity of certain companies operating on the agricultural market in Russia has not been fully investigated. Nevertheless, as a result of agricultural reforms and decollectivization, the main players of the modern Russian agricultural economy are not only farmers, but large companies as well.

The objective of this study is to analyze the agricultural products producers' activities in order to understand the methods recently used by Russia to overcome the economic crisis.

RESEARCH RESULTS

The Russian agricultural industry has been steadily developing into and emerging as the leading sector of the economy. A powerful impetus to the development of the agricultural sector have been the food sanctions that the Russian government has introduced against a number of countries – importers of food products into Russia, while the financial authorities devalued the ruble. As a result, a significant share of the food market in Russia became free from foreign competitors, food prices rose, agricultural products' domestic producers were able to rapidly increase both revenue and profit by the end of 2014.

The process of import phase-out under the conditions of reduced competition from external players became a major trend in 2015 as well. However, 2015 showed that this trend is in a descending position and is nearing its end. The Russian agricultural industry is at the beginning of a new stage of development, meanwhile the business will have to face a saturated market, high internal competition, a slowdown in business growth, and reduction in the industry's investment attractiveness. This stage is forecasted to begin in 2017–2018.

In 2015, Russian agricultural companies had been developing into a situation of a guaranteed market outlet and record level of prices for food products within the country. Nevertheless, there was not any significant production ramp-up. Grain yield remained approximately at the 2014 level, about 104 million ton. Pork production was 4%, poultry was 9%, and beef production dropped by 0.3% (the total growth rate of meat production was 4.8%). According to the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, in 2014 the total growth of agricultural production was 13.7%, while in 2015 – only 3%.

Some growth is worth noting in specific market niches: the production of soybean, corn, and meat processing. Generally, agriculture in Russia is developing steadily, as planned, and under favorable conditions.

During 2014–2015, the process of the displacement of private farms and small farmers by large agricultural enterprises and holdings has continued on. Thus, at the pork market's meat production volume by farmers and personal subsidiary households decreased by 17%, while the share of industrial production was 79% of total pork production. In 2010, the proportion share slightly exceeded 50%.

2015 was a fruitful year for Russian pig farming. The following factors contributed to the development of this market: 1) the food embargo; 2) ruble devaluation. As a result, the market was freed from competitive foreign suppliers. The growth factor in pig farming was the planned introduction of new production facilities in large agricultural companies: Miratorg, Cherkizovo, Rusagro, and certain others, though the Russian pork market is still unstable. Prices can rise over 6 months or fall by almost 50%. The market is characterized by the seasonal factor when there is overstocking or a sudden increase in demand for meat. The real trouble is the African swine fever virus, which destroys the population and threatens the preservation of the industry. Significant price fluctuations for pork stem from that. In 2015, prices for pork peaked and reached 180,000 (3,000 US dollars) rubles per 1 ton of meat in carcass weight equivalent. The business profitability of pig farmers reached 30–35% (averaging at 15–18%). Prices began to decline at the end of 2015 when world prices fell and the market was under pressure from imported pork (Brazilian frozen meat, which got significantly cheaper due to the substantial devaluation of the Brazilian Real to the Russian ruble). At the same time, pig farmers faced a decrease in consumer demand when purchasing power reached its highest point. In relation to the pig industry, experts express their greatest concerns and believe that it will not survive the price war with imported products if the food embargo is lifted by the Russian government.

The import phase-out scheme in the pig industry is performed at the fastest pace. The Russian food market is provided with its own pork in 90% of the consumption already (before the

introduction of the food embargo in 2014, this figure was about 50–60%). The creation of new production in 2017–2018 will result in Russia's complete self-dependence for pork produced domestically.

Poultry farming has been developing more steadily than pig farming. Poultry meat is more affordable for customers in retail. In 2015, prices almost did not change – 100,000 rubles (1,600 US dollars) per 1 ton. Russia was able to provide its domestic market with poultry meat early before the introduction of the food embargo. Since the food embargo was imposed, Russian producers have strengthened their standings even more. There has been some overproduction observed of 200–300 thousand tons per year. Some experts consider poultry farming to be unprofitable and even close to a crisis. A slight increase in prices as a result of devaluation of the ruble was a positive factor. Currently this effect has been disappearing due to cost development and intense competition on the market.

Crop farming also has a number of unique features in today's Russian import phase-out. Russia has been long providing itself with its own wheat and coarse grain. Other positive trends have been noticed as well: extended production of a protein food supply for livestock production: corn and soy bean. In 2015, corn production increased by 16% to 13.1 million tons and in 2016 to 14 million tons. The production of soy beans in 2015–2016 increased by 65% and reached 2.7 million tons by 2015.

Companies dealing in oil and fat processing and sugar production have been steadily developing. There are several leading companies on the sugar and fat-and-oil market: Sodruzhestvo, the largest soy bean processing company in Russia; processing companies and exporters of oil-yielding crops Efko, Yug Rossii, and Aston; and leading sugar producers Prodimeks and Rusagro. These companies' strong market standings are due to a large amount of processing capacities, Russian customs regulation policy (there is an export duty for exporting sunflower

seeds and as a result all sunflower seeds are processed within the country) and a stable consumption of the finished product: sunflower oil, mayonnaise, other oil, and sugar. Under the conditions of the economic crisis, Russian customers buy more sugar as a substitute for confectionery. The demand for soy beans from stock farmers is also significant.

Overall, the results of the food import phase-out in Russia are rather positive and food security is ensured. Though at the same time there are a number of agricultural areas, which still significantly depend on import: the production of vegetables, fruits, beef, and milk. In the Russian market, there are only a few companies that are able and willing to invest in beef production. There are only two companies involved in it on wholesale: Miratorg and Zarechye. The majority of investors refuse to invest in the agricultural sector for several reasons: 1) significant capital intensity; 2) high risks and the need to attract large investments with a long payback period. Miratorg and Zarechye companies develop elite production for expensive supermarkets and restaurants. They do not work for customers with medium and low income levels.

The production of fruits and vegetables in Russia has been showing constant and rapid growth. In 2017–2018 there will be new projects for the production of vegetables in the open field, thus ensuring a complete import phase-out.

According to the Russian Federation's Ministry of Agriculture, 170 greenhouse complexes are being built with about 24 billion rubles (400 million dollars) in investments. Therefore, the production of vegetables has increased by 100 thousand tons.

Currently, the Russia's agricultural economy is entering the final stage of the import phase-out. In 2 years, this sector will be radically different. The key factor will be the people's paying capacity. At the present moment, a significant drop in purchasing activity has been identified, including the food market and customers buy in the cheapest market niches. In 2015–2016, consumption of all types of meat has reduced by 5 kg –to 70 kg

per capita. Over the previous 15 years, this figure had been steadily growing.

Thus, two years later Russian agricultural companies will be developing in a situation of intensified competition and domestic food market saturation.

Plans are set to export Russian food in terms of growth strategy. In recent years, export is the factor of growth of crop farming in the southern regions of the Russian Federation, which are located near river and sea ports. For the last several years, Russia has been among the world's leaders in grain and sunflower oil export. In 2015, the grain export was 34 million tons. If the state does not regulate export too intensively, its scopes will grow in the future as well.

In the meat market, the export trend has just begun. In 2015, poultry meat was exported into 40 countries. For Russian poultry, the farming export has become the most important development trend. In 2016, raw materials the surplus is expected to be 300–500 thousand tons, accounting for 10% of total production.

In 2014, the export of poultry meat in Russia grew by 11.6% compared to 2013 and in 2015 by 19.6% compared to 2014 (to 68.8 thousand tons). Some Russian agricultural companies have hugely increased in their export of poultry meat. Experts predict that by 2020 growth in the export of poultry meat will reach 300–500 thousand tons.

The big issue is that Russian exporters sell poultry meat in external markets either at a prime cost or even cheaper. This is due to the need for free overstocked warehouses and an increase the domestic market price to preserve break-even production as well as to strengthen the standings in foreign markets. It remains to be seen if the Russian poultry meat exporters can compete with poultry meat exporters from the USA, Canada, Brazil, and the UN without dumping.

Russian pork export is quite insignificant. The National Union of Pig Farmers provides the following data: in 2015, there were 20,000 tons of pork (production: 3.1 million tonnes) exported,

which is 5 thousand tons more than in 2014. Supplies are mainly increasing due to the CIS countries (Ukraine: 62% of all meat export, Belarus: 26%, and Kazakhstan: 9.91%). To faraway countries, Russian pig farmers export pork by-products. These main customers are Hong Kong, Vietnam, Laos, and Thailand.

Over the last 10 years, in terms of a feed-grain relationship Russian pig farmers have caught up with the world's leading exporters (the USA, Brazil, and Canada), raising the rate from 6 kg of feed per 1 kg of body weight to 3 kg. For less efficient farms, this relationship can remain level with 4.5 kg, but the profitability of Russian pig farming remains high for foreign markets. 10 years ago 70% of the total pork market was comprised by farms and individual households. Currently, up to 80% of pork is produced by vertical holding with their own fodder base and highly technological pig farming complexes. This share is expected increase up to 95% of total pork production by 2025. The prime cost among 20 leading Russian pork producers is 65–80 rubles (1–1.5 US dollars) per 1 kg of live weight, which can compare with similar figures among world exporters. The profitability of pork production is 25% providing a means to obtain competitive prices in foreign markets even in the case of the necessity for temporary dumping.

The main obstacle in exporting Russian pork is undeveloped legislation in the field of veterinary medicine. Up to now, there has been an internal Russian safety system of pork production. As a result, many prospective markets remain closed for Russia, including Japan, the Philippines, South Korea, and African countries, where there is rapid growth for the middle class.

China and the UN countries are not considered as prospective market outlets for Russian pork sale, as these countries have the toughest sanitary legislation in the world. Expenses for ensure the safety system control for livestock management would be too large.

At the present time, export of the Russian products is only on the planning stage. The key trend for the Russian agricultural economy is the domestic market with a free market and

geographical niches. For example, the development of the beef market, milk production, and the increase of protein feed for livestock farming: soy beans, corn, and the production of vegetables and fruits.

Agricultural companies can step up their presence in such regions as Primorsky Krai. Rusargo company extends its production of soy beans and corn in the Primorsky Krai and has initiated the construction of the largest pig farming complex in the Primorsky Krai region adjacent to Asian countries and Rusagro's strategy is to export agricultural products there.

Miratorg company is expanding its presence in the Kaluga and Smolensk oblasts (Central Russia). In Kursk oblast, it is planning to build a modern pig farm.

Nevertheless, extensive growth has almost depleted its opportunities. Therefore, Russian players in the agricultural market try to change their strategy and move toward quality growth. This includes effective business planning, balanced investment assessment, taking into account external factors (government regulation or abolition of the food embargo), more accurate marketing strategies, and so on. There are two points that remain important for large manufacturers: 1) the development of vertically integrated production and full control over the processing chains and 2) optimization of production costs. If this is implemented, then the companies will be able to avoid additional risks associated with fluctuations of the price for fodders and receive additional value in product sales.

Production cost optimization in the agricultural business has become extremely important since the devaluation of the ruble when companies' costs for imported production components have doubled. At the time of the devaluation of the ruble, the share of imported components in the prime cost of meat production was 70%. During 2015–2016 this figure decreased by 50% and more. Russian meat producers depend on imports mainly according to two parameters: 1) the purchase of genetic material – parent stock, hatching eggs, etc.; 2) the purchase of various fodder

components, vaccines, and equipment for commercial production. None of these are currently produced in modern Russia.

Overcoming these two obstacles in Russia today is very challenging. Some companies (for example, Miratorg) want to have their own cattle breeding stock and sell it on the market. Then the company plans to arrange the production of its own seed grains and stop importing them. But it will still need to import the parental breed with pure genetics to create the parent stock.

The problem with importing foddere is still troubling. Russia has its own industry for the production of mixed foddere. But the import component in the foddere still remains extremely high – up to 70% of the cost, which are premixes, soy bean, vitamins, etc. Optimization of foddere formulas is the way to reduce the production cost of the Russian agricultural economy.

The issue of production cost in Russian agriculture will come to the fore in the near future. In 2015, most of Russian agricultural companies have reduced net profit compared to 2014, although proceeds have been growing.

The Russian agricultural sector will face great challenges when the import phase-out process is completed and the food embargo is lifted. Dependence on imported materials is not the only problem though. There is a number of other factors as well: the non-transparent land market, expensive logistics, lack of infrastructure (roads and utilities), and inefficient institutions, ineffective government regulation, which lead to losses and imbalances.

The development of the agricultural industry in Russia can be greatly deterred if the necessary conditions for the export of products and enhancement of its effectiveness aren't present.

Table 1 displays the main economic figures for Russia's 10 largest agro-industrial companies in 2015.

Table 1

Largest Russian companies in the agricultural sector
according to data as of December 31, 2015

No.	Company	Specialization	Proceeds 2015 (mln RUB)	Proceeds 2014 (mln RUB)	2015/2014 %%	Net profit 2015 (mln RUB)	Net profit 2014 (mln RUB)
1	Agroholding Miratorg, OOO	livestock production, corp farming, processing	96,346	74,058	30.1	21,085	16,396
2	Sodruzhestvo	Oil crop processing	84,215.6	60,913.0	38.3	- 2,524	-10,448
3	Efko, OAO	vegetable refined oils and fats production	81,621	61,391	33	820.9	857
4	Cherkizovo Group, OAO	pigs and poultry breeding, processing	77,032.6	68,668.4	12.2	6,020.8	16,623.7
5	Kargil, OOO	production of starch and starch products, sugar and sugar syrups, and mixed feed	75,038	47,292.8	58.7	2,793.8	539.4
6	Rusagro, OOO	agriculture, food products production	72,439.2	59,112.2	22.5	23,690	20,177
7	Agro-Belgorye	livestock farming and corp farming	63,571.3	57,812.9	10	5,983	no data
8	Belgrankorm	livestock farming, corp farming, and meat production	48,000	34,000	41.2	6,000	no data
9	Prodimeks-holding, OOO	production of sugar, corn, wheat, barley, sunflower, and sugar beet	46,599.3	35,201.2	32.4	300.7	4,600
10	Danone Russia, AO	dairy products production	45,740.1	40,905	11.8	-1,428.6	66

The data on Table 1 display that agricultural business in Russia during the year 2015 demonstrated significant growth dynamics. All of the largest agricultural companies in Russia featured revenue growth in 10% up to as high as 58.7%.

Considering the export of agricultural products as a promising growth strategy, representatives of major Russian agricultural companies have already begun to put this strategy into practice. Thus, Miratorg plans to export up to 25% of the products it produces. A promising market for this company is China. Damate

company wants to increase its export of turkey meat up 8% from what it produces (more than 4,000 tons). Cherkizovo company plans to increase export up to 20% from the total products produced.

The situation in the dairy products market remains quite complicated – the share of import is 19%. The main reasons they're lagging behind are: 1) production stagnation of raw milk; 2) a significant increase in production costs due to the devaluation of the Russian currency; 3) low investment attractiveness; and 4) a decrease in consumer demand.

State support for the agricultural business is extremely high: 5.4 billion rubles have been allocated for the purchase of modern agricultural machinery (more than 10,000 units have been acquired). The total scope of lending to the agricultural sector in Russia during 2015 increased by 9% over 2014 and reached 1.13 trillion rubles (19 billion US dollars). In 2015, the profitability of agricultural companies amounted to 22.3% and excluding government subsidies it was 10.9% (6.4% in 2014).

CONCLUSIONS

The Russian agricultural sector has overcome a deep systemic crisis. In 1990s, it entered into total decline. In 2015, all key indicators appear rather positive. The policy of the food embargo imposed in 2014 has yielded positive results for major Russian agricultural-industrial companies, which had significantly increased profits over 1 year.

However, there approaches a new period of development of the agricultural business in 2017 when state subsidies will be gradually reduced. There is also a risk in lifting the food embargo.

The main growth strategy that the Russian agricultural holdings are focused on is a significant increase in the export of their products to the Asian and African markets.

Compliance with Sanitary and Epidemiological Practice in the production, processing, and transportation of agricultural products still remains a great challenge impeding the implementation

of their export strategy to other (European and Central American) countries.

**5 секция «Педагогические
модели обучения русскому
языку как иностранному»**

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

**SOCIAL INTERACTIONS OF MIGRANT WOMEN
IN THE CONTEXT OF THEIR LINGUISTIC AND
CULTURAL ORIENTATIONS (ON THE EXAMPLE
REPUBLIC OF TATARSTAN)**

TITOVA T.A.

ABSTRACT

Labour migration is of exceptional economic, social, political and cultural significance in the modern world. Transport accessibility, the development of capitalist relations and open borders became a condition of the right of everyone to freedom of movement and changing their lives. Today, labour migration is one of the main channels of social mobility. Migration is one of the Central items on the agenda of public policy, media, academic symposiums. Migration has become not only part of everyday and professional life of people, but also shaped a wide range of concerns and issues part of the problem, research and solution of which seems to be promising. For a long time it was believed that earnings come only men and women to be «secondary» or dependent migrants

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью изучения проблем, связанных с адаптацией трудовых мигрантов в принимающем обществе, что имеет важное социальное, экономическое, политическое и культурное значение для современного российского общества вообще и Республики Татарстан в частности. Обращение к исследованиям женщин-мигрантов связано с фиксируемыми процессами феминизации миграционных потоков, увеличением количества женщин-мигрантов в общей структуре населения Республики Татарстан. Возрастает потребность в изучении адаптационных стратегий мигрантов, а также трудностей, связанных с вхождением в новую культурную среду. Цель проведенного исследования заключается в анализе лингвокультурных компетенций женщин-мигрантов в Республике Татарстан. Анализируемые материалы были получены с использованием методов массового социологического опроса, а также биографического и полуструктурированного интервью. В результате систематизации полученных данных были проанализированы лингвокультурные компетенции женщин-мигрантов в отношении русского и татарского языков, рассмотрены установки женщин-мигрантов на повышение собственной лингвокультурной компетенции, выявлено влияние лингвокультурных ориентаций на процесс адаптации женщин-мигрантов в принимающем обществе. Был сделан вывод о влиянии лингвокультурной компетенции женщин мигрантов на характер их социальных контактов и успешность адаптации в принимающем обществе. Материалы статьи могут быть полезными для этнологов, социальных и культурных антропологов, политологов, а также представителей органов и структур, курирующих вопросы миграционной политики и межэтнического взаимодействия.

Трудовая миграция имеет исключительное экономическое, социальное, политическое и культурное значение в современном мире. Транспортная доступность, развитие капиталистических отношений и открытость границ стали условиями реализации права каждого человека на свободу передвижения и изменение

своего жизненного уклада. Сегодня трудовая миграция выступает одним из главных каналов социальной мобильности. Миграционные процессы занимают одну из центральных позиций в повестке дня государственной политики, средств массовой информации, академических симпозиумов. Миграция стала не только частью повседневной и профессиональной жизни людей, но и сформировала широкий спектр волнующих и часть проблемных вопросов, исследование и решение которых представляется перспективным. Долгое время считалось, что на заработки приезжают только мужчины, а женщины остаются «вторичными» или зависимыми мигрантами [1]. В восприятии принимающего большинства портрет среднестатистического мигранта рисуется исключительно в мужском образе. Долгое время женщины-мигранты воспринимались как «невидимые работники». Обращение к исследованиям женщин-мигрантов связано с трансформацией структуры миграционных потоков: если несколько лет назад на заработки действительно приезжали преимущественно мужчины, то за последние годы число женщин-трудовых мигрантов значительно возросло.

По оценкам экспертов, женщины составляют 25–30% среди трудовых мигрантов, т.е. около 1,5–2 млн. чел. [2]. В основном это выходцы из стран ближнего зарубежья и бывшего СССР: государства СНГ доминируют в структуре стран происхождения мигрантов (около $\frac{3}{4}$ всей трудовой миграции в Россию) [3]. Согласно данным Центра миграционных исследований, собранных на 2010 год, 30,2% женщин приехали из Узбекистана, 9,0% – из Казахстана, 13% – из Киргизии, 14% – из Китая, 13% – из Украины [4]. Работающие в России женщины принадлежат к наиболее экономически активной возрастной группе: от 20 до 50 лет [5]. Множество исследований посвящено причинам и формам трудовой миграции женщин, а также ее последствиям и рискам, с которыми связаны смена места жительства и гражданского статуса. Говоря о трудностях, связанных с миграцией женщин, исследователи обращают особое внимание на торговлю людьми, трудовое рабство, физическое насилие,

унижение и дискриминацию [6]. Кроме того, женщины, покидая свою страну, сталкиваются с проблемами потери карьеры и пенсионного обеспечения, эмоционального отчуждения от родственников и распада семьи [7]. Поскольку миграция, в том числе трудовая и женская, существует не только в легальной, но и в нелегальной/полулегальной формах, ее исследование затруднено: простой статистический подсчет числа мигранток и описание их основных социально-демографических характеристик (возраст, семейное положение, уровень образования и др.) иногда невозможны [8]. Несмотря на активную жизненную стратегию — выбор в пользу миграции, трудоустройство, (часто) независимую жизнь вдали от семьи — большинство мигранток, особенно из стран Центральной Азии и Кавказа, придерживаются традиционных взглядов на семью и гендерные роли. Процесс феминизации миграционных потоков можно рассматривать как определенный вызов принимающей стороне, поскольку женская миграция сопровождается рядом факторов (например, более высокая доля неофициальной занятости, этнокультурные практики), которые могут повлиять на структуру самого общества.

Исследование основывается на методологических принципах полипарадигмального подхода. В контексте нашего исследования базовыми являются два положения теории Ф. Барта: во-первых, вывод о том, что определителем для членства в группе становятся социально-задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания, а не «объективно» существующие культурные различия. Во-вторых, этнические категории, как при самой идентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые. Работа основана на анализе эмпирических материалов, собранных в 2013–2014 гг. Сбор информации проводился в основном методами наблюдения, полуструктурированного и биографического интервью. Также привлекались результаты массового опроса среди женщин–представительниц диаспор.

Подача полученного материала основывается на принципах так называемого «плотного описания» (thickdescription), то есть варианта анализа, который производится в терминах самих информантов. В рамках исследования были опрошено 300 женщин-мигрантов из числа узбекского, киргизского, азербайджанского и таджикского населения Республики Татарстан. Также было проведено 20 интервью с представительницами диаспор. Опрошенные были разбиты на две возрастные группы – от 18 до 30 года (50,7%) и от 31 до 50 лет (49,3%). Половина респондентов киргизской национальности еще не состоят в браке, 25% находятся в браке, зарегистрированном только законным образом, еще 25% в браке, зарегистрированном в ЗАГСе и оформленном по религиозным канонам. Большинство опрошенных из числа азербайджанского населения состоят в браке, оформленном как по закону, так и по религиозным догматам. Что касается представительниц таджикской и узбекской национальности: для них характерно сравнительно большее число браков, заключенных исключительно на религиозной основе. Факт нахождения в браке, не зарегистрированном законным образом, подтвердили 15% таджичек и 25% узбечек. Для сравнения: у азербайджанок эта цифра составляет 5%, а у киргизок равняется нулю – ни одна из опрошенных не отметила, что состоит в религиозном браке. Стоит заметить, что развод не является характерным явлением ни для одной из опрошенных групп: число разведенных женщин не превышает 5% в рамках каждой из национальностей.

С точки зрения лингвокультурной компетенции опрошенных, наибольшие трудности с адаптацией в принимающем обществе испытывают мигранты-узбечки. Они демонстрируют низкий уровень владения русским языком, что в сочетании с высоким уровнем внутригрупповой консолидации обуславливает проблемы при взаимодействии с представителями принимающего населения. Количество женщин-мигрантов, испытывающих проблемы в общении с местным населением не зависит от длительности пребывания в республике и примерно одинаково в группах, про-

живающих на территории республики менее 5 лет, от 5 до 10 лет и более 10 лет, что говорит о низком адаптационном потенциале среди изучаемых групп и отсутствии потребности в межэтнической коммуникации. Большинство женщин-мигрантов ориентированы на занятие низкоквалифицированными видами трудовой деятельности и не испытывают потребности в повышении лингвистической компетенции в области русского языка. Более успешные стратегии адаптации демонстрируют женщины-азербайджанки, что выражается в лучшем знании ими русского и татарского языков, более выраженной ориентации на изучение детьми языков принимающего сообщества, а также, сравнительно небольшом уровне социальной дистанции по отношению к представителям местного населения (татарам). Женщины-мигранты, слабо владеющие русским и татарским языками, отмечают, что в случае необходимости взаимодействия с представителями местного населения, прибегают в первую очередь к помощи ближайших родственников, что свидетельствует об ограниченности социальных контактов респондентов, в основном, семейным кругом. Несмотря на декларируемый высокий уровень владения языками принимающего населения, для большинства респондентов характерна ориентация на общение на национальном языке, низкий уровень лингвистической компетенции в отношении языков принимающего населения, а высказываемое желание усовершенствовать знания в области русского и татарского языков носит, в большей степени, декларативный характер. Сложившаяся в лингвистической сфере ситуация препятствует успешной адаптации женщин-мигрантов и создает предпосылки для ограничения их социальных контактов рамками этнического сообщества.

Список литературы

1. Тюрюканова Е. 2000. Трудовая миграция женщин из России: легальные и нелегальные формы. Москва. http://special.council.gov.ru/activity/analytics/analytical_billeins/25626
2. Илимбетова А. А. 2013. Женщины-мигранты на российском рынке труда. Вестник алтайской академии экономики и права, 2,

С. 25 – 29.

3. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. 2011. Москва: Макс-Пресс. С.16.

4. Абашин С. 2007–2008. Экономические мигранты из Центральной Азии: исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей. Санкт-Петербург. С 25–29.

5. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. 2011. Москва: Макс-Пресс. С 119.

6. Корчагин А. Г. 2010. Миграционная политика в решении миграционных проблем в России. Право и политика, 6, 1063 – 1071.

7. Гришунина Е. В. 2011. Когнитивно-эмоциональная структура переживаний сложных жизненных ситуаций. Консультативная психология и психотерапия, 4, С. 130 – 152.

8. Чудиновских О. 2004. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики. Отечественные записки, 4, 176 – 190.

**5 секция «Педагогические
модели обучения русскому
языку как иностранному»**

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РФ И КАК ЯЗЫК МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

RUSSIAN LANGUAGE AS THE STATE LANGUAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND AS THE LANGUAGE OF INTERETHNIC COMMUNICATION

KARELINA V.A.

ABSTRACT

Russia with its Russian language is doing a lot for arriving migrants. It provides them with the opportunity to receive an education, to master the Russian language and reside in the territory of the Russian Federation as a full citizen.

Российская Федерация на сегодняшний день является многонациональным государством, имеющим разнообразный в этническом отношении национальный состав. На территории нашей страны проживает более 160 народов, крупнейшими из которых являются русские (80% населения страны). Это, на мой взгляд, главная предпосылка того, что русский язык является государственным.

Но это вовсе не означает то, что все граждане РФ обязаны разговаривать друг с другом исключительно на русском. Это значит, что государство общается со своими гражданами, используя

государственный язык. Наша конституция написана на русском, представители власти, например, президент РФ Владимир Путин обращается к россиянам на русском языке [1].

Однако на этой почве возникает одна очень серьезная проблема. Ввиду того, что приток иностранных трудовых мигрантов, а также мигрантов, приезжающих в Россию на постоянное место жительства, активно возобновляется каждый год, между ними и русскими возникают различного рода межэтнические конфликты, носящие националистический характер. Многие русские негативно относятся к приезжим мигрантам, объясняя это тем, что Россия – для русских, и иностранцам здесь места нет. Многие коренные жители РФ считают, что те, кто живет в России, должны говорить только по-русски и соблюдать законы страны.

Я считаю, что это неправильно. Мы, граждане Российской Федерации, должны относиться друг к другу толерантно, уважать национальный язык и культуру других этносов. Русский язык призван быть государственным не для того, чтобы уничтожить национальные языки предков и размыть их культуру, а для того, чтобы сплотить все народы России и предоставить им возможность общаться и понимать друг друга.

Но это не единственная проблема. Русский язык – это один из самых сложных языков в мире. «Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей. Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием» (И.С.Тургенев). Я полностью согласна со словами этого великого русского писателя и поэта.

Для иностранцев он сложен своей лексикой и грамматикой, своим произношением и огромным количеством омонимов и паронимов, в нем много правил и много исключений на них. Именно поэтому наш «великий русский язык» так сложно дается иностранным гражданам. Нужно потратить несколько лет для его изучения и несколько десятков – чтобы свободно научиться на нем говорить.

Также существуют сложности перевода с иностранного языка на русский, поэтому значение некоторых слов иностранцами не понимается и не осмысливается. В свою очередь изучением русского языка как иностранного занимается достаточно большое количество языковых центров и курсов повышения навыков владения русским языком. Разрабатываются специальные программы, по которым уже в начальной школе дети иностранцев изучают русский язык. Они, конечно, существенно различаются от программ для детей, у которых русский является родным языком, своими методиками преподавания [2].

В заключение хочется отметить, что Россия со своим русским языком делает очень многое для приезжающих мигрантов. Она предоставляет им возможность получить образование, овладеть русским языком и проживать на территории РФ как полноценный гражданин. По этому поводу, у меня есть некоторые идеи, как привить любовь к русскому языку иностранным гражданам. Я думаю, можно проводить различного рода фестивали или выставки, посвященные приобщению мигрантов к культуре России через музыку, искусство и литературу. Это можно сделать в формате знакомства с именами таких великих людей как Виктор Цой, Василий Иванович Суриков, Сергей Есенин. Таким образом, мы готовы будем поделиться своим культурным наследием, рассказать о наших героях.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. — М.: Эксмо, 2013. — 63 с.
2. Лексическая сочетаемость в теории и практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) // rki-site.ru

**6 секция «Теория
государства и права
в контексте зарубежного
и российского
миграционного
законодательства»**

ИЗМЕНЕНИЯ В ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВУЮ ИММИГРАЦИЮ

CHANGES IN THE PATENT SYSTEM AND THEIR IMPACT ON LABOUR IMMIGRATION

KOLPAKOV N.A.

ABSTRACT

Before the amendments, the patent was designed for a certain range of employees: labour activities could be carried out only on individuals and does not had to be associated with entrepreneurial activity. Therefore, the patent gave the right to the work of future nannies, cooks, drivers, etc. Now the kind of work undertaken by patent unlimited, which naturally reduces the possibility of violations in this area.

Как известно, Российская Федерация является многонациональной страной, на территории которой проживает большое количество народов. Указание на это содержится даже в преамбуле Конституции Российской Федерации.

Одной из основных причин сложившейся ситуации является миграция. По официальной статистике, предоставленной Федеральной Миграционной Службой Российской Федерации[1], основную долю иммигрантов составляют граждане стран СНГ.

С учётом того, что, при въезде в Российскую Федерацию граждан некоторых государств, наличие визы необязательно, что

подтверждается отдельными Соглашениями, например, с Украиной[2] или КНР[3], от въезжающих зачастую требуется оформление документов, необходимых для осуществления целей их приезда. По данным[4][5] Федеральной Миграционной службы до октября 2015 года включительно, основной поток иммигрантов идёт из стран СНГ, а основной их целью является работа по найму.

В то же время, известна необходимость оформления соответствующих документов для получения возможности на осуществление трудовой деятельности в Российской Федерации. В основном, такими документами являются разрешение на работу и патент[6]. С опорой на статистику, можно утверждать, что наиболее распространена процедура получения именно патента: на 186 183 разрешений на работу за 10 месяцев 2015 года приходится 1585716 патентов[7]. Это подтверждает приведённые выше данные о направленности основного потока мигрантов именно из стран, для которых разрешён безвизовый въезд на территорию Российской Федерации.

Однако стоит указать, что количество выданных патентов снизилось по сравнению с прошлым годом почти на полмиллиона. Это связано, прежде всего, с изменениями в федеральном миграционном законодательстве.

Однако количество въехавших на территорию Российской Федерации изменилось несущественно: чуть менее 15,5 миллионов человек против 16 миллионов в прошлом году, что легко объясняется направленностью основных потоков миграции в Европу по известным политическим причинам. Таким образом, меры законодателя способствовали, казалось бы, росту нелегальной составляющей трудовой иммиграции. В соответствии с таким настроением сложилось и мнение экспертов[8].

Причиной тому явное усложнение процедуры получения патента на работу, что значительно сказалось именно на иммигрантах из стран СНГ, ведь патент является тем же разрешением на работу, но специально для граждан стран, с которыми предполагается безвизовый режим. Так, начиная с момента вступ-

ления в силу поправок к Федеральному Закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», т.е. с 1 января 2015 года, срок, в который прибывший для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации должен оформить патент, ограничивается одним месяцем. При превышении этого срока на въехавшего накладывается штраф от 10 до 15 тысяч рублей[9], либо он будет вынужден покинуть территорию Российской Федерации.

До поправок патент был рассчитан на определённый круг работников: трудовая деятельность могла осуществляться только у физических лиц и не должна была быть связана с предпринимательской деятельностью. Таким образом, патент давал право на работу будущим няням, поварам, водителям и т. п. Теперь род трудовой деятельности, осуществляемой по патенту неограничен, что, естественно, снижает возможность нарушений в этой сфере.

Однако снижение количества полученных патентов всё-таки произошло, что свидетельствует о росте нарушений, так как поток трудовых иммигрантов не снизился существенно. Причиной этому являются усложнение и удорожание процедуры получения патента. Расширился перечень документов, необходимых для выдачи патента: до 2015 года необходимы были заявление, паспорт, миграционная карта и дактилоскопия, которая производилась прямо в отделении ФМС, а с 1 января к этому прибавились полис добровольного медицинского страхования, документы, которые подтверждают отсутствие заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, предусмотренных перечнем, утверждаемым уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, а также сертификат об отсутствии ВИЧ-инфекции, документ о сдаче экзамена на знание основ русского языка, истории и законодательства[10]. Также произошло и значительно увеличение стоимости патента. В 2014 году общий авансовый месячный платёж по патенту составлял 1216 рублей. Теперь же авансовый платёж ежемесячно

составляет 1568 рублей 40 копеек, но каждый субъект может дополнительно индексировать данную сумму, а также процедура получения патента, с учётом госпошлины, стоимости полиса ДМС и прочего составляет около 20000 рублей.

Однако, на мой взгляд, мнение экспертов представляется ошибочным. Инициатива такого нововведения принадлежала Президенту Путину В. В. и была высказана в Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. В нём он предлагал создать экономический инструмент регулирования миграционных потоков. В основном, это планировалось сделать за счёт как увеличения стоимости оформления патента[11]. Данная цель, в соответствии со статистикой Федеральной Миграционной службы, достигнута не была, так как потом иммигрантов не уменьшился, так же, как и количество выдворенных и депортированных за пределы Российской Федерации. Но, в то же время, заметно позитивное влияние в другой сфере. За 10 месяцев 2015 года доход в бюджет от оформления патентов составляет 26 714 882 100 рублей, при АППГ всего 15 429 100 800 рублей[12].

Таким образом, произведённые изменения в патентной системе не совсем достигли пока поставленных перед ними целей, чего и опасались эксперты. Однако, по моему мнению, система приносит много полезных аспектов, касающихся, например, доходов в бюджет от трудовой иммиграции из стран СНГ. Также можно сказать, что система относительно нова, так как в обновлённом варианте не проработала и года, что даёт повод ожидать достижения предполагаемого законодателем результата.

Список источников и литературы:

1) Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по странам гражданства)¹ [Электронный ресурс]: Офици-

¹ <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>

альная статистика ФМС РФ. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/> (Дата обращения: 14.11.2015г)

2) «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины» (заключено в г. Москве 16.01.1997) (ред. от 14.03.2007) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

3) «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об облегчении поездок граждан» (Заключено в г. Москве 22.03.2013) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

4) Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по целям прибытия)¹ [Электронный ресурс]: Официальная статистика ФМС РФ. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54893/> (Дата обращения: 14.11.2015г)

5) П.4, ст. 13, Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

6) Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 10 месяцев 2015 года [Электронный ресурс]: Официальная статистика ФМС РФ. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL:<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/178175/> (Дата обращения: 14.11.2015г)

7) «Патентованные мигранты», Геннадий Золотухин. 1.01.2015г. [Электронный ресурс]: Интернет-газета. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL:<http://www.gazeta.ru/social/2014/12/30/>

¹ <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54893/>

6364693.shtml (Дата обращения: 14.11.2015г)

8) Ст. 18.20 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.11.2015) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

9) П.2 ст.13.3 Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

10) Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, Кремль. 12.12.2013г. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Президента РФ. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (Дата обращения: 14.11.2015г)

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

**THE EXPERIENCE OF THE ORGANIZATION
MULTICULTURAL CENTRE FOR CONTINUING
EDUCATION IN SIBERIAN FEDERAL
UNIVERSITY**

KORSHUNOVA V

ABSTRACT

Education is one of the most important parts of the cultural system of society. Krasnoyarsk region – one of the regions of multinational Russia, where everyone lives in a multicultural environment of diverse cultures and languages. For our region the main problem is the formation of knowledge culture of their own people, awareness of diversity, spiritual and material world, the recognition and understanding of cultural values of other peoples, the ability to live and communicate in a multicultural country, in a global society.

Образование является одной из важнейших частей культурной системы общества. Красноярский край – один из регионов многонациональной России, где каждый живет в поликультурной

среде разнообразных культур и языков. Для нашего края основной проблемой являются формирование познания культуры собственного народа, осознание многообразия духовного и материального мира, признание и понимание культурных ценностей других народов, умение жить и общаться в поликультурной стране, в глобальном обществе.

В условиях глобализации и всеобщей информатизации происходит сложный процесс взаимопроникновения, переплетения этнических групп, что выдвигает перед педагогами задачу реализации поликультурного образования, формирование у обучающихся опыта сотрудничества с людьми разных национальностей. В связи с этим возникает необходимость воспитания толерантной личности, которая ценит не только родную, но и культуру других народов, готова к диалогу в современном мире.

Таким образом, актуальность и значимость Проекта «Поликультурного центра непрерывного образования в Сибирском федеральном университете» для развития системы образования Красноярского края не вызывают сомнений, так как Проект обоснован вызовами современного общества.

Сибирский регион г. Красноярска активно подошел к решению назревших проблем национально-образовательного партнерства, в ответ на вызов меняющейся этнокультурной ситуации в мире. Красноярск является одним из наиболее многочисленных по количеству и разнообразию типовых образовательных учреждений работающих в области этно- и поликультурного образования, решающих задачи национально-культурного образования и воспитания более 70 национальностей. Более 20 образовательных учреждений Красноярска, работают в режиме окружных и городских экспериментальных площадок этно- и поликультурной направленности.

Все эти учреждения являются связующим звеном в работе края по созданию системы непрерывного поликультурного образования, удовлетворяющей потребностям обучающихся и их родителей в сохранении национальной самобытности, реализации национально-культурных прав человека.

Изучение этических норм, традиций и обычаев, особенно в многонациональном городе, выступает решающим условием и важнейшим средством формирования и развития духовной и материальной культуры страны. Проявление большого интереса к нравственным установкам каждого народа, к этническим ценностям, этнокультурным традициям и к духовной культуре в целом – залог создания основы доброжелательных отношений, утверждения климата взаимопонимания, духа дружеских, доверительных контактов.

Контингент студентов, обучающихся в СФУ, представлен не только студентами из России, но также и из других стран мира. В процессе обучения в вузе поддерживается система «двойных дипломов» с университетами Европы, Азии и Америки. В рамках различных программ обучения и культурного обмена для получения профессионального образования в СФУ приезжают сотни иностранных студентов, но и студенты СФУ выезжают за рубеж.

Национально-культурные сообщества, семья, религиозные конфессии явно и многократно усилили свое влияние на формирование среди молодежи, исходя из собственного понимания новых общественных вызовов и собственных интересов. В то же время образовательная система предопределяет национально-культурные ориентации и гражданское поведение человека с позиций государства как объединяющего социума. В этом случае необходимы новые решения, которые с одной стороны, учитывали возрождающееся национальное самосознание каждого этноса, а с другой – предлагали бы способы гармонизации интересов самых различных человеческих сообществ.

В число необходимых условий формирования толерантности и профилактики экстремизма входят: признание ценности среды межкультурного общения и диалога; структурирование и институционализация этой среды путем обеспечения деятельности в рамках правового поля граждан, учреждений, организаций, ассоциаций; государственная поддержка равных прав и свобод граждан и их объединений в области культуры, равных условий для поддержания и развития этих культур.

Стратегия Минобрнауки отражает существующую актуальность и необходимость реализации поликультурного образования в среде вуза.

Это обусловлено тем, что происходит расширение международного сотрудничества. Становится все более очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Особая роль в этом процессе принадлежит концепции LLL.

Современному обществу требуются не только предприимчивые люди, но и специалисты, способные понимать ценность общечеловеческого достояния культуры. Центром этой системы является человек, который воспитывается и развивается в поликультурном пространстве. Наблюдающийся в последние годы резкий подъем национального самосознания, стремление к этнокультурной самоидентификации обуславливают огромный интерес народов как к своей национальной культуре, так и к культуре народов ближайшего и отдаленного национального окружения.

В среде вуза вопросы национального самосознания, взаимоотношений этносов выходят на новый уровень, определяющий равнодействующую процессов централизации и децентрализации в обществе в целом. Формирование межкультурной компетенции у студентов является важной задачей профессионального обучения в высшей школе вне зависимости от профиля обучения [2].

Поддержка модернизации высшего образования в России; предоставление возможности вузам играть ключевую роль в реализации непрерывного образования по таким областям, как миграция, межкультурное образование, права человека; а также в повышении уровня толерантности по отношению к мигрантам и представителям этнических меньшинств – являются задачами проекта ALLMEET, участником которого является ИППС СФУ.

Проект осуществляется консорциумом четырех европейских и шести российских вузов. В состав консорциума входят ее координатор Болонский университет (Италия), Новый Лиссабонский университет, г. Лиссабон (Португалия), Университет Глазго (Вели-

кобритания), Европейский центр оценки образования inHolland (Нидерланды). Российскую сторону в проекте представляют три федеральных университета: Казанский федеральный университет, Сибирский федеральный университет и Северный (Арктический) федеральный университет, а также Марийский государственный университет, Институт психологии и педагогики профессионального образования РАО, Московский государственный городской педагогический университет, Молодежная общественная организация Республики Татарстан «Центр развития добровольчества «Волонтер».

Проект «Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia» (сокр.ALLMEET) нацелен на развитие непрерывного образования, направленного на формирование мультикультурализма в образовании и толерантности в России, созданию молодежного поликультурного центра.

Межкультурный характер образовательного процесса в вузе обуславливает необходимость практического применения приобретаемых знаний и навыков межкультурного взаимодействия непосредственно в процессе обучения. Низкий уровень сформированности межкультурной компетенции студентов затрудняет не только межкультурное взаимодействие участников образования, но и взаимопроникновение и взаимовлияние культур, тем самым оказывая негативное влияние на процесс интеграции.

Создание Молодёжного поликультурного центра на базе ИППС ФСУ на сегодняшний момент поможет не просто решить проблему интолерантного отношения среди обучающихся университета, но и организовать бесценный обмен опытом между студентами разных национальностей. Это является основой формирования межкультурной компетенции и субъектной позиции студента в период обучения в вузе для планирования образовательной траектории, как основы образования в течение всей жизни.

Поликультурный центр непрерывного образования создан в 2015 года как структурное подразделение Института педагоги-

ки, психологии и социологии ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» для создания единого этнокультурного образовательного пространства Красноярского края и реализации проектов, направленных на интенсификацию академического, научного и культурного взаимодействия между университетами-партнерами средствами персональных сервисов обучения.

Поликультурный центр непрерывного образования осуществляет свою деятельность в соответствии с утвержденным Положением, а также в соответствии с Уставом Университета и локальными нормативно-правовыми актами Университета.

К основным задачам и направлениям деятельности Центра относятся:

ориентация формального образования на обучение в течение всей жизни;

1. развитие этнокультурных компетенций, востребованных в современном поликультурном обществе;

2. развитие международного сотрудничества с ведущими высшими учебными заведениями в условиях непрерывного образования;

3. создание поликультурного образовательного пространства, обеспечивающего интеграцию представителей различных этнокультурных групп;

4. осуществление консультационной деятельности для представителей различных этнокультурных групп с целью интеграции их в поликультурное пространство Красноярского края;

5. расширение контента поликультурной образовательной платформы разработка и ее программно-методическое сопровождение;

6. осуществление «неформального образования», благодаря включению обучающихся в лично значимые творческие виды деятельности, в процессе которых формируются индивидуальная образовательная траектория.

Для достижения задач Центр осуществляет следующие виды деятельности:

– создание совместно с сетевыми партнерами методической

продукции для наполнения контента электронной образовательной платформы;

- проведение научных семинаров, дискуссий, культурных мероприятий, и конкурсов;

- разработка и внедрение в образовательный процесс специализированных программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации в области поликультурного образования;

- организация преподавательской деятельности, включая привлечение иностранных преподавателей;

- организация стажировок в вузах- партнерах, включая летние школы и программы повышения квалификации;

- участие в заключении соглашений с вузами партнерами.

В этой ситуации актуальной проблемой становится поиск и использование эффективных подходов к воспитанию молодежи в условиях многонациональных общностей. Одним из таких подходов можно считать поликультурное воспитание, целью которого является устранение противоречий между системами и нормами воспитания доминирующих наций и этнических меньшинств, формирование позиций и установок, способствующих толерантному восприятию и взаимодействию представителей различных этнических групп.

Более того, запланированные мероприятия способствуют вовлечению большого количества молодежи в проекты и конкурсы, а также помогают лучше узнать историю и традиции СФУ, что очень актуально, особенно перед предстоящей Универсиадой 2019 года в Красноярске. Немаловажно, что в мероприятия будут вовлечены не только студенты СФУ, но и молодежь вообще, что привлечет в стены нашего Университета новых людей и новых учащихся. Приобретенное оборудование для съемки видео материалов будет способствовать популяризации университета на большую аудиторию, узнавания СФУ в России и мире. Совместная работа над съемкой и работой над видео поможет сплотить участников процесса и развить их дополнительные компетенции, что является еще одним из неоспоримых плюсов

В рамках работы по проекту «Темпус» и реализации одной из линий программы развития института СФУ предпринята попытка описать опыт реализации проекта «Молодежный поликультурный центр».

Целью проекта «Молодежный поликультурный центр ИППС» является формирования активной команды из числа студентов ИППС, для их взаимодействия с другими молодежными центрами и объединениями, в целях гармоничного развития личности студентов в условиях поликультурной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А. В. Становление теории и практики педагогической поддержки // Новые ценности образования: миссия классного воспитателя. — 2007. — №1 (31). — С. 2–40. — URL: http://www.values-edu.ru/wp-content/uploads/2011/06/nev_1_2007_missija.pdf (дата обращения: 22.02.2015).

2. Короткова О. В., Пугачёва Н. Б. Здоровьеформирующее образование: опыт, проблемы, прогнозы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2011. — №18. — С. 109–125.

3. Лунев А. Н., Пугачева Н. Б., Стуколова Л. З. Формы интеграции субъектов регионального рынка профессиональных образовательных услуг // Концепт. — 2014. — №1. — С. 61–65.

4. Лунев А. Н., Пугачева Н. Б. Социальная практика как философское основание педагогического стратегирования в техническом вузе // Общество: философия, история, культура. — 2013. — №4. — С. 11–16.

5. Лунев А. Н., Пугачева Н. Б., Стуколова Л. З. Информационно-психологическая безопасность личности: сущностная характеристика // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — №1. — С. 21.

6. Лунев А. Н., Пугачева Н. Б., Стуколова Л. З. Сущностная характеристика регионального рынка услуг // Концепт. — 2013. — №12 (28). — С. 96–100.

7. Писарь О. В., Пугачева Н. Б., Ребрик Э. Ю. Формирование

личной безопасности студентов технического вуза // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. — 2012. — №3. — С. 103–108.

8. Пугачева Н. Б., Писарь О. В., Ребрик Э. Ю. Формирование мировоззренческих основ безопасности жизнедеятельности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2012. — №1. — С. 56–63.

РОССИЯ БЕЗ МИГРАНТОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

RUSSIA WITHOUT MIGRANTS IN THE AGE OF GLOBALIZATION

RODAK O.I

ABSTRACT

The issue of migration is particularly relevant today, as the era of globalization contributes to the emergence of important factors that «awaken» the process. The development of the labour market entails the employment of migrants, and the military and social conflicts give rise to the increase of forced migrants. Russia has faced an intensive migration, when the economy was in crisis

В последнее время всё чаще звучит информация на тему такого явления как миграция. Что подразумевается под данным термином? По мнению российского учёного О. Д. Воробьёвой: «Миграция населения – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих» [1]. На наш взгляд, данная формулировка наиболее полно отражает всю сущность исследуемого

понятия.

Проблема миграции особо актуальна на сегодняшний день, т.к. эпоха глобализации способствует появлению важных факторов, которые «пробуждают» данный процесс. Развитие рынка труда влечет за собой трудовых мигрантов, а военные и социальные конфликты порождают увеличение вынужденных мигрантов. Россия же столкнулась с интенсивной миграцией, когда экономика страны оказалась в кризисном состоянии.

Но, как сообщает статистика, народ не всегда положительно относится к мигрантам из других стран и регионов. Рассмотрим данное явление на примере России. Фонд общественное мнение 17 ноября 2013 году проводил интервью на тему «Об отношении к мигрантам – внутренним и внешним». Для сравнения показателей было проведено повторное интервью 1 июня 2014 года. В исследовании приняли участие 1500 респондентов из 100 населённых пунктов Российской Федерации. На основании полученных данных можно сказать, что больше половины россиян (2013 год – 52%, 2014 год – 51%) считают, что следует ограничить въезд в их город (посёлок) приезжих из других стран. Если говорить о положительных и отрицательных сторонах пребывания мигрантов, то исследование показывает, что россияне видят больше отрицательных сторон (37%), чем положительных (21%) [2]. На основании вторичного анализа можно сделать вывод, что больше людей негативно относятся к наличию мигрантов в их населённом пункте.

Почему это происходит? Решающим фактором, прежде всего, выступает то, что мигранты занимают рабочие места, а также сбивают расценки оплаты. Но в то же время можно выделить положительный факт, что приезжие берутся за любую работу, даже ту, которой местные жители отказываются заниматься.

Но что будет, если мигранты совсем исчезнут из нашей страны? Во-первых, отреагирует рынок жилья, недвижимости. Освободится несколько миллионов арендуемых квартир, вследствие этого произойдёт снижение цен на аренду жилой площади, т.к. она не будет пользоваться спросом. Для студенческой молодёжи

это будет положительным фактором, но вот доходы населения России значительно упадут.

Во-вторых, отсутствие мигрантов повлияет на торговлю. Снижение числа покупателей первоначально приведёт к снижению цен на скоропортящиеся продукты, но в дальнейшем произойдёт компенсация убытков, и цены на другие товары начнут стремительно расти.

В-третьих, изменения произойдут и на рынке труда. Отсутствие мигрантов приведёт к дефициту рабочей силы, отсутствием конкуренции и повышению заработной платы в центральных районах. Вследствие этого будет происходить отток молодых людей из региональных районов в большие города за более высокой заработной платой, что будет приводить к внутренней миграции. Теперь в сельских районах будет не хватать трудовых ресурсов, что приведёт к упадку сельского хозяйства.

В-четвёртых, в ЖКХ России начнётся упадок, ведь некому будет выполнять низкооплачиваемые и непрестижные работы. Итог: стремительный рост на услуги ЖКХ, загрязнение окружающей среды, городов, а также распространение инфекционных заболеваний.

И, в-пятых, если активизируется внутренняя миграция, то в основном это будет мужская часть населения, т.к. чаще всего они уезжают на заработки, а значит, что в районах будет преобладать женское население, а в центральных – мужское. Безусловно, это отрицательно скажется на демографической ситуации в стране, что приведёт к снижению рождаемости.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что отсутствие миграции отрицательно повлияет на жизнедеятельность общества. Люди станут социально незащищёнными, а население начнет беднеть. В итоге ухудшение качества жизни приведёт к ослаблению позиций России на международной арене. Поэтому необходимо более толерантно относиться к мигрантам, ведь они играют не последнюю роль в нашей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьёва О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ – 2003. – №9 (202). – С. 35.

Фонд общественное мнение // Об отношении к мигрантам – внутренним и внешним – Режим доступа: <http://fom.ru/Nastroeniya/11566> (дата обращения:

[1] Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по странам гражданства)¹ [Электронный ресурс]: Официальная статистика ФМС РФ. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/> (Дата обращения: 14.11.2015г)

[2] «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины» (заключено в г. Москве 16.01.1997) (ред. от 14.03.2007) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

[3] «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об облегчении поездок граждан» (Заключено в г. Москве 22.03.2013) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

[4] Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по странам гражданства)² [Электронный ресурс]: Официаль-

¹ <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>

ная статистика ФМС РФ. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/> (Дата обращения: 14.11.2015г)

[5] Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по целям прибытия)¹ [Электронный ресурс]: Официальная статистика ФМС РФ. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54893/> (Дата обращения: 14.11.2015г)

[6] П.4, ст. 13, Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

[7] Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 10 месяцев 2015 года [Электронный ресурс]: Официальная статистика ФМС РФ. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/178175/> (Дата обращения: 14.11.2015г)

[8] «Патентованные мигранты», Геннадий Золотухин. 1.01.2015г. [Электронный ресурс]: Интернет-газета. – Электрон. текст. дан. – 2015. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2014/12/30/6364693.shtml> (Дата обращения: 14.11.2015г)

[9] Ст. 18.20 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.11.2015) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

[10] П.2 ст.13.3 Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О правовом положении иностранных граждан

² <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>

¹ <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54893/>

в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 14.11.2015г)

[11] Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, Кремль. 12.12.2013г. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Президента РФ. — Электрон. текст. дан. — 2015. URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (Дата обращения: 14.11.2015г)

[12] Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 10 месяцев 2015 [Электронный ресурс]: Официальная статистика ФМС РФ. — Электрон. текст. дан. — 2015. URL:<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/178175/> (Дата обращения: 14.11.2015г)

**7 секция «Этнокультурная
динамика и этническая
мобильность в XXI веке»**

THE CONTEMPORARY STATE OF TRADITIONAL RELIGIONS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE SIBERIAN ARCTIC (KRASNOYARSK KRAI)

VLADIMIR I. KIRKO

Department of Economics and Management, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after Victor Astafyev, Russia

ABSTRACT

The article reports on results of field research conducted in the Siberian Arctic between 2010 and 2015. Field research was conducted at the place of compact residence of indigenous people: Evenks, Dolgans, Nganasans, Chulyms, Nenets people, and Selkup people. In addition to field research, methods of expert interview were applied, with representatives of the indigenous people of the Siberian Arctic, including scholars, community leaders, members of the business community, and local government officials acting as experts. The research made use of statistical data on demographics, places of residence, employment, and religious affiliations of the indigenous peoples of the Siberian Arctic. Ethnic and cultural identities of the indigenous people depend on religious affiliation. Shamanism, the traditional religion of the indigenous peoples of the Siberian Arctic, is assuming new forms; it is adapting in response to market economy, mass culture, and global change.

INTRODUCTION

The history of the study of religion indigenous peoples Siberian Arctic has more than a century. These studies have several areas: statistical studies, socio-economic, cultural and ethnographic research. The study of ethnogenesis of indigenous ethnic groups Siberian Arctic also solves the problem of the interaction of socio-cultural practices of different ethnic groups and the common origin of their cultural heritage. In the history of the study of indigenous peoples Siberian Arctic stages can be distinguished: studies to the XIX century; study of end XIX – XX century; modern period Indigenous Studies (1990 – 2000s) (Pedersen, 2001; Koptseva et al., 2015; Peers, 2015a; Zamaraeva et al., 2015).

Prolonged relevance and consistency of research interest in the environment of indigenous ethnic groups explained primarily, by the fact that socio-cultural practices of these territories are found in their extreme contrast to the way of life of other nations, and to the present day in some measure preserve this specific aspect. As a result of the research activity is now possible to observe the addition of two polar points of view in relation to the cultural heritage of indigenous peoples, manifested as the basic contradiction of modern science on this issue, and the dispute of cultural realities (Brightman et al., 2014; Koptseva et al., 2014a; Libakova et al., 2015; Siikala, 2014). This contradiction can be formulated as recognition of the need to preserve the cultural heritage of indigenous peoples and at the same time the unacceptability of inhibition processes of modernization of the changing ethnic group.

The most consistently developing and sustainable is a look at the cultural heritage of indigenous ethnic groups in the Siberian Arctic as a unique and tragically lost. This approach asserts the need to preserve and protection of cultural heritage of indigenous peoples, especially in a situation of small number. Thanks to this approach were formed vast ethnographic collections of leading Russian and regional museum center. Ways of preserving cultural

heritage, recognized in the context of this position are different the locking mechanisms and restoration of the traditions of indigenous peoples: actively used by method of museumification of cultural heritage in its various aspects (museum collections and exhibitions), the method of preservation of intangible cultural heritage (folklore, language), and technology of restoration of heritage (preparation of dictionaries, writing, implementation of training) (Betts et al, 2015; Koptseva et al., 2014b; Libakova et al, 2014.; Price, 2015).

Alternative viewpoint argues that conservation measures should not provoke «museumification of people» and interfere with indigenous ethnic groups to follow the path they need change. Modern Russian society is inherent to romanticize the culture, so that indigenous peoples are no longer to be identified in their modern everyday life and mythology of the past becomes a model of the desired social organization. On the one hand, the romanticizing of the past of these peoples understood as a cultural nostalgia, on the other hand, indicates of nationalistic sentiments as «outside» and «inside». Processes of romanticization of culture undeservedly deprived of attention researchers because they are the current trends and view are closely related to problems of nationalism, cultural distance, identity and lead to misunderstanding of contemporary social trends, stating the need to preserve traditional culture media, ignoring the view of the representatives of indigenous peoples as man in his changing every day. Such conceptual stance characterizes of post-Soviet Russia in ethnology. Canadian anthropologist J.D. Anderson noted the enormous gap between prevalent image of the indigenous peoples represented in the classical studies and real their representatives have long to opt for a orientation in the future, not the past, and included in the contemporary socio-cultural processes (Anderson, 2000).

Nevertheless, even in conditions of progressive changes worldwide phenomenon largely indicate high adaptive capacity of ethnic traditions. This study has a purpose to solve the

contradictions prevalent in academic discussion of views on the cultural heritage of the indigenous peoples of the Siberian Arctic using the search capabilities of preserving the cultural heritage of the indigenous population in modern conditions. Orientation of this search – avoid the tendency «conservation» lifestyle of indigenous peoples to the existing socio-cultural level and create conditions for the implementation of aspects of cultural heritage of their actual the function of maintaining ethnic identity (Alberts, 2015; Kistova et al., 2014; Pimenova, 2015; Sitnikova, 2015).

MATERIALS AND METHODS

In 2010–2016, researchers and graduate students of Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk State Medical University, and Krasnoyarsk State Agricultural University carried out field research in the settlements predominantly populated by indigenous peoples of the Siberian Arctic: Evenks Dolgans, Selkups, Nenets, Yakuts (Kistova et al, 2013; Koptseva, 2013; Pimenova, 2015; Reznikova, 2013). Field studies conducted in the following towns: settlement Surinda (Evenkia), village Essey (Evenkia), village Karaul (Taimyr), village Nosok (Taimyr), village Pasechnoe (Tyuhtet) settlement Hordogoy (Yakutia), village Hatanga (Taimyr), village Farkovo (Turukhansk). The village Surinda (Evenkia) is a place of residence Evenks are engaged in nomadic reindeer herding. The village Nosok and the village Karaul there are places where they live Nenets. Nenets engaged in nomadic reindeer herding and fishing. Essey settlement is a place where the Yakuts live in isolation. They are engaged in hunting, fishing, gathering berries and useful plants. The village Hatanga (Taimyr) – this is the place where they live Dolgans. They hunt wild reindeer, fishing. The village Hordogoy (Yakutia) – this is the place where they live Yakuts. They occupy a traditional Yakut horse breeding breed, hunting, fishing, gathering medicinal plants. The village Pasechnoe is a place where indigenous ethnic

group «Chulym» live. They are engaged in fishing. Basically, their employment is associated with modern and not traditional professions. Selkups live in the village Farkovo. In Farkovo field studies were conducted in 2010.

During field studies used these methods: in-depth interviews, photo and video shooting, questionnaires, participant observation, focus groups, interviews with experts. The scientists kept diaries of observations, where every day recorded the results of their research, did the primary analysis. To obtain the results were studied field research of other scientists; the results were compared and corrected. Also used by statistical information. Been analyzed the research of shamanism in the last 100 years.

The results of field studies were discussed at an expert workshop in the Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Pedagogical University in 2010–2014. An expert seminar was attended by representatives of indigenous peoples of the Siberian Arctic:

- 1) Semen Palchin, Nenets, Commissioner for Human Rights of Indigenous Peoples of Krasnoyarsk Krai;
- 2) Catherina Sinkevich, Evenk, chief specialist of the Ministry of Northern Affairs and Support of Indigenous Peoples of Krasnoyarsk Krai;
- 3) Valery Wengo, Nenets, member of the Legislative Assembly of Krasnoyarsk Krai;
- 4) Olga Khomushku, Tuvan, Rector of Tuvan State University;
- 5) Timur Samatov, Dolgans, businessman;
- 6) Ljubov Gayulskaya, Evenk, a member of the village administration Surinda

They have made a very important point for the understanding of shamanism as a cultural heritage of indigenous peoples of the Siberian Arctic (Amosov et al., 2012; Koptseva et al., 2014b; Krivonogov, 2013; Libakova et al., 2015; Seredkina, 2014).

RESULTS AND DISCUSSION

Religion is the quintessence of the ethnic group. On signs, symbols and rituals of religion based processes of ethnic self-identification. The core of every ethnic and cultural group makes up etalons of economic and religious life that are typical of this ethnic group. Shamanism is an ancient religion of the indigenous peoples of the Siberian Arctic. Despite the active Christianization of the population of Siberia and the North since the 17th century (in the case of certain territories – from the 19th century), ethnographers in the late 19th – early 20th century fixed the widespread dissemination and use of religious practices of shamanism in northern and Siberian indigenous peoples. Currently there shamanism in different nations of the world, researchers are paying particular attention to issues of social essence of shamanism – shaman personality function in society, and the generally accepted definition of shamanism in indigenous studies do not exist (Hammer, 2015; Peers, 2015b; Takakura, 2015)

1) Shamanism is the religion of the indigenous peoples of Siberia and the North; shamanism has the earliest form of religion. In this case, shamanism is seen as the result of a common religious experience in the Arctic, Siberian and Asian peoples, and not as a creation of shamans as the holder of a special ecstatic experience. In this case, shamanism as a religion of the people often combines elements of non-shamanic, shamanic origin and elements borrowed from other religions.

2) The shamanic complex – a special, harmonious and complex system of philosophy, which regulates ways of life of the people. The basis of this system supposed to definite view of the world, which includes: the structure of the world (The Upper and The Lower worlds of spirits, average human world), the relationship of its elements (the existence of a world axis – the World Tree), the mediator in the human world – the shaman (who is able to have contact with the worlds of spirits, the ability to use for the benefit of the community), which serves as a link between the members

of their social group (family, settlement), and supernatural powers. Special ritual practice of shamanism in this complex acts «kamlanie» – action by shaman conducive to immersion in an altered state of consciousness and his journey to the spirit worlds. Songs and music ritual has certain laws and the function of ceremonial musical universal language of communication with the supernatural world. The rites of shamanism among the indigenous peoples of Siberia and the North in the first half of the 20th century were identical to the most important rites of the Eneolithic. Possible to see the relationship of modern rituals of shamanism in Siberia and the Far North with the worldview of the ancient population of Siberia, especially the content of which is the knowledge of complex rites and rituals of initiation to extraterrestrial space – The Upper and The Lower worlds.

3) Shamanism is the ordinary worldview, the special status which was created as a result of the dominant colonial approach with regard to the indigenous peoples of the North. This view is inherent to researchers of culture and history of the North post-Soviet period, which has allowed rethinking features of the relationship between the dominant and the small indigenous peoples of Russia. Shamanism as a scientific concept created at the initial stage of the Russian colonial project when the symbolic boundary, separating the European part of Russia from the conquered Siberia just started installed. Shamanism in this context does not exist as a distinct religious institution, but it was designed the process of becoming of the Russian Empire in the texts of scientists. The concept of shamanism played a significant role in the establishment of the colonial order because observed phenomena of life shamans in the process of discussion of the established and confirmed the social inequality of the peoples living in the West and in the East of the Russian Empire. The result of this was the creation of an artificial opposition of «East – West». This view is based on the study of colonial discourses in relation to indigenous peoples of Siberia and the North.

4) Shamanism is a mechanism of social regulation. This view

of shamanism fixes as the main aspects of social function of the shaman. Shamanism as a system is understood as a universal self-adjusting mechanism of collective mental regulation, effective way to protect and manifestations of the biological functions of the genus.

5) Shamanism as a mental abnormality – this view is an accepted in the 19th – early 20th century. In ethnographic studies shamanism is regarded as a special form of polar hysteria, which is endemic, or method of subordination of on the part of shamans.

6) Shamanism as ecstatic techniques of consciousness expansion (communication with other worlds, returning to a state of chaos as preparation of a new act of creation). This aspect of the study of the phenomenon of «shamanism» is especially popular today. These aspects of shamanism are very interested for specialists in the study of altered states of consciousness, what is called an ecstatic state of the shaman during the ritual, and specialists practicing similar technology. For example, shamanism understands founders and followers of Transpersonal Psychology, and the creators of the «combined» method of personal shamanism, that involve shamanic ritual practices in the context of other philosophical and psychological systems. In this case study examines how shamanic techniques to facilitate the elimination of unwanted internal states and external circumstances, ritual practices of shamanism adaptation to the conditions of modern life, the analysis what elements shamanic traditions, and how can help a person in his modern life. In Transpersonal Psychology true shaman is a person able to subdue the altered states of consciousness to continue to use them for the benefit of society; basis of shamanic practices – controlled act of mental dissociation», which realized through both the external ritual reenactment of the internal events; with the shamanic experience and presentation are evaluated as having the archetypal and therefore objective. Practically oriented provisions of Transpersonal Psychology pose a newly developed ways of overcoming of fears and emotional crises by awakening man in an «internal of the

shaman» – «the dreambody».

7) One of the most relevant topics of ethnography today – the current state of shamanism and ways to adaptation in the modern world. In the past 10 years, researchers of shamanism – ethnographers, anthropologists, sociologists, – actively discussing on the relevance of shamanism for the indigenous peoples of Siberia and the Far North. This revival of shamanism or a «historical reconstruction»?

Start the recovery of shamanism – the period of the 1990s, the period of active ethnic identity and identity for indigenous peoples of the Siberian Arctic. Shamanism has three determinants: 1) mythological determinant – view of the world and the relationship of its parts; 2) the determinant of the medium – the presence of a mediator that connects different parts of the world; 3) the determinant of ritual – an implementer of this connection. Structure of society in the worldview of shamanism – a pyramid, where the first level is a broad mass (the uninitiated, the profane), the second level – is limited in the number of society of shamanism (intermingled), and the upper level – the minimum number of community by shamans (dedicated). Shamanism as a religious practice has always existed in these three plans: 1) in the activities of shamans professionals elected; 2) in family ritual and medical practice in the family or clan, together with elementary religious and magical practices; 3) in the worldview of society, have established themselves as complex of ideas and beliefs on the basis of the sacred knowledge of shamans and transformation of knowledge among the uninitiated.

During the Soviet period shamanism significantly was transformed as a result of the atheistic policy of the state (the destruction and isolation of professional shamans upbringing work among the masses, prohibitions on traditional medical practices, policies to ban the traditional part of the national culture, which is associated with the religious and magical knowledge). Therefore, in the Soviet period, in varying degrees, to modify all three spheres of existence shamanic practices, each of them is now recovering

on its own. By the end of the 20th century professional sphere of shamanism practically ceased to exist because of small number (lack) dedicated to the shamans. Domestic shamanism remains in rural areas and to a large extent preserved in the cities. Shamanism gradually ceased being a common outlook: several generations of people who grew up in boarding schools, in isolation from the clan traditions, ceased to be the bearers of these traditions. In this shamanic representation preserved in the forms of superstition.

During the period of the ban on shamanism among the indigenous population of Siberia and the North begins to spread phenomenon called researchers «Shamans without drums» – gradually formed and separated group of people who were not able to enter in shamanic practices, including due to the lack of teachers, but in their characteristics were designed to therefore have a «shamanic gift.» In the future, this group of people influenced the change shamanic tradition «from within». They have influenced the modern shamanism, especially with increasing demand for shamanic knowledge and address to the «shaman without a drum» as teachers and consultants from the modern shamans. As a result, a process accompanied by the life of indigenous peoples in the Soviet era, shamanism significantly was transformed, and the number of practitioners dedicated to the shamans comes to a critical point of extinction.

The main features of the religion of indigenous peoples of the Siberian Arctic:

1) The combination of ritual objects – for example, in the ethnic museum on Lake Lama remained bed – image assistant of the shaman and embodiment of the spirit made from icons.

2) The combination of a doubling or ritual practices – conducting repeated rituals; especially with regard to the rites of purification / sanctification and remembrance (shamanic rituals are performed along with the church, Christian).

At the same time, because of remoteness Territory of Distribution of shamanism from the center of the state and

discontinuous, distance from each other settlements in the Far North shamanic practices in some regions are preserved in the original version.

CONCLUSIONS

Currently, the Siberian Arctic regions among indigenous peoples there are the following kinds of shamanism.

1) Shamanism as a result of the evolution of the initial regional traditions. In some regions of the Siberian Arctic, where previously practiced hereditary shamans, the tradition was weakening, but not completely interrupted. There remained traditional practices, as well as among the older and middle generations preserve the tradition of shamanism household. In regions where the tradition was largely interrupted, shamanism has evolved under the influence of individual interpretations using the «shaman without a drum.» Is also such regions of the Siberian Arctic, where shamanism survived in a latent form – was its recovery. Are here prepared successors of shamans have practiced in secret, and after removal of the ban on shamanic practices they have shown high activity.

2) Neoshamanizm was formed in a situation of significant interruption in tradition and its deformation and the presence of a wide array of educational opportunities to various medical, hypnotic, magical techniques. Many candidates for the shamans were trained in various training courses that allowed them master the traditional shamanism unusual techniques or learn shamanic techniques in a non-traditional version (teachers could serve «without shaman drums»). Characterized with forming of professional society's shamans, shaman initiation into people of other nationalities, travel to shamanic practices and seminars.

3) Urban Shamanism – practice of shamanism in urban environments. Representatives of this trend are divided into shamans and neoshamans. Urban Shamanism distributed not only in Siberia and the Far North, but also in the central regions

of Russia.

4) Eksperientsialny (from «knowing from experience») Shamanism – a variant of shamanic practices, aimed at the widest possible audience, it does not require election and possession of «shamanic gift», and suggests the possibility of the development of any interested technician dive into an altered state of consciousness and management (which is characteristic of shamans). In Russia there is generally in the business form. In the original version of this kind of shamanism was formed as a technique to help solve psychological problems and was sent to control internal world and external circumstances.

Thus, the initial resistance during the Soviet period shamanistic practices and the subsequent surge in the relevance of shamanism in the post-Soviet period has led to various transformations of this tradition. Shamanism in the representation of the indigenous peoples of the Siberian Arctic is a sphere of fixing their ethnic identity almost in the first place. That is why the demand of shamanism has increased dramatically with the collapse of the Soviet Union, when each of the peoples of Russia began to actively seek the means of ethnic identity.

REFERENCES

Alberts T 2015. *Shamanism, Discourse, Modernity*. Ashgate Publishing, Ltd.

Amosov AE, Bokova VI, Koptseva NP, Kirko VI, Reznikova KV, Semenova AA, Zamaraeva JS, Ilbeykina MI, Libakova NM 2012. *Indigenous and small in number peoples of the North Siberia under the global transformations (on the material of the Krasnoyarsk Territory). Part 1. Conceptual and methodological basis of the research. Ethno-cultural dynamics of Indigenous Peoples of the Krasnoyarsk Krai*. Krasnoyarsk: House of the Siberian Federal University.

Anderson DG 2000. *Identity and ecology in Arctic Siberia: the number one reindeer brigade*. Oxford University Press.

Betts MW, M Hardenberg, and I Stirling, 2015. *How Animals*

Create Human History: Relational Ecology and the Dorset–Polar Bear Connection. *American Antiquity*, 80 (1): 89–112.

Brightman M, Grotti VE, Ulturgasheva O (Eds.) 2014. *Animism in rainforest and tundra: personhood, animals, plants and things in contemporary Amazonia and Siberia*. Berghahn Books.

Hammer O 2015. Late Modern Shamanism: Central Texts and Issues. In: Kraft SE (Ed.), Fonneland T (Ed.), Lewis JR *Nordic Neoshamanisms*, New York, USA, pp.13–33.

Kistova AV, Pimenova NN, Koptseva NP, Reznikova KV 2014. Cultural and Anthropological Studies of Indigenous Peoples of Krasnoyarsk Krai Childhood (based on the field studies of Siberian Federal University in 2010–2013). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8 (7): 1312–1326.

Kistova AV, Pimenova NN, Zamaraeva JS, Reznikova KV 2014. Research possibilities for studying the indicators of quality of life of indigenous peoples of the North (based on the study of indigenous peoples of the North of Russia). *Life Science Journal*, 11 (6s): 593–600.

Koptseva NP, 2013. The Results of Theoretical and Experimental Research of the Modern Problems of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East in Siberian Federal University. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 5 (6): 762–772.

Koptseva NP, Kirko VI 2014a. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation. *Life Science Journal*, 11 (7): 180–185.

Koptseva NP, Kirko VI 2014b. The information basis for formation of positive ethnic identities in the process of acculturation of indigenous peoples of the Arctic Siberia (Krasnoyarsk, Russia). *Life Science Journal*, 11 (8):479–483.

Koptseva NP, Kirko VI, 2015. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples Siberian Arctic. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (3 S5): 217–223.

Krivosnogov VP 2013. The Dolgans' Ethnic Identity and Language Processes. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 6 (6): 870–881.

Libakova NM, Sertakova EA, 2015. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 1 (8): 114–129.

Libakova NM., Sitnikova AA, Sertakova EA, Kolesnik MA, Ilbeykina MI 2014. Interaction of the Yakut ethnicity and biological systems in the territory of the Sakha Republic (Hordogoy settlement, Suntarsky District) and Krasnoyarsk Krai (Essey settlement, Evenks District). *Life Science Journal*, 11 (6s): 585–592.

Pedersen MA 2001. Totemism, animism and North Asian indigenous ontologies. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 7 (3): 411–427.

Peers EK 2015a. The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism. *Worldviews: Global Religions, Culture, and Ecology*, 19 (3): 245–264.

Peers EK 2015b. Cartoon epic heroes in indigenous Siberian revival: The meaning of ethnicity in Putin's Russia. *Anthropology Today*, 31 (3): 3–7.

Pimenova NN, 2015. Indigenous peoples in the current situation: the scope and content of the concept. *Sociodynamics*, 1: 112–134. DOI: 10.7256/2409–7144.2015.1.14249. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14249.html

Price N 2015. *Shamanism, archaeological representations of. In: The International Encyclopedia of Human Sexuality*. Published Online: 20 April 2015, DOI: 10.1002/9781118896877.wbiehs483.

Relic R 2015. Genesis and Origin of the Esoteric Culture in White Shamanism: A Historical–Cultural Analysis. *Journal of Human Values*, 21 (2): 99–105.

Reznikova KV 2013. Preservation and Transformation of Certain Aspects of the Traditional Way of Life of the Indigenous and Small-Numbered Peoples of the North, Living in the Settlements (Posyolki) of Turukhansk and Farkovo. *Journal of Siberian Federal*

University. Humanities & Social Sciences. 6 (6): 925–939.

Seredkina NN 2014. Revisiting Methodological Principles of Cultural-Semiotic Approach in Studying Art of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8 (7), 1342–1357.

Siikala AL 2014. The Siberian Shaman's technique of ecstasy. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, 11: 103–121.

Sitnikova AA 2015. The Image of Siberia in Werner Herzog's Soviet, Post-Soviet Fiction and Documentary Films. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4 (8): 677–706.

Takakura H, 2015. *Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Micro Adaptation in Siberia*. Government Printing Office. Trans Pacific Press

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫПОЛНЕНО
ПРИ ФИНАНСОВОЙ
ПОДДЕРЖКЕ РОССИЙСКОГО
ФОНДА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ,
ПРАВИТЕЛЬСТВА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ,
КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО
ФОНДА ПОДДЕРЖКИ
НАУЧНОЙ И НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
№17-11-24501**

**THE REPORTED STUDY WAS FUNDED
BY RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC
RESEARCH, GOVERNMENT OF KRASNOYARSK
TERRITORY, KRASNOYARSK REGION SCIENCE
AND TECHNOLOGY SUPPORT FUND TO THE
RESEARCH PROJECT №17-11-24501**

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 секция «Современные миграционные процессы на территории Центральной Сибири: научные подходы к изучению»	5
The Study of Labor Migration Processes in The Eastern Regions of Russia	7
Abstract	7
Conclusions	18
Shamanism – the traditional religion of the indigenous peoples of the Siberian Arctic	37
Abstract	37
Introduction	38
Results and Discussion	41
Conclusions	47
References	48
Миграция как фактор региональной этнополитики в Сибирском федеральном округе	52
Migration as a Factor of Regional Ethnic Policy in Siberian Federal District	52
abstract	52
Русские в сценарии межнациональных отношений в России: теория, история, перспективы	74
Abstract	74
2 секция «Управление миграционными процессами: научные концепции и социальные инновации»	85
Образ иностранного трудового мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края	87
THE IMAGE OF FOREIGN LABOUR MIGRANTS IN MASS CONSCIOUSNESS OF INHABITANTS OF KRASNOYARSK REGION	87
ABSTRACT	87
Влияние миграционных процессов на качество образовательной услуги	92
ABSTRACT	92

Влияние трудовой миграции на инновационное развитие Красноярского края	97
THE IMPACT OF LABOUR MIGRATION ON INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE KRASNOYARSK TERRITORY	97
Abstract	97
Динамика изменений социальных часов в русской культуре второй половины XX – начала XXI века	102
DYNAMICS OF CHANGES IN THE SOCIAL HOURS IN THE RUSSIAN CULTURE OF SECOND HALF OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY	102
KOCHEROVA A. B., REZNIKOVA K. V	102
Abstract	102
Список литературы	109
Эколого-правовые проблемы, связанные с миграционными процессами	118
ECOLOGICAL AND LEGAL PROBLEMS RELATED TO MIGRATION PROCESSES	118
ZOBNIN, V. S., T. G. SPIGLAZOVA	118
Abstract	118
Список используемой литературы	122
Корейцы в современной России: роль этнического меньшинства	124
SAVRASENKO, N. S., KISTOVA A.V	124
Koreans in modern Russia: the role of ethnic minorities ..	124
abstract	124
3 секция «Концептуальные вопросы современной миграционной политики»	135
Этнокультурные образы аборигенов в Краеведческом музее г. Красноярска	137
Filko A.I., Koptseva N.P.	137
ABSTRACT	137
Социально-экономические характеристики этнических меньшинств в Великобритании	143
L. KOCHETKOV, SHARYGIN M. D.	143
ABSTRACT	143

4 секция «Социокультурная адаптация мигрантов как фактор современной этнической мобильности»	149
Development of the Russian Economy's Agricultural Sector under the Conditions of Food Sanctions (2015 – 2016)	151
Nevzorov V.N.	151
Introduction	151
Methods and Materials	152
Literature Review	153
Research results	156
Conclusions	165
5 секция «Педагогические модели обучения русскому языку как иностранному»	167
Социальные контакты женщин-мигрантов в контексте их лингвокультурных ориентаций (на примере Республики Татарстан)	169
SOCIAL INTERACTIONS OF MIGRANT WOMEN IN THE CONTEXT OF THEIR LINGUISTIC AND CULTURAL ORIENTATIONS (ON THE EXAMPLE REPUBLIC OF TATARSTAN)	169
Titova T.A.	169
ABSTRACT	169
5 секция «Педагогические модели обучения русскому языку как иностранному»	177
Русский Язык как государственный язык РФ и как язык межэтнической коммуникации	179
RUSSIAN LANGUAGE AS THE STATE LANGUAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND AS THE LANGUAGE OF INTERETHNIC COMMUNICATION	179
Karelina V.A.	179
ABSTRACT	179
Используемая литература	181
6 секция «Теория государства и права в контексте зарубежного и российского миграционного законодательства»	183
Изменения в патентной системе и их влияние на трудовую иммиграцию	185

CHANGES IN THE PATENT SYSTEM AND THEIR IMPACT ON LABOUR IMMIGRATION	185
Kolpakov N.A.	185
ABSTRACT	185
Опыт организации поликультурного центра непрерывного образования в Сибирском федеральном университете	191
THE EXPERIENCE OF THE ORGANIZATION MULTICULTURAL CENTRE FOR CONTINUING EDUCATION IN SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY	191
Korshunova V	191
ABSTRACT	191
Литература	198
Россия без мигрантов в эпоху глобализации	200
RUSSIA WITHOUT MIGRANTS IN THE AGE OF GLOBALIZATION	200
Rodak O.I	200
ABSTRACT	200
Литература	203
7 секция «Этнокультурная динамика и этническая мобильность в XXI веке»	207
The Contemporary State of Traditional Religions of The Indigenous Peoples of the Siberian Arctic (Krasnoyarsk Krai)	209
Vladimir I. Kirko	209
Abstract	209
INTRODUCTION	210
MATERIALS AND METHODS	212
RESULTS AND DISCUSSION	214
CONCLUSIONS	219
REFERENCES	220
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно- технической деятельности в рамках научного проекта №17-11-24501	224

The reported study was funded by Russian Foundation
for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory,
Krasnoyarsk Region Science and Technology Support
Fund to the research project №17-11-24501 224

Наталья Петровна Копцева
Юлия Сергеевна Замараева
Наталья Николаевна Пименова
Владимир Игоревич Кирко
Ксения Вячеславовна Резникова

Специфика этнических миграционных процессов на
территории Центральной Сибири в XX-XXI веках:
опыт и перспективы
Сборник материалов международной научной конференции

Редактор Юлия Сергеевна Замараева
Переводчик Ксения Вячеславовна Резникова
Переводчик Александра Александровна Ситникова
Переводчик Наталья Николаевна Середкина